

д а н и э л ь [г л а т т а у э р

рождественский пёс

Annotation

Макс терпеть не может Рождество, а потому решил спастись от праздника бегством, улетев на Мальдивские острова. Но выполнить гениальный план мешает его собака Курт, которую не с кем оставить. Курт неприхотлив и больше спит, чем бодрствует. Любимое состояние пса — состояние абсолютного покоя. Катрин, с которой Макс познакомился по Интернету, в сочельник исполняется тридцать. Ее мать и отец никак не могут смириться с тем, что дочь до сих пор не нашла избранника: желательно мужчину элегантного, умного, из хорошей семьи, с хорошим достатком, хорошим вкусом и хорошими манерами — в общем, настоящего джентльмена. И тут на горизонте появляется Курт со своим странным хозяином... Впервые на русском языке! От автора мировых бестселлеров «Лучшее средство от северного ветра» и «Все семь волн».

- [Даниэль Глаттауэр](#)
 - [Первое декабря](#)
 - [Второе декабря](#)
 - [Третье декабря](#)
 - [Четвертое декабря](#)
 - [Пятое декабря](#)
 - [Шестое декабря](#)
 - [Седьмое декабря](#)
 - [Восьмое декабря](#)
 - [Девятое декабря](#)
 - [Десятое декабря](#)
 - [Одиннадцатое декабря](#)
 - [Двенадцатое декабря](#)
 - [Тринадцатое декабря](#)
 - [Четырнадцатое декабря](#)
 - [Пятнадцатое декабря](#)
 - [Шестнадцатое декабря](#)
 - [Семнадцатое декабря](#)
 - [Восемнадцатое декабря](#)
 - [Девятнадцатое декабря](#)
 - [Двадцатое декабря](#)
 - [Двадцать первое декабря](#)

- [Двадцать второе декабря](#)
 - [Двадцать третье декабря](#)
 - [Двадцать четвертое декабря](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

Даниэль Глаттауэр
Рождественский пёс

Первое декабря

«В этом году Курт, как обычно, празднует Рождество дома. В отличие от своего хозяина (то есть меня). Кто мог бы взять к себе на несколько дней собаку? Курт — хороший пес. Он совсем ручной и не требует особого ухода».

Такое объявление появилось в Интернете на сайте «Рождество». «Хозяином» был Макс, а Курт был чистокровный немецкий дратхаар. Чем он в тот момент занимался? Лежал под своим креслом и упражнялся в безделье. Это, конечно, было не совсем его кресло, а просто кресло, под которым он проводил большую часть времени. Из двух лет, прожитых Максом и Куртом под одной крышей, приблизительно год и восемь месяцев Курт провел под креслом. Так что можно смело утверждать, что это было «его кресло». Если Курт что-то и заслужил в своей жизни, то это кресло. А вот кресло явно не заслужило Курта. По сравнению с ним оно было однозначно более живым.

Макс жил один (если, конечно, не считать Курта). Из принципа, а не от робости — не мог же он всю жизнь быть робким! Ему как-никак уже исполнилось тридцать четыре года. Чтобы сразу исключить все недоразумения: Макс не был голубым. Ничего страшного, конечно, в этом бы не было; в конце концов, Джордж Майкл, например, голубой, и ничего. Но Макс любил мужчин не больше, чем мытье окон, смену постельного белья или подъем Курта на ноги. Макс рассуждал так: с мужчинами можно выпить кружку-другую-третью-четвертую пива, сыграть в дартс, отпраздновать приобретение мотоцикла «харлей-дэвидсон» и помечтать о недоступных женских бюстах. Ну и конечно же, поговорить о работе. Из всех перечисленных занятий в мужском клубе Максу милее всего были печальные грезы о недоступных женских бюстах. Макс любил женщин. Они его теоретически тоже. Но к сожалению, Макс и женщины плохо сочетались друг с другом. Они уже давно экспериментировали в поисках гармонии, но безуспешно. Дело в том, что у Макса была одна проблема, довольно специфическая, довольно необычная, можно даже сказать экзотическая проблема. (Но об этом позже.) К тому же женщины — это ведь еще далеко не все, верно?

Макс чувствовал близость Рождества. Оно неумолимо двигалось прямо на него. С северо-запада уже угрожающе повеяло пряниками и глинтвейном, дохнуло туманом, дождем и снежной крупой. Ноль градусов в

мегаполисе — это слишком мало, чтобы замерзнуть, и слишком много, чтобы оттаять. Пешеходы ускорили шаг. На уме у них уже явно была оберточная бумага с ангелочками. Это вселяло в Макса страх.

Как уже было сказано, он ничего не имел против своего статуса холостяка. Это была самая честная форма межличностных отношений: каждый день в течение двадцати четырех часов Макс общался со своей личностью.

Временами он очень трогательно заботился о самом себе. А это требовало полной концентрации внимания и отвлекало от таких второстепенных вещей, как будни. Но в Рождество он как-то тупо зависал в зимнем воздухе. Его мучило от этой слишком масштабной подготовки к слишком масштабному празднованию по слишком скромному поводу. Кроме того, он страдал неизлечимой аллергией на бенгальские огни. В сочетании с опасным синдромом стеклянных елочных шаров. (Он имел склонность наступать на них.) Недавно он обнаружил в себе еще и скрытую несовместимость с хвоей и ярко выраженную невротическую реакцию на восковые свечи. А рождественские гимны приводили его в состояние глубокой зимней депрессии, из которой он с трудом выбирался только к Троице. Поэтому он и решил в этом году полететь на Мальдивы. Правда, решение было настолько вычурно-демонстративным, что мысли о нем еще больше усилили его муки. Но он твердо вознамерился вытерпеть эту ежегодную рождественскую муку под палящим солнцем. Плевать на кожу. В конце концов, ей тоже нет до него никакого дела.

Завтра, кстати, обещали снег. Завтра было воскресенье. Жуть. Макс ненавидел воскресенье.

Второе декабря

Снега не было. Его обещали по радио и по телевидению только для того, чтобы люди знали, что он мог бы быть, чтобы покупали пуховики с капюшонами и снегоуборочную технику. Катрин сидела перед компьютером и бесцельно прочесывала непроходимые дебри Интернета. Она могла заниматься этим часами. Это была разделительная полоса между деятельностью и бездельем. Отдохновение без вдохновения. Грезы без сантиментов. Поиски без цели. Виртуальный взгляд в потолок. Зевание с помощью Google. Ковыряние в носу без носа. И без пальцев. Достаточно?

Катрин выросла в простой семье. Ее родители относительно просто обрели все то, что имели, включая и Катрин, свое главное сокровище. Мама, Эрнестина (Эрни) Шульмайстер, подцепила папу, Рудольфа (Рудля) Хофмайстера в тот момент, когда его желудок, уподобившись вулкану, решительно выражал несовместимость слишком большого количества алкоголя в виде пива с организмом. Это было во время праздника пожарников-любителей, которые раз в год сами себе устраивали учебный пожар, чтобы хоть раз в год заливать еще что-нибудь, кроме ежедневного личного пожара в груди. В окрестных деревнях было слишком мало домов, да и те были из сырой древесины, которая плохо горела.

— Вам плохо? — спросила Эрни.

— Да, — ответил Рудль в перерыве между двумя красноречивыми подтверждениями этого факта. Он был очень искренним человеком.

После этого они поженились. Не сразу, конечно, а через два года. Если бы у них тогда хватило духу принять нестандартное решение, Катрин Шульмайстер-Хофмайстер носила бы сегодня фамилию Шульхофмайстер.

Может быть, тогда все было бы по-другому. Но скорее всего, нет.

Тридцать лет назад без двадцати двух дней Катрин благополучно появилась на свет. То есть теперь в самый сочельник ей должно было исполниться тридцать лет. В тот день в результате выпавших осадков в виде трехсантиметрового слоя снега город погрузился в хаос и оказался отрезанным от внешнего мира. Снегоуборочная техника не справлялась со стихией. Вернее, ее не было вообще. Городской администрации следовало бы в полном составе уйти в отставку, но она отказалась это сделать.

Во время украшения рождественской елки у Эрни начались схватки. Рудль, как это часто случается с мужчинами, готовящимися стать отцами, застрял в пробке на своем «форде-фиесте». Он застрял бы и без пробки,

поскольку ездил на летней резине. Но Эрни не растерялась. Доктор Зокоп с четвертого этажа и акушерка Алиса с первого организовали ей такие домашние рождественские роды, что даже самые матерые бульварные журналисты не рискнули бы описать их в своих опусах по причине особой клишированности обстановки. Когда Рудль вернулся домой, Катрин лежала, так сказать, под елкой, якобы даже украшенная золотым и серебряным дождем, но это уже поэтический вымысел ее бабушки и дедушки. Во всяком случае, позолоченный браслет, подарок Рудля для Эрни (1300 шиллингов после ожесточенного торга), в тот вечер заметно побледнел на фоне этого события. А до рождественского карпа очередь так и не дошла. Зато никто из гостей не подавился рыбной костью.

Понятно, что ребенок, появившийся на свет при таких обстоятельствах, во-первых, обречен на отсутствие братьев и сестер (тут даже ребенок, специально приуроченный к Пасхе, не выдержал бы конкуренции), а во-вторых, неминуемо должен навсегда остаться объектом неутолимых родительских желаний. Любящие Шульмайстер-Хофмайстеры ждали от Катрин длинных черных волос, больших зеленых глаз, красивых белых зубов, ангельского поведения в детском саду, сплошных пятерок в школе и не ждали пубертации — никаких прыщей, никаких постеров с Томом Крузом, никаких закулисных страстей во время концертов «AC/DC» и никаких частных курсов игры на бонго у «Джима с Ямайки», который знал, что главное в жизни, а именно — свобода. Более того: никаких поцелуев взасос до четырнадцати лет, никаких дискуссий о безопасном сексе до шестнадцати и никаких беременностей до восемнадцати. А вместо этого: экзамен на аттестат зрелости, по возможности с отличием, по возможности одной левой. Потом учеба, по возможности в медицинском институте. Однако тут Катрин в первый раз проявила упрямство и пошла изучать машиностроение. Но это была просто шутка, и после трех месяцев удивления и шока — родительского и своего собственного — она бросила машиностроение и устроилась на работу медико-техническим ассистентом в офтальмологическую клинику. Родители были счастливы и реабилитированы в глазах знакомых и родственников. Глаза все-таки тоже как-никак относятся к медицине.

Теперь им нужно было от нее практически только одно: зять, мужчина на всю жизнь, элегантный, умный, из хорошей семьи, с хорошим достатком, с хорошим вкусом и хорошими манерами, настоящий джентльмен («Фрау Шульмайстер-Хофмайстер — вы позволите мне называть вас мамой? — у вас лучший кофе на свете»). И с точки зрения Шульмайстер-Хофмайстеров, это была трагедия: такого мужчины не было.

Он до сих пор так и не переступил их порог, не вошел в их жизнь и даже не замаячил на горизонте. Через какие-то считанные дни Катрин исполнится тридцать — и... Нет, об этом нельзя даже подумать, не говоря уже о том, чтобы произнести это вслух. Нельзя даже просто выразить на лице свою озабоченность этим фактом в разговоре с «Золотцем». Можно только — в виде исключения беззвучно — написать об этом в нашей книге: Катрин приближалась к своему тридцатилетию и до сих пор не имела мужа!!! А значит, не имела ни ребенка, ни семьи, ни домика с садиком, ни своих собственных грядок с овощами, ни зеленого лука — ничего!

Итак, за окном не было снега. Перед окном сидела Катрин и бесцельно прочесывала Интернет. В какой-то момент она щелкнула мышью на слове «Рождество», потому что как раз подумала о нем, вернее — о том, что не хочет о нем думать. В ту же секунду на нее ринулись, отталкивая друг друга, десятки бюро путешествий со своими горящими турами на самые отдаленные от Рождества побережья планеты, посыпалась мишура рождественских базаров, разгорелась битва производителей рождественских яслей — натуральное дерево против ДСП, соломенная кровля хлева против пластмассовой, перламутровые пастухи против керамических; гастрономы выстроили целые дивизии жирных гусей и молили покупателей о заблаговременном оформлении заказов. И тут вдруг, откуда ни возмись, на тебе! Чего он хочет, этот тип? Пристроить на несколько дней собаку? У Катрин родилась идея.

Третье декабря

Макс любил понедельники. Они начинались прямо с раннего утра. Они сразу переходили к делу. Они ставили серьезные задачи, апеллируя к самолюбию. Они давали Максиму чувство причастности. Понедельников без Макса не бывало. Воскресенья, похоже, прекрасно могли без него обойтись. А понедельники были ему рады. И эта радость была взаимной.

В тот день разъезды Макса по городу были отмечены живительной целесообразностью, то есть продиктованы долгом службы. Это был удачный день, когда вполне могло даже выглянуть солнце, если бы между ним и землей не застряла толстая завеса тумана, который, согласно прогнозу, должен был «рассеяться постепенно». Иными словами, не раньше полуночи. Макс курсировал между тремя конторами, которые ему не принадлежали и которые его, в общем-то, особенно и не ждали, но терпели, поскольку в них он должен был осуществлять свою профессиональную деятельность, чтобы как-то зарабатывать деньги, — все три конторы признавали за ним это право. Макс был журналистом широкого профиля. Он готовил для еженедельного журнала «Остров загадок» свой внушающий ужас рядовым читателям «Уголок любителей кроссвордов от Макса», при решении которых девяносто процентов читателей сдавались после трех отгаданных слов. Его специализацией были придуманные им самим аббревиатуры. Например: «Ксенофонистка из шести букв». Правильный ответ: «Кснфст».

К сожалению, за эту работу мало платили, чтобы не сказать не платили вообще. Поэтому в другой конторе, в редакции одной венской районной газеты, Макс по совместительству составлял ежедневную театральную и кинопрограмму. Творческая составляющая этой работы была весьма ограничена, поскольку Макс не сам решал, что, где и когда состоится, а скорее переписывал предоставленную ему информацию. Но делал он это очень добросовестно, и вряд ли нашелся бы кто-нибудь, кто стал бы претендовать на его место при такой оплате.

Третье, и главное, поле профессиональной деятельности Макса касалось Курта, его чистопородного немецкого дратхаара. Во всяком случае, теоретически. Потому что практически Курта не касалось ничего. У него был иммунитет против всего, что так или иначе могло его касаться.

В третьей конторе Макс готовил для еженедельного журнала «Жизнь на четырех лапах», который мало кто читал, кроме самих издателей,

собачью колонку «Верные друзья», и главным героем этой колонки был не кто иной, как Курт, — ни больше ни меньше (в смысле жизненной энергии).

Тут мы должны совершить маленький экскурс в недалекое прошлое, потому что «Верные друзья» имеют довольно трагическую предысторию.

Прошло уже около двух лет, с тех пор как средства массовой информации наконец нащупали вкусовой нерв читателей и слушателей страны и поняли, что на самом деле вызывает их жгучий интерес — собачьи истории. Долой актуальную политику, это кладбище пустых фраз бездарных болтунов, эту питательную среду для депутатов, неустанно расточающих сладкие улыбки и обещания в погоне за голосами избирателей, и их взмыленных болтливых репортеров! Люди желают знать, что на самом деле происходит в мире. Столкновение машин на старте во время очередных гонок на Нюрбургринге!^[1] Секс-скандал в Ватикане! Восемьдесят процентов греческих пастухов подвержены наркотической зависимости от оливок! Верона Фельдбуш^[2] покупает словарь! Вот это настоящие сообщения, настоящие темы, настоящие заголовки!

И что еще важнее — читателя нужно развлекать. Причем хорошо развлекать. Лучше всего, конечно, по высшему разряду. Но только никаких детей с их криком и писком — этого добра и дома хватает (да и там без него можно прекрасно обойтись). Так началась золотая эра собачьих историй. Один журналист начал публиковать в еженедельной собачьей рубрике портретные зарисовки о своем бело-розовом карликовом пуделе Рюдигере. На Рюдигера подсели тысячи читателей, тротуары и скверы вскоре уже кишели карликовыми пуделями по кличке Рюдигер. Представители этой хронически уродливой и потому медленно, но верно вымирающей собачьей породы, поощряемые восторженными взглядами прохожих, вдруг обильно оросили все фонарные столбы и удобрили сотни гектаров земли.

Те из главных редакторов, которые не хлопали ушами, мгновенно отреагировали на это явление. Вскоре в каждой солидной газете на почетном месте появилась собачья рубрика, помещавшаяся чаще всего рядом с передовицей — чтобы немного разрядить политическую обстановку. Каждая рубрика имела свою специфику: большая собака, маленькая собака, пожилой хозяин, молодая хозяйка; хозяин описывает свою собаку; собака описывает своего хозяина (который при этом выполняет за нее машинописные работы, поскольку она еще не успела

освоить «Word»); хозяйка говорит за свою собаку; собака анализирует сексуальное поведение своей хозяйки; собака и хозяйка дружно переминают кости мужчинам и т. д.

Вот тогда-то Макс, тридцатидвухлетний вечный студент с большим стажем учебы, свежееиспеченный полицейский репортер очень популярной либерально-консервативной газеты «Горизонт», понял, что пробил его звездный час. И не упустил своего шанса. Он, правда, не любил собак, но все же купил Курта. Потому что увидел незанятую рыночную нишу: в этой разномастной и разношерстной авторской стае кобелей и сук не хватало собаки с артистическим талантом, способной на такие проделки и фокусы, описывая которые можно было бы заставить миллионы читателей проливать реки слез радости и умиления. Этой собакой стал Курт.

Макс увидел его на пресс-конференции в полиции, в отделе по борьбе с наркотиками. Сотрудники отдела демонстрировали новое оружие, которое использовалось в борьбе с колумбийской наркомафией. Курта взяли с собой, чтобы показать представителям прессы, как выглядит собака, натасканная на кокаин. Курт скрестил одновременно передние и задние лапы, выгнул спину наподобие гамака и стал вращать головой, как будто тренировал мышцы шеи. Глаза его были закрыты, а пасть широко открыта, язык высунут наружу.

— Он спит, — серьезно, как хирург, пояснил один из сотрудников, желая представить публике еще одно потрясающее свидетельство разрушительного действия кокаина.

Когда через несколько секунд Курт проснулся, выполнив лихой пируэт, и половина его гуттаперчевой морды оказалась глазами, крупными, весело искрящимися стекляшками кофейного цвета, а тысячи его проволочных волос встали дыбом, как наэлектризованные, Макс понял, что любой ценой должен заполучить этого пса, чтобы о нем писать.

Поскольку Курт на самом деле не имел никакого отношения к наркотикам, так как в виду преклонного возраста (двенадцать лет) находился на заслуженном отдыхе и использовался лишь как выставочный образец, полицейское начальство после нескольких недель униженных просьб Макса, не желая наживать себе врагов в прессе, в конце концов уступило его назойливому журналисту.

В первые недели Макс почти не спал по ночам. Он открывал банки с собачьими консервами и искал мячик, чтобы выманить рычащее инородное лохматое тело из своей постели, которую оно, похоже, избрало местом подготовки к очередным собачьим олимпийским играм. Но зато его рубрика «Лай на ветер» уже после трех выпусков сделала его звездой

«Горизонта», а Курта — самой знаменитой собакой страны, еще до появления «Ферстля», бультерьера нового президента.

Первый выпуск: «Как Курт свистит, требуя свой чаппи». Второй выпуск (к открытию бального сезона): «Как Курт танцует на трех лапах венский вальс». Третий выпуск: «Как Курт влюбился в ирландскую сеттершу Альму и пытался покорить ее сердце задним сальто».

Потом произошло нечто ужасное. Во время прогулки в парке после очередного тройного сальто Курт распластался на земле и перестал подавать признаки жизни. Сначала Макс подумал, что это новый трюк. Но через час понял: что-то тут неладно. Оказалось, все неладно. Курт был мертв. Он свернул себе шею.

— Он не мучился, смерть наступила мгновенно, — клялся ветеринар.

Но Макс все же не смог сдержать слезы. Курт как-никак перевернул всю его жизнь.

— Курт сдох, — сообщил Макс на следующий день главному редактору.

— Нет! — возразил тот.

— Да, — сказал Макс. — Свернул себе шею. Так что рубрика тоже сдохла.

— Нет! — заявил главный редактор. — Может, Курт и свернул себе шею, но рубрика жива! Она нужна читателям. Купите другую собаку, точно такую же. Расходы мы берем на себя.

— Такой собаки, как Курт, больше нет, он незаменим, — робко возразил Макс, с трудом проглотив комок в горле, и тут же разозлился на себя за свою сентиментальность.

— Слушайте меня внимательно, молодой человек, — невозмутимо произнес главный редактор и положил руку ему на плечо. — Незаменимых собак нет. Как и журналистов. Так что найдите другого Курта. — Он снял руку с плеча Макса, дав ему тем самым понять, что разговор окончен.

— Я, между прочим, тоже один из многочисленных читателей вашей рубрики! — крикнул он Максусу вслед.

Три дня Макс боролся с желанием уйти из газеты. На четвертый понял, что ему уже трудно будет обойтись без ежедневных десяти писем, двадцати звонков и тридцати мейлов от своих фанатов. Кроме того, его постель была слишком пуста для бессонных ночей, к которым он уже привык. Поэтому он плохо спал, одолеваемый депрессивными снами. На пятый день он приступил к поискам Курта Второго. На шестой нашел его. Вечером шестого дня он уже готовил для «Горизонта» четвертый выпуск «Лая на ветер».

Объединение кинологов организовало ему пропуск в клуб любителей немецких дратхааров. В этом клубе даже люди внешне напоминали Курта Первого. А у собак это сходство было еще более разительным: любая из них могла бы стать Куртом. Пять дратхааров как раз искали хозяина. Двое из них крепко спали, третий дремал, четвертый зевал. При виде пятого Макс сначала подумал, что тот тоже спит, и уже был близок к тому, чтобы разоблачить клуб любителей немецких дратхааров как секту приверженцев валиума. Но тут вдруг этот пятый дратхаар продемонстрировал вертикальный старт из положения лежа, укусил себя в воздухе за хвост и, окончательно проснувшись, к своему собственному изумлению, вновь приземлился, на все четыре лапы. Еще несколько минут он явно не мог прийти в себя после этого странного пируэта.

— Это Миф, он приехал с Крита, — пояснил собаковод.

— Нет, это Курт, и он поедет со мной, — торжествующе заявил Макс.

История приближается к следующей трагедии. Макс не мог знать, что в тот день Курт Второй (он же Миф, а с этого момента и до конца книги — просто Курт) стал жертвой внезапного нападения пчелы. Взлет с вертикальным стартом был его первым, и последним, неповторимым фокусом, его единственным отчетливым признаком жизни. С того момента коэффициент его подвижности был равен коэффициенту подвижности исконных жителей Крита в июльский день в два часа по полудни, то есть — нулю.

Четвертый выпуск «Лая на ветер» — «Как Курт стартовал в небо и кометой вернулся на землю», — казалось, воскресил старого Курта. Для Макса это был своего рода щемящий некролог, а для публики — четвертый выпуск блестящей собачье-спортивно-юмористической рубрики. Пятый выпуск — «Даже Курт иногда позволяет себе отдохнуть» — публика Максу великодушно простила. В конце концов, у каждого журналиста бывают спады и кризисы. После шестого выпуска — «Как Курт с закрытыми глазами мечтает о банджи-джампинге» — шеф вызвал его к себе в первый раз. После седьмого — «Курт все-таки двигается» — шеф вызвал его к себе в последний раз. Он объяснил ему, что журналистика имеет прямое отношение к жизни и что седьмой выпуск «Лая на ветер» был последним, напечатанным в «Горизонте». Затем без всякого перехода похвалил Макса как толкового полицейского репортера.

В тот же день Макс заявил о своем уходе из газеты и большую часть суток стал проводить дома, где Курт тем временем без боя захватил место под креслом. Они мало говорили друг с другом. Когда у Макса появлялось непреодолимое желание выгулять Курта, тот покорно тащился с ним на

улицу.

Ежедневное количество мейлов от фанатов уменьшалось каждый день на три единицы. Через две недели ему уже никто не писал. Через три недели Макс, который уже ничего не ждал, вдруг получил предложение от «Жизни на четырех лапах», самого безвестного журнала о животных в мире. Им нужен был автор для рубрики «Верные друзья», и они подумали о Максе и о Курте. Мол, они были бы рады, если бы хозяин продолжил рассказы о своей веселой собаке. И даже предложили за это небольшой гонорар. Растроганный Макс сразу же согласился.

Это было полтора года назад. С тех пор он каждую неделю описывал все двигательные процессы совершенно неподвижного немецкого дратхаара. На всякий случай, во избежание разочарований и огорчений, он не задавался вопросом, зачем и для кого он это, собственно, делает. По-видимому, для Франциска Ассизского.

До обеда туман так и не рассеялся. Макс закончил очередной выпуск «Верных друзей», в котором описал прогулку с Куртом под дождем, самый динамичный и острый за прошедшую неделю, поскольку Курт не пожалел энергии и обошел лужу стороной.

Перед уходом из редакции Макс заглянул в свой мейл-бокс. На его рождественскую просьбу приютить на неделю Курта откликнулись пять человек. Четверо интересовались, почему Курта зовут Куртом, не обязан ли он своей кличкой собачьей рубрике «Лай на ветер» и не такой ли он торчок, как тот легендарный Курт из «Горизонта». Открыв пятый мейл, он прочел: «Я не люблю собак, но думаю, что могла бы взять Вашего Курта. Главное, чтобы он не очень меня доставал. И я хотела бы сначала взглянуть на него. Катрин». Макс сразу же написал ответ. У него было предчувствие, что эта Катрин и Курт найдут общий язык. Он написал: «Вы можете посмотреть на собаку в любой момент. Скажите, где и когда, и мы сами к Вам приедем. Курт уже радуется встрече с Вами. Макс». Насчет «радости Курта» он, конечно, немного слукавил, но из самых лучших побуждений.

Четвертое декабря

Ночью шел дождь, и ветер с такой силой давил на оконное стекло, что оно угрожающе поскрипывало, как будто вот-вот лопнет. Катрин проснулась, укушенная огромной собакой размером со слона, с акульими зубами, и, несмотря на то что боль от укуса тут же прошла, последние три часа до звонка будильника пролежала без сна. Сегодня она должна была встретиться в кафе «Меланж» с этим типом, хозяином собаки. «Будем надеяться, что этот пес мне ничего не сделает», — подумала она. Мужчин она боялась меньше.

По вторникам прием был с восьми до двенадцати и с пятнадцати до восемнадцати. Катрин обычно приходила чуть раньше. Она не любила, когда доктор Харлих приходил до нее. Потому что он неизменно встречал ее своей коронной фразой, произносимой с французским акцентом: «Доброе утро, прекрасная фройляйн! Как спалось?» При этом его ватные ручки воровато лапали ее спину, помогая снять пальто. Это выглядело так, как будто он, как Марлон Брандо, собирался пригласить ее на «последнее танго». Впрочем, если бы такое случилось, это, скорее всего, и в самом деле стало бы его последним танго. Врачу-окулисту Харлиху было семьдесят шесть лет, и больными он давно уже занимался просто по привычке, чисто автоматически. Он уже так плохо видел, что не отличал одного пациента от другого.

Доктор Харлих подписывал больничные листы (место для подписи он находил вслепую). Все остальное делала Катрин. Теоретически она была медико-техническим ассистентом окулиста, а практически — окулистом без диплома. Пациенты приходили ради нее; из-за Катрин пришлось расширить приемную. Восемьдесят процентов пациентов составляли мужчины. Все хотели лечиться у нее, все хотели, чтобы она посмотрела им в глаза.

Время до обеда прошло незаметно. Один больной печенью, одна глаукома на ранней стадии, один юнец с прогрессирующей дальнозоркостью, сразу на две диоптрии больше, чем в прошлый раз; бедный мальчишка — всего пятнадцать лет, а уже по хрустальной пепельнице на каждом глазу. Семь остальных пациентов были здоровы и не нуждались ни в каких очках. Скорее всего, они знали это еще до приема.

Без десяти час Катрин уже сидела в «Меланже» в ожидании рождественской собаки и в надежде на то, что она будет на поводке и в

надежном наморднике. Эти десять минут ей нужны были для того, чтобы разведать пути к отступлению на тот случай, если собака будет не на поводке и без намордника.

Катрин терпеть не могла одной сидеть в кафе и делать вид, как будто она действительно читает журнал, за которым прячет лицо. Она терпеть не могла, когда с ней заговаривали мужчины, с которыми ей совсем не хотелось общаться, но с ней только такие и заговаривали. Она ненавидела их трусливо-похотливые взгляды (глаза — грудь — нога — глаза — грудь — грудь), их вывернутые в ее сторону шеи, их кобелиное подмигивание, их жадно поднятые брови, раскрытые от вождения рты с зазывно высунутым языком. Больше всего ее бесила мысль о том, что кое-кто из них, наверное, даже думает, что она только для того и сидит одна в кафе, чтобы упиваться таким вниманием.

Однажды, когда ей было двадцать шесть лет и она как раз переживала печальный финал своего четвертого неудачного романа, с Хервигом, она тоже сидела одна в кафе и покорно принимала знаки этого внимания. Во-первых, у нее просто не было сил сопротивляться. Во-вторых, ей хотелось наказать Хервига за то, что он был таким, каким был. В-третьих, она уже шесть месяцев не спала с мужчиной. В-четвертых, ей этого хотелось — необязательно спать с мужчиной, а хотя бы просто обыкновенного, нормального секса.

Тот тип за зеркальными очками — Георг, как он представился (это было чуть ли не единственное слово, произнесенное им грамматически и фонетически правильно и без особых интеллектуальных усилий), — был одним из тех мужчин, которых женщины называют Адонисами — идеальный кандидат на роль Тарзана и к тому же мог бы без ущерба для себя поделиться своей потенцией с другими. В жизни таких можно увидеть только на плакатах или фотообоях. Ради таких мужчин полчища сексуально озабоченных женщин и мамаш не очень маленьких детей каждый год летят в Тунис и скачут там на верблюдах. Многие там и остаются.

В тот момент Катрин было все равно. Поэтому она отвечала — коротко, но терпеливо — даже на такие вопросы, как: «Почему ты одна?», «Сколько же времени нужно, чтобы высушить такие волосы феном?», «А чем ты еще занимаешься?» В конце концов Георг спросил:

— А какое у тебя хобби?

— Трахаться, — ответила Катрин.

При этом она осознанно и с наслаждением подумала о Хервиге. Она много бы дала за то, чтобы он присутствовал при этом разговоре.

Георг, похоже, не ожидал такого ответа, но он ему явно понравился.

— Это и мое хобби! — сообщил он, заговорщически ухмыльнувшись, и попросил счет.

Катрин не жалела, что он тогда подвернулся ей под руку. Она сразу вспомнила, как у них с Хервигом все начиналось и почему она в конце концов поставила на нем крест.

В дешевом отеле для любовных свиданий были шампанское, арахис и мягкая мебель для любой позы. Ей льстило возбуждение Георга. И было приятно осчастливить мужчину именно тем, что он считает самым большим счастьем в жизни. Она порадовалась за него, когда он быстро кончил, и за себя — когда он быстро ушел. Он посмотрел на часы, тоже, судя по всему, вполне довольный.

— Завтра в это же время? — сказал он, пожимая ей на прощание руку.

— Пожалуй, чуть позже, минут на пятнадцать, — ответила Катрин.

Ответ показался ей настолько остроумным, что она с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Во всяком случае, это кафе она навсегда вычеркнула из своей жизни. А Георга и подавно.

История с рождественской собакой, судя по всему, тоже была пройденным этапом. Этот тип опаздывал уже на двадцать минут. Вполне достаточно, чтобы с чистой совестью уйти. Встреча не состоялась, зато она благополучно унесла отсюда ноги, цела и невредима. На улице шел ледяной дождь. Ей сегодня еще предстояло принять семь пациентов. Вечером можно будет сходить с друзьями в кино.

В эти немногие оставшиеся от обеденного перерыва минуты она вдруг ощутила непреодолимую потребность вознаградить себя чем-нибудь. К счастью, до ближайшего итальянского магазина обуви было всего несколько шагов. Прохожие напоминали замерзшие водяные столбы. Под козырьком киоска с глинтвейном Санта-Клаус отжимал мокрую шапку. Рядом с ним лежала, свернувшись калачиком, крупная собака на поводке. Поводок, натянутый как струна, был в руках у хозяина, который тянул его на себя, изогнувшись, как серфингист в эпицентре торнадо. «Чего только не увидишь!» — покачала головой Катрин.

Пятое декабря

Утром ледяной дождь перешел в снег с дождем, снег с дождем перешел в дождь со снегом, дождь со снегом — просто в снегопад. К обеду снегопад перешел в град, град перешел в ливень, ливень перешел в дождь со снегом, дождь со снегом перешел в град, потом с неба посыпалась снежная крупа, которая опять превратилась в снегопад. После обеда осадки прекратились, и при нулевой температуре выросла стена тумана высотой в одиннадцать тысяч пятьсот метров. Над которой якобы светило солнце.

Между тем у Макса появился еще один шанс встретиться с женщиной, которая вызвалась взять к себе на Рождество Курта. И хотя надежды на положительный результат было мало, он не мог упустить этот шанс. Потому что у него было достаточно друзей, с которыми он мог хоть каждый день «ходить в разведку», но ни одного, который бы согласился два раза в день выволакивать Курта на прогулку. Родители Макса каждый год улетали на Рождество в Хельсинки, к дедушке с бабушкой. Те жили там, потому что в плане погоды это было все равно — что Вена, что Хельсинки. Во всяком случае, они ни за что не приедут, чтобы встречать Рождество в Вене, ни ради родителей, ни ради Макса, ни тем более ради Курта, которого они знали только по рассказам, вернее, по рассказу о его неподвижности.

Сестер у Макса не было. У него не было никого, кто мог бы почувствовать себя обязанным сделать ему одолжение (кроме Курта). Приюты для бездомных животных были исключены: там Курт заснул бы и уже никогда не проснулся. Хотя почему, собственно, не попробовать? В Интернете он тоже больше не нашел ничего подходящего. Чаще всего люди просто хотели узнать, почему собаку зовут Куртом, не тот ли это легендарный Курт из «Лая на ветер» в «Горизонте».

Еще вчера вечером Макс отправил Катрин длинный мейл, похожий скорее на отрывок из романа. Извиняясь за неявку, он, между прочим, писал:

...Понимаете, Курт, мягко выражаясь, — флегматик. Бывают моменты, когда ему не хочется идти на улицу. Вчера в обед как раз был такой момент. А если ему не хочется идти на улицу, то он и не идет. Тут он проявляет удивительную последовательность. Кроме того, Курт немного боится воды, а вчера шел дождь. Поэтому мы и не пришли. Мы, правда, вышли из дома, но до

места так и не добрались. Нам очень жаль. То есть мне очень жаль. Но Курт действительно хорошая собака. Может, Вы все-таки захотите на него взглянуть? Может быть, завтра? Завтра наверняка не будет дождя. Завтра Курт наверняка согласится выйти из дома. Мы можем и сами прийти к Вам, скажите только, когда и куда. Мы подстроимся под Ваш график.

С сердечным пред рождественским приветом.

Макс и Курт

Заключительные слова он удалил и написал: «С дружеским приветом. Макс».

Эта Катрин, которая теоретически готова была взять собаку, ответила рано утром:

Хорошо. Приходите в офтальмологическую клинику доктора Харлиха. Я там работаю.

И указала адрес. И время: с 15 до 17 часов. И прибавила:

Пожалуйста, держите Курта на поводке и наденьте ему намордник, иначе пациенты могут испугаться.

А потом еще приписала:

Пожалуйста, убедитесь в надежности намордника и в том, что Курт не сможет сквозь него укусить.

Утро Макс провел в конторе номер один за составлением очередного кроссворда для «Уголка любителей кроссвордов от Макса». В целях экономии времени он воспользовался прошлогодним августовским номером. К счастью, аббревиатуры не имели срока годности. В обед он сдал во второй конторе очередную кинопрограмму. После обеда купил намордник. Он, конечно, предпочел бы сделать это вместе с Куртом, чтобы не ошибиться в размере. Но сегодня, к сожалению, шел то снег, то дождь.

Ровно без двух минут пять он достиг двери офтальмологической клиники доктора Харлиха. Снег и дождь прекратились в последнюю секунду, в буквальном смысле. Душевные и физические силы Макса в связи с этим были на пределе. Подниматься с Куртом по лестнице означало подниматься на каждую ступеньку пять раз. Приемная доктора Харлиха

находилась на третьем этаже. Курт, правда, охотно входил в лифты, но категорически отказывался покидать их. А вызов пожарных, как показал опыт, — довольно дорогое удовольствие. Как бы то ни было, когда дверь открылась, Курт чудом оказался у ног хозяина. На его усталой среднегабаритной морде красовался спортивный намордник размера XXL. Таким прикольно-крутым Макс его еще никогда не видел. Он уже знал, как будет называться следующий выпуск «Верных друзей» — «Как Курт надел свой первый намордник».

Следующие минуты напомнили Катрин сцену из кинокомедии, в которой новый внештатный сотрудник фирмы по продаже электроприборов, выполняя свое первое трудовое задание, хотел продать клиентке пылесос вместо швейной машинки и с перепугу приволок в качестве демонстрационного образца морозильник. Она открыла дверь, и на нее обрушился словесный залп:

— Добрый день. Меня зовут Макс. А это Курт. — Молодой человек показал рукой на мохнатое темно-коричневое колесо у своих ног, в центре которого поблескивала решетка металлического намордника. — Курт вообще не кусается, — заверил молодой человек с неожиданной грустью в голосе. — Это очень добродушный пес. Он любит людей. Просто он не умеет это выражать. Курт немного пугливый. Да и погода эта его раздражает. То дождь, то снег, то снег с дождем. Для собаки это непросто — так быстро перестраиваться. А Курт очень чувствительный пес и тонко реагирует на...

— А меня зовут Катрин, — перебила его Катрин.

— Очень приятно, — сказал он, немного смутившись.

— Проходите, — пригласила Катрин.

Он помедлил, наклонился к мохнатому колесу, словно хотел получить разрешение войти внутрь. Потом бросил поводок и вошел в приемную.

— Собака тоже может войти, — сказала Катрин.

— Спасибо, ничего с ним не случится, если он полежит на лестнице, — ответил молодой человек.

Катрин подумала, что он явно перегибает палку, что это уж чересчур строгое воспитание.

— Если я его возьму, то сначала хотелось бы посмотреть, как он себя ведет, — сказала Катрин.

— Правда? — воскликнул хозяин.

«Кажется, у него нейропатия правого плечевого сустава», — подумала Катрин.

— Сколько раз в день его нужно выводить? — спросила она.
— Два раза, но... — Он помедлил.
— Что — «но»?
— Но он и сам забывает, когда ему нужно.
— А по ночам он спит?
— Да-а-а!.. — воскликнул хозяин и сжал кулаки, как звезда тенниса после реванша над противником.
— А что он ест?
— «Вильдбойшель».^[3] Две большие банки раз в день, вечером. Он любит, чтобы ему подсовывали миску под нос.
Катрин отметила, что у хозяина здоровые зубы. И глаза, которые даже могут смеяться.
— А во что он любит играть?
— В прятки, — ответил хозяин после некоторой паузы. — И в жмурки. Причем водит всегда хозяин.
«Странный у него юмор», — подумала Катрин.
— А что с ним еще надо учитывать? О чем помнить?
— Ни о чем, — ответил хозяин. — Главное, не забывать... про него.
— И все?.. — удивилась Катрин.
— Да. Он хороший пес, — нервно ответил хозяин.
— Хорошо. Я еще раз подумаю и дам вам окончательный ответ в ближайшие дни.
— Был бы очень рад.
— И хотелось бы увидеть его в стоячем положении.
— Конечно, — ответил хозяин с горестной улыбкой и стал прощаться.
Мохнатое колесо перед дверью за это время не сдвинулось ни на миллиметр.
— Он хороший пес, — повторил хозяин и потянул за поводок.
У него были слегка оттопыренные уши. От собаки у Катрин не осталось вообще никакого впечатления. Это было лучшее впечатление, какое только могла произвести на нее собака.

Шестое декабря

В ночь на шестое декабря, день святого Николая, выпал снег. И он не растаял. Он так и остался лежать на земле. Курт — тоже. Снег, по мнению синоптиков, должен был растаять к обеду. С Куртом было сложнее.

Макс не выспался. Он долго не мог уснуть, потому что слишком старался ни о чем не думать. Потом его мозг бесцеремонно растолкали. Ранним утром, когда он (мозг) наконец понял, что организму необходим сон, за окном послышался стук лопат, разгребающих снег. И им было наплевать, спит Макс или нет. Перед этим его душил кошмар: он пытался поцеловать Катрин, ту самую молодую женщину, которая, скорее всего, не возьмет к себе на Рождество Курта. При этом ему стало дурно. Ему пришлось в последний момент резко отвернуть голову со страдальческим выражением на лице.

У этого сна была предыстория. Он преследовал Макса с самого детства. Макс видел его уже в сотнях вариаций. Точнее, сон всегда был один и тот же, варьировались только исполнительницы главной роли. Сначала это были школьницы, его соученицы, потом более зрелые тинейджеры, потом взрослые женщины, в том числе все его подружки и «женщины всей жизни», ни одна из которых не стала таковой. Стоило Максу встретить женщину, которая ему нравилась, которая казалась ему сексуально привлекательной или в которую он готов был влюбиться, как ему тут же снился злополучный сон: что он пытается поцеловать ее и ему при этом становится дурно. А при определенной степени интенсивности сна его могло даже вырвать. (В этот раз, когда в главной роли выступила Катрин, сон благодаря скрежету и стуку лопат за окнами был недостаточно интенсивным.)

В отношении содержания сна у Макса уже выработался иммунитет. Сам по себе кошмар уже не выводил его из равновесия. Гораздо хуже было то обстоятельство, что ему снилось реальное событие. Но с этим он жил уже двадцать пять лет.

Мальчишки всегда находят какие-то сверхбезумные формы испытания мужества, чтобы не помереть от скуки во время летних каникул.

Максу тогда было девять лет. Его банда «Кровожадные пираты» к тому времени уничтожила уже всех своих врагов в округе. «Уничтоженные» автоматически становились членами банды «Кровожадных пиратов». Для

победителей это имело свои плюсы и минусы. С одной стороны — удовольствие унижить врага, с другой — враги постепенно вымерли. И вот, в зените этой победной скуки «Кровожадные пираты» приняли решение похитить жирную Сиси. Жирной Сиси было восемь лет, и толщина ее как минимум в три раза превосходила толщину любой толстой девчонки. Ее лицо состояло из пяти горизонтально расположенных слоев чистого свиного сала. Ее глаза заплыли жиром и не видели больше ничего, кроме самого необходимого — еды. Ее рот был похож на резиновую надувную лодку, заполненную подсолнечным маслом. В уголках губ желтели засохшие остатки яичницы. Запах изо рта представлял собой сложную комбинацию из ливерной колбасы с горчицей и селедки с чесноком. Точнее определить его никто не мог, потому что никто не решался подойти ближе.

План оказался проще, чем его реализация. В конце концов пять самых отважных «кровожадных пиратов» одолели жирную Сиси, поглощавшую в тот момент кусок тминного пирога с мясом, тщательно упаковали ее в три связанных вместе куска брезента и доставили в свою штаб-квартиру. К удивлению похитителей, эта акция привела Сиси в восторг, и она с любопытством ждала продолжения. Единственное, что ее могло испугать, — это пытка голодом.

Идею с поцелуем взасос подал Макс. Сегодня он готов был отрезать себе за это язык.

«Кровожадные пираты» признали идею поцеловать Сиси гениальной. Это должно было стать гвоздем их летней программы. Макс, конечно, имел в виду не себя, а какого-нибудь особенно вредного врага, который честно заслужил эту леденящую кровь пытку. Но как уже было сказано, враги давно кончились. И тут вдруг все пришли к выводу, что Макс — самый подходящий кандидат на роль подопытного кролика. Он был самый хорошенький, самый нежный и самый чистый из всех «Кровожадных пиратов». Он считался у них эстетом, поэтической натурой, интеллектуалом, мозгом «Кровожадных пиратов». Поэтому контраст между ним и жирной Сиси был особенно разительным, что гарантировало особую остроту ощущений всей банды при виде этого принудительного поцелуя.

Два часа Макс упорно сопротивлялся. Потом вынужден был сдаться. Ему пригрозили, что в случае отказа его не только исключат из банды пожизненно, но еще и развешат в школе плакаты с сообщением, что он, Макс, через день писает в штаны и что он втрескался в госпожу Обермайер, учительницу с паучьими ручками. Макс не оставалось ничего другого, как сдаться и приступить к выполнению смертельного номера.

Он крепко зажмурил глаза, стараясь думать о сливочном слоеном

пироге с ванильным соусом. Вдруг он почувствовал, как вокруг его языка сомкнулась какая-то мерзкая на вкус студенистая масса и во рту вместе с чужой слюной распространился теплый гнилой экстракт ливерной колбасы и селедки. Он в ужасе распахнул глаза, увидел перед собой маленькие, сладострастно поблескивающие свиные глазки и мгновенно осознал масштаб произошедшей катастрофы. Жирная Сиси жадно присосалась своей надувной лодкой к его губам и мощными сосательными движениями пыталась заглотить все его лицо. Потом, жадно лизнув его в нос, в глаза и виски, снова с силой впиалась в его губы. Восторженный хор зрителей — «Браво, Макс, король поцелуев! Макс, крутой чувак! Давай-давай, Макс, лови кайф!» — становился все громче и громче, пока не принял галлюцинаторный характер.

Макс потерял сознание и мягко приземлился на жирную Сиси. Очнулся он в больнице Святой Елизаветы. Врачи поставили диагноз: тяжелое отравление рыбной или мясной пищей. Выписали его только через неделю. На восстановление кишечной флоры ушло три года. Еще через пять лет Максу впервые удалось принять мясную и рыбную пищу без последующего ее возврата. «Сливочный слоеный пирог с ванильным соусом» он больше даже не пытался пробовать.

После этого происшествия банда «Кровожадных пиратов» прекратила свое существование. Ее члены отправились в церковь — молиться и каяться. Сиси, по слухам, похудела за эти годы на сто килограммов, то есть должна была превратиться в пухленькую женщину. Макс же с тех пор при одной лишь мысли о поцелуе взасос испытывал острые приступы тошноты. Как бы он ни влюблялся, какой бы силы возбуждение ни испытывал, как бы того ни требовала ситуация — целоваться Макс не мог.

Однажды он попытался это сделать. Ему было восемнадцать, на горизонте уже замаячил аттестат зрелости. Ее звали Финни, она училась в шестом классе и была самой гордой и, вероятно, самой красивой девчонкой в школе. У нее были короткие светлые волосы, и она носила самые облегающие футболки, какие только могла в то время носить девчонка, если их вообще можно было считать одеждой. Макс к тому моменту уже несколько недель переваривал слух о том, что Финни будто бы положила на него глаз. Уже одна только эта формулировка вышибала его из равновесия и вызывала усиленное сердцебиение. Потому что положенный на кого бы то ни было глаз Финни был среди ее многочисленных поклонников предметом жгучей зависти. А круг поклонников Финни охватывал все старшие классы — около сотни лихорадочно пубертирующих мальчишек, в чьих

головах ежедневно рождались тысячи нереализуемых фантазий на тему Финни, девяносто девять процентов которых детям до шестнадцати лет противопоказаны.

Макс никогда бы не решился заговорить с Финни, тем более в школьном дворе, на глазах у своих гормонально разбалансированных товарищей. Финни сама вдруг подошла к нему и спросила:

— Как тебя зовут?

— Его зовут Макс! — ответил за него главный болтун Гюнтер, который мгновенно сориентировался и решил извлечь из секундного паралича Макса личную выгоду.

Но Финни смотрела только на Макса. Да еще как смотрела! Ее взгляд, как луч прожектора, выпущенный из завораживающе ясных глаз, вонзился в него снизу (Финни была почти на две головы ниже его ростом), потом поднялся к переносице, мягко скользнул по ней, опустился вниз, вновь взмыл вверх, нежно погладил его брови и, выгнувшись, как змея, сверху, под острым углом вошел в его глаза, ослепил его и проник в мозжечок, где моментально занял обширное пространство. В литературе такой взгляд называют обольстительным, пленительным или жгучим. Но это все лишь жалкие штампы, не передающие сути явления. Макс влюбился мгновенно.

— Ты что, всегда такой робкий? — спросила Финни.

— Не знаю, — ответил Макс (из-за этого дурацкого ответа он потом всю ночь не мог уснуть). Его товарищи тупо ухмылялись и толкали друг друга кулаком в плечо.

— А ты любишь ходить в кино? — спросила Финни.

На слове «любишь» ее неожиданно хрипловатый, низкий голос вдруг резко пошел вверх. При этом она, чуть запрокинув голову, с оттяжкой вlepila Максy очередной луч прожектора. В этом «любишь» было заключено столько сжатой информации, что ее хватило бы на весь ассортимент сексуальных фантазий восемнадцатилетнего мальчишки.

— Ну, если хороший фильм... — ответил Макс уже более уверенно.

Этот ответ показался ему с учетом ситуации не таким уж плохим. Правда, прозвучал он как-то уж очень серьезно.

— А со мной пойдешь? — спросила Финни.

Макс словно получил удар током. Она что, специально опустила «в кино»?

— С удовольствием, — ответил Макс, изо всех сил стараясь произнести это как можно более равнодушно. Он чуть не прибавил: «...если будет хороший фильм...» Этого он бы себе не простил.

— Завтра вечером?.. — спросила Финни.

Макс постепенно привыкал к следовавшим одна за другой со все более короткими интервалами сенсациям.

— О'кей, — сказал он и даже попытался небрежно подмигнуть ей. К счастью, она этого не заметила.

Они договорились встретиться в семь часов перед кинотеатром. На прощание она кивнула ему — так, что внутри у него все вдруг занемело, — и вlepила для верности еще один луч прожектора. После чего на него обрушился град острот на тему «жених» попеременно с диким хохотом, толчками и хлопками по плечу.

Финни пришла в самой облегающей из всех ее футболок, слегка накрашенная, благоухая лесной земляникой, и сказала, что ей расхотелось идти в кино, что можно потусоваться у нее, родители уехали за город, в холодильнике есть пиво, а потом придут еще несколько девчонок и парней. Но потом — гораздо позже.

Макс был настолько влюблен, что без сопротивления позволил ей затащить его к себе домой. У него не было времени подумать о том, может ли он взять на себя такую ответственность — сделать то, что ему сейчас предстоит сделать. Он увидел желтый диван, свечу, покрывало. Через несколько секунд Финни уже сидела верхом у него на коленях и, обняв за шею, гладила ему затылок. Ее глаза были в нескольких сантиметрах от его глаз и метали в них одну возбуждающую молнию за другой.

Взяв его лицо в ладони, она потянулась к нему губами.

— Закрой глаза, сладкий мой...

Это были последние слова, которые он успел услышать. Потом все самые жуткие запахи детства слились в одну густую кашу, которая стала медленно подниматься из глубин желудка. Сливочный слоеный пирог с чесноком, ливерная колбаса с селедкой, ванильный соус с горчицей... Шеф-повар Сиси желает приятного аппетита! К счастью, в самый последний момент он успел отцепить свой язык от языка Финни, покинуть ее рот и отвернуть голову в сторону.

Когда они кое-как наспех замыли диван, Макс изъявил желание отправиться домой. У Финни тоже не было других предложений.

— Может, объяснишь, что произошло? — грубо спросила она уже на пороге и выключила свой прожектор.

— Я не переносу поцелуев, — ответил Макс плаксивым голосом.

Финни, как кошка, зло прищурила глаза и с треском захлопнула за ним дверь. Макс понял, что его слова — худшее из всего, что можно сказать девчонке на пике влюбленности, в самом начале вожделенного обмена ласками. И самое страшное заключалось в том, что это была правда и что с

этим ему придется жить.

Теперь, когда ему было тридцать четыре года, Макс знал, что любовь без поцелуев — утопия. То есть он знал, что *для него* любовь так и останется утопией. Это было тем более обидно, что Максу нравилось любить и он не жалел на это сил. Он быстро, крепко и страстно влюблялся. Он мог броситься в любовь очертя голову и полностью раствориться в ней. Он умел выражать свои чувства, умел говорить о них, умел быть ласковым и обольстительным. Он мог быть верным, если понадобится (до сих пор у него еще не было возможности доказать это). Он был способен и готов отдать любимой женщине все. Кроме поцелуя.

За последние шестнадцать лет он, разумеется, уже испробовал все средства, чтобы, не целуясь, любить дольше, чем один вечер. Говоря обобщенно, существует две возможности избежать поцелуя взасос — оставаться либо на стадии «до поцелуя», либо на стадии «после поцелуя».

Первое всегда оборачивалось мукой неудовлетворенности. Достаточно вспомнить те ужасные ночи с Пией, похожей на Клеопатру студенткой с факультета искусствоведения, с которой он познакомился в университете. Он тогда как раз пытался изучать юриспруденцию и подрабатывал официантом в студенческой столовой. Уже к концу их первого совместно проведенного вечера они поняли, что интеллектуальное сближение прошло идеально, что на идейном уровне они понимают друг друга на все сто, даже особенно не вникая в то, что говорит собеседник. Для этого они были слишком очарованы друг другом.

Пора было переходить к следующему этапу — телесному взаимодействию. Поэтому они в три часа утра, забившись в самую темную нишу бара, беззвучно шевелили влажными от вина губами под звуки Тома Уэйтса. Сидеть ближе друг к другу, чем они уже сидели, было просто невозможно. И каждая фраза, произносимая Пией ему на ухо хмельным от любовного томления шепотом, будь то: «Говорят, выставка Пикассо — просто блеск!», «Мне нравится этот бар» или «В субботу мне нужно навестить бабушку», означала одно: «Ну поцелуй же меня наконец!» Но Макс железно держался на стадии «до поцелуя». Он шептал ей в лицо откровенно непристойные ответы («Да, Пикассо действительно был одним из самых талантливых художников», «Мне тоже здесь нравится — очень колоритный бар» или «Мне, слава богу, не нужно в субботу навещать бабушку, она живет в Хельсинки»). При этом он смотрел на нее самым жалобным из всех своих взглядов типа «Дай мне еще немного времени! Я должен разобраться в своих чувствах!». Вдвое увеличив диаметр своих

клеопатровских глаз, Пия проводила кончиком языка, как акульим плавником, по верхней губе, говоря тем самым: «Хорошо, даю тебе еще десять секунд». Макс мужественно терпел эту муку, потом обреченно опускал голову и украдкой жадно таращился на ее грудь.

Такие болезненно-безрезультатные вечера, конечно же, требовали продолжения и с каждым разом становились все невыносимее. Каждый раз момент поцелуя наступал раньше, чем Максу того хотелось бы. От отчаяния, что ничего не происходит, их отношения вскоре приобрели характер симбиотических. Преодолевая интимную мировую скорбь, они говорили об уничтожении тропических лесов, о смене приливов и отливов, о значении Джотто для итальянской живописи XIV века. Последние фразы в эти вечера выглядели так:

— Что с тобой происходит, Макс?

— Я переживаю сложный период.

За этим следовал прощальный поцелуй в одну из четырех щек. А на следующий день они опять встречались и продолжали страдать от своей необъяснимой аскезы.

Наконец, в один из таких вечеров, после угрожающе затянувшейся паузы, Макс не выдержал и сказал:

— Пия, я больше так не могу! Я хочу с тобой спать!

Она вскочила со своего места и, перегнувшись через разделявший их стол, изо всех сил, накопившихся за сто восемьдесят часов подавления страсти, прижала его голову к своей груди. К сожалению, она не ограничилась этим. Она стиснула его виски ладонями и притянула к себе его лицо. Когда ее губы были в нескольких миллиметрах от его губ, Макс вырвался и воскликнул, как ребенок, которого вместо картофеля фри заставляют есть рис:

— Я хочу не целовать тебя — я хочу спать с тобой!

На этом его роман с Пией закончился.

С Патрицией Макс повел себя умнее — он начал со стадии «после поцелуя». Она работала в «Горизонте», в отделе объявлений, и прославилась тем, что открыла новый способ знакомства с мужчинами — one-night-stand,^[4] а в некоторых случаях пользовалась его модернизированным вариантом one-night-double-stand.^[5] Знакомство с мужчинами у нее начиналось не с имени и фамилии, а с постели. Поговорить можно и потом.

Выбирала она своих любовников в строгом соответствии с

определенными критериями — чистоплотность, модные взгляды, харизматичная невозмутимость и профессиональный успех. Она могла позволить себе выбирать. У мужчин, работавших в «Горизонте», считалось особой честью быть выбранным Патрицией. Для некоторых из них, по их собственным признаниям, это была кульминационная точка всей их сексуальной жизни вообще.

Своей номинацией Макс был обязан Курту. Точнее, Курту Первому, который тогда еще был жив и являл чудеса спортивной ловкости. Патриция любила «Лай на ветер» и после третьего выпуска неожиданно пригласила его к себе в гости, пообещав, что потом будет ужин из нескольких блюд — чтобы усилить привлекательность мероприятия и дать понять Макс, что в этот вечер он будет единственным ее гостем.

Детали их сексуального общения в его памяти не сохранились. Они были вытеснены из сознания жутким событием, произошедшим сразу же после секса. Началось все очень бурно, голые тела кувыркались, сплетались, катались по полу, и язык Патриции долгое время был на безопасном расстоянии от его рта. Но потом эта жуткая, примитивная, так называемая миссионерская позиция,^[6] нагло узурпировавшая главенство среди сексуальных поз во всем мире, сыграла с ним злую шутку: он вдруг почувствовал себя электрической батареей под высоким напряжением — внизу нарастающий плюс, вверху, на уровне головы, — угрожающий минус. Стонущая, беснующаяся и дрожащая от возбуждения Патриция неожиданно впиалась губами в его губы и грубо вторглась жестким языком в его рот...

Оба извержения произошли в нем одновременно. Пронзительный крик «да-а-а-а — не-е-е-ет!» относился к обоим разрядившимся полюсам Макса.

— Ты кончил? — привычно будничным тоном спросила Патриция.

— Дважды... — прохрипел Макс, и это была чистая правда. Причем третья волна уже хлынула ему в горло.

Макс вынужден был немедленно проследовать в ванную и вышел оттуда только через час. Все это время он лихорадочно соображал, как ответить на предстоящий вопрос, почему ему вдруг стало плохо.

— А что это тебя вдруг стошнило? У тебя что, от этого пробки горят? — с отвращением в голосе спросила Патриция.

— Да нет, просто я, наверное, в этот момент вспомнил о чем-то неприятном... — ответил Макс.

Таков был финал его романа с Патрицией.

На долю Макса выпало еще несколько подобных межличностных

опытов, прежде чем он понял, что вполне может избавить себя в будущем от этих злополучных экспериментов. Ибо опыт говорил ему: реальная любовь возможна без многих составляющих — без секса и страсти, без дружбы и интереса, без цели и смысла, без денег и уважения, даже без будущего. Но только не без поцелуя всасос.

Тем самым он вычеркнул из своих ночных кошмаров дальнейшие вариации на эту тему и сосредоточился на существенном. В данном случае — на организованном бегстве от Рождества, самого тяжелого испытания для латентно любящего мужчины, которому противопоказаны поцелуи.

В день святого Николая было пасмурно. Макс не пошел ни в одну из своих трех контор. Он остался дома и накачал из Интернета восемьдесят страниц информации о Мальдивах. Время от времени он высокомерно поглядывал на Курта, лежавшего под креслом и апатично наблюдавшего за хозяином. А иногда подкреплял свои взгляды словами:

— Вот я уеду, а ты останешься здесь!

Курт отвечал ему презрительным равнодушием.

Седьмое декабря

День начался с одного положительного момента и целого букета отрицательных. Положительный заключался в том, что это была пятница, а по пятницам Катрин не работала. Два года назад она была на грани увольнения. Она сказала:

— Господин доктор Харлих, я работаю окулистом в режиме full time, ^[7] а жалованье получаю как ассистент во время испытательного срока, и это меня не очень устраивает.

— Моя прекрасная юная фройляйн, — ответил доктор возмущенно. — «В режиме full time» — ужасное выражение. Я не желаю слышать у себя в клинике ваши новомодные американизмы.

На этом разговор для него, похоже, был закончен. Но не для Катрин. Она повторила свою фразу, заменив слова «в режиме full time» на «с полной нагрузкой и даже сверхурочно». Доктор помрачнел и сказал:

— Мне кажется, вы переутомились. С сегодняшнего дня можете не работать по пятницам. Возьмите себе пятницу, а мне оставьте деньги! — Он снял свои толстые очки, потер слезящиеся, почти слепые глаза, меланхолично пососал дужку очков и дрогнувшим голосом произнес в качестве послесловия: — Вы молоды и красивы, фройляйн. Так пользуйтесь своей свободой. А я уже старик, и деньги — это единственная радость, которая мне осталась в жизни.

Катрин чуть не попросила понизить ей жалованье.

Так что пятница, как всегда, была свободна. Но зато в город прибыли вестники — то есть отроги — холодного антициклона. Что такое холодный антициклон, понятно всем. А вестники — это своего рода передовой отряд, который разведывает местность и докладывает антициклону: «Роскошная местность. Есть где развернуться. Можете смело подтягивать главные силы. Не забудьте град!» После чего такой антициклон занимает города и села и на несколько недель прочно закрепляется на своих позициях. Катрин нравился австрийский климат, мрачные силуэты домов и людей и серые тона, в которые их погружает зима. Ей нравилась пред рождественская пора.

Но в эту пятницу Катрин ни за что не покинула бы квартиру (то есть кровать и Интернет) и не столкнулась бы лицом к лицу с вестниками холодного антициклона, если бы не суровая необходимость: ее позвали в гости родители. А приглашение родителей не оставляло выбора — его надо

было принимать. Один-единственный отказ принять приглашение родителей поставил бы под сомнение всю их двадцатидевятилетнюю воспитательную работу. Супруги Шульмайстер-Хофмайстер уже не смогли бы ответить на вопрос, для чего они живут (для Катрин). Их экзистенциальный вакуум по своим масштабам превзошел бы экзистенциальный вакуум, который разверзся бы вокруг окулиста доктора Харлиха, если бы тот согласился повысить Катрин жалование.

Приглашение родителей отравляло все настроение уже одним только ожиданием связанных с ним мрачных мыслей и переживаний. Оно означало совокупность семи резко отрицательных моментов, следующих один за другим в порядке нарастания негатива (причем убойная сила каждого момента была равна минус десяти градусам по Цельсию в эпицентре холодного антициклона). Во-первых, родители собирались говорить с ней о Рождестве. Во-вторых, они собирались говорить с ней о сочельнике, совпадавшем с днем ее рождения. В-третьих, они собирались говорить с ней о сочельнике, совпадавшем не просто с днем ее рождения, а с ее тридцатым по счету днем рождения. В-четвертых (мать): «Золотце, мы хотим устроить тебе в сочельник такой день рождения, который ты никогда не забудешь. Любое твоё желание будет выполнено. Об этом мы и хотели с тобой поговорить». В-пятых (отец): «Заяц, в этот раз мы будем готовиться к Рождеству со стратегическим размахом. Праздновать так праздновать! Надо все как следует обсудить». В-шестых (мать): «Золотце, ты уже не ребенок, тебе исполняется тридцать лет. Это особая дата. В этом возрасте надо уже потихоньку задумываться о будущем. Об этом мы и хотели с тобой поговорить». В-седьмых (отец): «Заяц, мама переживает за тебя. Ты же знаешь, как она тебя любит. Она хочет, чтобы ты была счастлива. Надо наконец серьезно поговорить об этом...»

Этому родительскому экстракту предрождественских депрессивных тем, якобы подлежащих обсуждению, противостоял один-единственный просвет — ответ Катрин на вопрос (в-восьмых): «Золотце, чего тебе хочется?» «Покоя и свободы от родительской любви», — вот чего ей хотелось, но как им это объяснить?

— Мама, папа, я должна вам кое-что сказать... — начала Катрин через час, после супа с манными клецками, седла косули с крокетами из дичи, но без брусники (она слегка заплесневела) и тридцати свежих фотографий семьи тетушки Хелли.

Тетушка Хелли была самой счастливой тетушкой в мире, потому что все три ее дочери имели мужество не только выглядеть так, как они

выглядели, но еще и регулярно фотографироваться. Кроме того, все они были моложе Катрин, но уже замужем — за мужчинами, которые ничуть не уступали им по мужеству и разделяли их героическую готовность выглядеть так, как они выглядели, и при этом регулярно фотографироваться. «Их мужья, пожалуй, даже еще смелее, чем они», — подумала Катрин, рассматривая фотографии.

Во всяком случае, три замужние дочери тетушки Хелли, проникнутые радостным сознанием своего почетного долга перед семьей, к безмерному счастью тетушки, каждый месяц производили на свет как минимум одного ребенка, а иногда даже двойню. Катрин, правда, не считала их поголовье, но она навещала родителей в среднем три раза в месяц и во время каждого третьего визита получала на десерт новые фотографии новых младенцев трех дочерей тетушки Хелли. «А детишки и вообще — самые смелые из всего семейства тетушки Хелли», — подумала Катрин и отложила фотографии в сторону.

— Я должна вам кое-что сказать... — произнесла она, прежде чем была поднята тема Рождества. Она положила специальный десертный прибор для «мавра в рубашке»^[8] на тарелку, между половиной «мавра» и тремя четвертями «рубашки». — Я в этот сочельник не смогу к вам прийти. Я буду не одна...

— Так приводи его с собой, Заяц! Мы будем ему рады, ты же знаешь. Пусть празднует с нами. Праздновать так праздновать! — обрадовался отец.

— У тебя с ним серьезно, Золотце? — спросила мать, поставив локти на стол и так крепко прижав кулак к кулаку, что ее лицо покраснело от напряжения.

— У меня собака... — нерешительно произнесла Катрин.

Десять минут в комнате царило гробовое молчание. Эрнестина Шульмайстер-Хофмайстер молитвенно сложила руки и, казалось, молила Бога об отпущении грехов, тяжесть которых она до этого момента, похоже, недооценивала. У Рудольфа Шульмайстер-Хофмайстера расширились зрачки, а голова начала ритмично подергиваться, как будто он мысленно дирижировал трагический финал некой увертюры.

— Это не моя собака, — пояснила Катрин в тот момент, когда уже трудно было поверить, что кто-то еще что-то скажет.

Ее пояснение было для родителей так же малоутешительно, как заявление преступника, ограбившего банк, о том, что это всего лишь маленький банк. Уже одно только слово «собака», произнесенное в доме Шульмайстер-Хофмайстеров было равносильно государственной измене.

Катрин знала, какую роковую роль сыграл один из представителей данного вида животных в жизни ее отца. И до этого вечера она исправно вносила свою минимальную лепту в дело солидарности с отцом, всю жизнь испытывая отвращение к собакам и избегая не только их самих, но даже упоминания их в разговоре.

Бывают дни, в которые решается будущее человека. В сущности, оно решается каждый день. Вернее, нет — каждый день решается не будущее, а настоящее. Во всяком случае, оно решается для будущего за счет прошлого. Как бы то ни было, будущее Рудольфа Хофмайстера должно было решиться двадцать седьмого июня. День этот выдался солнечным и теплым. Молодой Хофмайстер ждал его с самого начала учебы в коммерческом училище.

Отец Катрин продавал разные вещи. Не свои — у него тогда ничего не было. Он продавал вещи, которые ему не принадлежали, и получал за это немного денег. Он был (и остался) торговым представителем. Он представлял все, что только можно представлять, — шнурки для ботинок, газетные киоски, средства от насекомых, кокосовые драже с ромовой начинкой, журналы для пенсионеров, клапаны низкого давления. Он ходил от двери к двери, большинство из которых не открывались. Если ему удавалось схватить чью-либо руку, он ее уже не выпускал.

Главная задача состояла в том, чтобы человек увидел его лицо: тогда он видел и его рот, а потом и то, что находилось выше. Усы Рудольфа Хофмайстера были для взглядов клиентов то же, что паутина для мух. Это были самые тоненькие, жиденькие и невесомые усы, перед которыми когда-либо распаивалась дверь потенциальных клиентов, грозя сдуть сквозняком эту важную деталь физиономии. Люди сразу видели: этому человеку катастрофически не хватает протеинов. Надо срочно у него что-нибудь купить. К сожалению, его усы слишком редко представляли взорам сердобольных покупателей.

Риторика была делом второстепенным. Обычно Хофмайстер начинал так:

— Приветствую вас! Хофмайстер. Я пришел, чтобы украсть у вас одну минуту вашей жизни.

Чаще всего ему удавалось украсть всего несколько секунд. Но это были издержки профессии.

У Хофмайстера была заветная мечта — разбогатеть в одночасье. (Он никогда и не утверждал, что это очень уж оригинальная мечта.) И вот, двадцать седьмого июня его мечта должна была наконец осуществиться. В этот день Хофмайстер собирался продать тысячу восьмьсот автоматических

установок для сушки белья фирмы «Ветникс». Ему не хватало только подписи коммерческого директора крупного производителя стиральных машин «Мультиклин».

Относительно автоматических установок для сушки белья фирмы «Ветникс» следует заметить, что продукция эта была еще очень далека от совершенства. Сушилки были в два раза больше и в три раза тяжелее, чем стиральные машины, а белье сохло в них в три раза дольше, чем просто на веревке. Фирма «Ветникс», которая рассчитывала продавать максимум пять установок в год, полгода безуспешно искала торгового агента и, когда нашла Хофмайстера, предложила ему шесть процентов с продажи каждой установки.

Как Хофмайстеру удалось продать «Мультиклину» тысячу восемьсот штук? Очень просто: ему удалось привлечь внимание одного рядового сотрудника фирмы к своим усикам, и прежде чем тот переключил это внимание на другой объект, Хофмайстер успел произнести следующее:

— Приветствую вас! Хофмайстер. Я пришел, чтобы украсть у вас одну минуту вашей жизни. Стирать белье может каждый. Сушить белье можем только мы. Фирма «Ветникс» — залог вашего успеха. Доверьте нам ваше белье! Сушить так сушить!

Сотрудник выслушал его и выразил готовность предложить шефу взять напрокат одну установку для пробы. На следующий день шеф лично позвонил Хофмайстеру и спросил:

— Это вы делаете сушилки для белья?

— Нет, я только продаю их, — ответил Хофмайстер.

— И они работают?

— Я никогда не стал бы рекламировать технику, которая не работает, — солгал Хофмайстер.

— Хорошо, мы покупаем две тысячи установок.

— Но у нас столько нет!.. — пролепетал Хофмайстер в панике, и у него от волнения сразу выпало как минимум три волоска из усов, то есть десятая часть всего волосяного покрова над верхней губой.

— Ладно, тогда тысячу восемьсот! — сказал шеф. — Приходите завтра, и я подпишу бумаги. Привезите с собой одну установку. И наденьте свой лучший воскресный костюм — у нас будет телевидение: будем подписывать договор в прямом эфире. Наши конкуренты зарыдают от зависти.

«Завтра» было вышеупомянутое двадцать седьмое июня, день, когда должно было решиться будущее Хофмайстера. В «Ветниксе» уже охлаждали шампанское. Первая установка для сушки белья была

доставлена в «Мультиклин». («Остальные тысячу семьсот девяносто девять уж как-нибудь соберем за пару недель!» — решило руководство «Ветника».) Молодой Хофмайстер облачился в новый костюм сизого цвета из лучшего магазина мужской одежды. До процедуры подписания договора перед работающей телекамерой оставалось десять минут. Хофмайстер, заблаговременно прибывший к зданию «Мультиклина», уселся на скамейке в сквере и принялся мысленно репетировать рукопожатие миллионера. При этом он время от времени с воодушевлением произносил вслух: «Да-да, безусловно!» — и для большей убедительности похлопывал себя ладонью по ляжке. Этот жест, судя по всему, был неверно истолкован собакой, неожиданно выскочившей из кустов. Она явно приняла его за команду «Ко мне!».

Прежде чем Хофмайстер успел выразить протест, на коленях у него приземлился черный мокрый лохматый шар, из которого торчала одна вытянутая в сторону собачья лапа. Реакция Хофмайстера была мгновенной: он вскочил на ноги и, резко вильнув бедром, сбросил черный мокрый лохматый шар, как набивной мяч, обратно в кусты. На память об этой мимолетной встрече на брюках Хофмайстера осталось темно-серое пятно размером с тот самый набивной мяч, которое, однако, быстро изменило форму и распространилось от бедер до щиколоток. В последний раз Хофмайстер выглядел подобным образом в возрасте семи лет, и следующие семь лет его мучил стыд за этот непотребный вид. Но в тот день его не отделяли две минуты от исторического момента, когда должно было решиться его будущее.

Будущее решилось в течение нескольких секунд. Хофмайстер вошел в здание «Мультиклина», какой-то суетливый господин в черном пиджаке поприветствовал его и, взяв за руку, провел в ярко освещенную соседнюю комнату. Хлопнув в ладоши, он сказал:

— Ребята, рассаживайтесь поскорее, через три минуты мы будем в прямом эфире.

— Одну минутку! — произнес Хофмайстер хриплым голосом. — Мне срочно нужны сухие брюки.

Все одновременно посмотрели на него и убедились, что он говорит чистую правду. Но среагировал лишь один из присутствующих — самый главный персонаж, причем так грозно, что из усов Хофмайстера выпало сразу пять волосков.

Шесть изумленно-возмущенных воплей шефа слились в один риторический вопрос:

— Что?! Вот этот тип — в обоссанных штанах — собирается

продавать — мне — сушилки для белья?!

Раздался взрыв гомерического хохота. Ответа на поставленный вопрос никто и не ждал. Съемки рекламного ролика были отменены, сделка лопнула.

Тридцать ночей после этого Хофмайстеру снились исключительно собаки. Иногда, в особенно удачных сновидениях, ему удавалось совершить до пятидесяти ритуальных убийств.

— Это не моя собака... — повторила Катрин после второй паузы, понадобившейся для переработки информации.

Мать зловеще наморщила лоб. (На нем сразу образовалось двенадцать складок, которые можно было легко сосчитать, поскольку разглаживались они обычно лишь через несколько часов. Двенадцать складок получались у нее редко. Ее лучший результат — пятнадцать складок — могли обеспечить только сообщения об очередном несостоявшемся зяте, которые она периодически получала от Катрин.)

— Почему? — почти беззвучно произнес отец.

Он имел в виду не «Почему это не твоя собака?» и не «Почему у тебя в сочельник будет собака?». Он спросил в более широком смысле: «Почему вообще существуют собаки?» В смысле: «Почему они разрушают нашу жизнь?»

— Я беру ее только на праздники. Это экстренный случай.

— Чей это пес? — спросила мать и усилием воли разгладила верхнюю и нижнюю складки.

— Одного моего старого друга, — ответила Катрин. — Ему нужно будет уехать на несколько дней.

— Как его зовут? — спросила мать.

— Пса? — спросила Катрин.

— Старого друга, — ответила мать.

При слове «старого» обе только что разгладившиеся складки появились вновь.

— Макс, — сказала Катрин равнодушным тоном. — Мы с ним вместе учились в университете.

— Ни о каком Максе ты раньше никогда ничего не говорила, — возразила мать.

— Разве не говорила? — удивилась Катрин.

— Нет, — твердо произнесла мать. — Он женат?

— Представления не имею, — ответила Катрин, зевнула, посмотрела на часы и вспомнила, что ей сегодня еще обязательно нужно кое-что

купить.

— По поводу Рождества мы еще поговорим, Золотце, — пригрозила мать.

— Ну почему, Заяц?.. — спросил отец.

Восьмое декабря

«А почему бы, собственно, и не попробовать пристроить его в приют для животных?» — подумал Макс в субботу утром.

За окном шел снег, но он этого не знал, потому что опустил жалюзи, чтобы не думать о рождественском шопинге. Это была как раз «вторая удлинённая суббота» в магазинах. Умные люди покупали все сегодня. А поскольку умными были все, то все и отправились за покупками именно сегодня. Макс опустил жалюзи, чтобы ему не мешали не быть таким умным, как все остальные.

Действительно — почему не попробовать пристроить Курта в приют для животных?

— Как ты насчет приюта? — спросил Макс Курта, который лежал под своим креслом и спал.

Если Курт не реагирует на его вопрос, значит, ему все равно — приют или не приют. Макс и самому уже было все равно. Вариант с приютом даже имел свои плюсы. Следующий выпуск «Верных друзей» можно будет озаглавить «Как Курт две недели проспал в приюте для животных». И может, приют разовьет в нем способность хотя бы один раз в день добровольно выгуливать хозяина.

Что касается Макса и Рождества на Мальдивах, то решение было уже принято. Он нашел идеальный остров (и через Интернет забронировал номер в отеле). Это был единственный остров, который хотя и обозначил границы его финансовых возможностей и даже слегка подмыл их, но не нарушил их целостности. Кроме того, там для него нашлось свободное место. Точнее, этого свободного места хватило бы только для него одного. Это было приспособленное для жилья нежилое помещение с импровизированной кроватью. Все только говорят об «отпуске в одиночку», а Макс возьмет и реализует эту мечту. Одиночество? Ничего подобного! Он там все время будет в окружении аквалангистов и водолазов. Да и сам, пожалуй, пройдет курс подводного плавания. (Счет он отошлет дедушке с бабушкой в Хельсинки.)

Может, он там познакомится ниже уровня моря с какой-нибудь женщиной — нет, разумеется, ничего серьезного, просто курортный роман — и они смогут обниматься под водой и делать еще другие разные вещи. Кислорода для этого им уж явно хватит! У Макса в этом отношении никаких комплексов не было. У каждого будет своя дыхательная трубка, то

есть орально его подводная спутница будет нейтрализована и ей будет не до глупостей. Так что ничего страшного ему не грозит, можно будет синхронно дать волю фантазии. Еще один плюс подводного секса — после него не надо даже принимать душ. А если его аквалангистка влюбится в него, он может попросить ее и на суше не вынимать загубник изо рта. Потом он показал бы ей свою комнату, они могли бы вместе провести ночь — остров был бы практически в их распоряжении. А потом они могли бы там остаться и открыть свою собственную базу аквалангистов, устав которой включал бы в себя пункт об обязательном ношении загубника даже на берегу. Короче говоря, Макс радовался предстоящей поездке.

Но сначала надо было как-то пристроить Курта. Приют для животных — это не только единственное, но еще и чертовски мудрое решение, думал Макс.

Может, он после отпуска вообще забудет о том, что у него была собака, и Курт естественным образом останется в приюте. Он все равно уже вряд ли вспомнит своего хозяина — он даже не будет знать, в какой связи ему надо о нем вспоминать. И оба они начнут новую жизнь. Он, Макс, купит аквариум и заведет себе золотую рыбку. Какая-нибудь солидная газета даст ему отдельную рубрику, которая будет называться «Плавучие друзья». «Потрясающе! — будут восторженно писать международные критики. — Этот парень знает свое дело! Еще никому не удавалось так живо, так весело, с такой рыбьей прямоотой и откровенностью описать эту, казалось бы, совершенно бездеятельную декоративную рыбешку, с ювелирной точностью разложить по полочкам всю ее сложную, многогранную жизнь и продемонстрировать при этом невиданную доселе глубину проникновения в тайны пресноводной психологии. Каждый, кто читает о золотой рыбке по имени Трикси, непременно в нее влюбляется. Миллионы читателей уже имели возможность убедиться, что даже в таком крохотном живом существе есть душа...»

А Курта в приюте для животных наверняка выберут председателем собачьего профсоюза, и он создаст свою собственную политическую партию — партию Спящих. Главные требования: меньше еды, меньше прогулок, меньше людей, больше телевидения, больше тишины и покоя. И когда-нибудь они встретятся на улице, Курт и он. Они узнают друг друга и тепло подмигнут друг другу, потому что вдруг поймут, что время, прожитое ими вместе, — самая светлая пора их жизни. Просто тогда они были еще слишком молоды друг для друга, и потому пути их разошлись.

— А ты стал веселым парнишкой! — крикнет Макс Курту, одобрительно кивая головой.

И Курт радостно залает... Хотя нет, вряд ли он это сделает, подобные крайности не в его характере. Но вариант с приютом — действительно гениальная идея, подумал Макс, и в ту же секунду зазвонил телефон. Это была Катрин, молодая ассистентка окулиста, женщина, которую он недавно во сне должен был поцеловать и которая вряд ли согласится принять Курта, потому что его невозможно принять, потому что это неприемный и неприемлемый пес.

— Я возьму Курта, — сказала она. — Когда я могу попробовать погулять с ним? Может, завтра?

— Конечно, можно и завтра, — ответил Макс.

«Все-таки это лучше, чем приют для животных», — подумал он.

План Катрин был прост. Хотя что значит — «план»? Просто ей нужна была уважительная причина, по которой она не сможет праздновать Рождество с родителями. И ей не пришло в голову ничего более остроумного, чем собака. Значит, надо было брать его, этого Курта. Она, конечно, могла просто сделать вид, что взяла его. Как родители проверят ее? Но это было еще не решение вопроса. Катрин нужна была собака — то есть повод не праздновать Рождество с родителями — прежде всего для нее самой. Потому что без собаки и без повода она, возможно, все же пойдет к родителям. А куда ей еще идти? Ведь в этот долбаный сочельник, в этот долбаный день рождения у нее не было другой возможности встретить Рождество кроме как дома. А дом у нее был только один — этот долбаный родительский дом. У себя самой, в своей квартире, она не чувствовала себя дома. Вернее, триста шестьдесят четыре дня в году она чувствовала себя здесь дома и считала себя вполне счастливым человеком. Но в этот единственный вечер, в этот долбаный сочельник, в этот долбаный день рождения, у нее не получалось быть счастливой. Она совершила уже три попытки.

По поводу своего двадцать третьего сочельника и дня рождения она легла спать в шесть вечера, проснулась в девять и уничтожила бутылку вина, стоявшую на тумбочке рядом с кроватью. Это был подарок окулиста доктора Харлиха к Рождеству и дню рождения. Она вообще-то хотела просто вынуть бутылку из подарочной упаковки, чтобы можно было наконец опять уснуть. Бутылки в подарочной упаковке вызывали у нее спазм дыхательных путей. Более жуткого символа одиночества, чем силуэт завернутой в подарочную бумагу бутылки вина — после пробуждения в девять часов вечера, в сочельник, в день рождения, — она не могла себе и представить.

Чтобы разделить это почти до смешного жалкое одиночество хоть с кем-нибудь, Катрин сунула горлышко бутылки в рот, запрокинула голову и, не отрываясь, выпила полбутылки. После чего в ней проснулась жажда дальнейших социальных контактов. Поэтому она позвонила фрау Вайс и пожелала ей веселого Рождества. Инженер Вайс в то время был ее любовником. Вернее, наоборот: Катрин была его любовницей. Правда, он был на шестнадцать лет старше ее, но считал, что это не имеет никакого отношения к делу. А дело заключалось в том, что Катрин была «женщиной его мечты». У него еще никогда не было такого интересного собеседника, никогда еще ни одна женщина не понимала его так, как Катрин (несмотря на свою молодость). Да и в постели, по его мнению, они прекрасно гармонировали друг с другом. Настолько прекрасно, что он приходил к ней даже в обеденный перерыв, чтобы гармонировать. При этом он даже жертвовал удовольствием беседовать с ней.

Инженер Вайс был полон решимости положить конец своему давно потерпевшему крушение браку (который, в сущности, потерпел это крушение еще до женитьбы), чтобы начать новую жизнь с Катрин, «женщиной его мечты». Или хотя бы продолжить старую, увеличив в ней процент содержания Катрин и исключив из нее свою супругу. Но реализация этих планов осложнялась из-за детей, к которым инженер Вайс был очень привязан. Одному из них было пять лет, другому семь. Об их больших детских глазах, заклинающих папу не покидать их, Катрин знала из его рассказов.

Поэтому прежде чем расстаться с женой, он хотел еще раз отпраздновать Рождество в кругу семьи, поскольку в Рождество большие детские глаза, заклинающие папу не покидать их, становятся особенно большими... Речь, кстати сказать, шла о предыдущем Рождестве. Катрин была любовницей инженера Вайса с годичным рождественским стажем. Почему он не расстался с женой в прошлом году? Потому что детские глаза, заклинающие папу не покидать их, после Рождества, к его удивлению, ничуть не уменьшились в размерах. Потом была Пасха, потом отпуск, потом младший пошел в школу. А там уже опять замаячило на горизонте Рождество. И инженер Вайс решил в самый последний раз исполнить свой рождественский родительский долг — ради детских глаз. А после этого должна была начаться новая жизнь с Катрин.

Таким образом, Катрин стояла на пороге важного события — окончания годичного срока ожидания. Она ждала, собственно, не самого инженера Вайса, а лишь конца своего бесконечного ожидания упомянутого инженера, поскольку это состояние становилось уже невыносимым.

Любила ли она его? Этого она сказать не могла. Она не настолько хорошо его знала. Почему она его не бросала? Потому что бросать, в сущности, еще было нечего. Его практически еще не было. Он просто пока заполнял ей обеденные паузы своей специфической гармонией.

И вот Катрин позвонила и поздравила его семью с Рождеством. Трубку сняла потерпевшая брачное крушение фрау Вайс. Где-то на заднем плане Катрин впервые услышала голоса детей, большие глаза которых заклинали папу не покидать их.

— А кто это говорит? — с неожиданным интересом спросила потерпевшая брачное крушение фрау Вайс.

— Любовница вашего бывшего мужа, — ответила Катрин.

«Любовница» получилось немного вульгарно, а «бывшего» — не совсем соответствовало действительности. Но содержимое бутылки уже расцвело в голове Катрин пышным цветом. Потерпевшая брачное крушение фрау Вайс больше ничего не сказала. Зато в трубке послышался голос инженера Вайса. Повторив пять раз «алло!», он сказал:

— Вы, наверное, ошиблись номером.

Это прозвучало, пожалуй, слишком сдержанно для мужчины, говорящего с «женщиной своей мечты». Но в принципе он был прав. Катрин положила трубку, простояла с час под холодным душем, выпила кофе, оделась и поехала к родителям. Те как раз собирались вместе покончить с жизнью, потому что их ребенок в сочельник пренебрег домашним очагом. Под отчим кровом Катрин быстро приняла подарки своих отделавшихся легким испугом родителей и тут же улеглась спать, чтобы поскорее избавиться от остатков винных паров, а заодно и от своего похмельно-прощального синдрома Вайса. Инженер Вайс с тех пор больше ни разу не напомнил ей о своем существовании.

Через два года ситуация опять сложилась наиболее благоприятным образом: Катрин имела идеальный повод избежать сочельника (и своего двадцать пятого дня рождения) в кругу семьи. Накануне она позвонила родителям и сообщила, что вчера познакомилась с мужчиной, с которым они вдвоем отметят ее день рождения и Рождество, а послезавтра поженятся. (Она ничего не сказала ни насчет «послезавтра», ни насчет «женитьбы», но родители, без сомнения, были в этом уверены.) Мать спросила:

— Золотце, у тебя с ним серьезно?

Катрин следовало бы ответить: «Мама, мы с ним только вчера познакомились», но она не хотела наносить матери еще один

рождественский удар ниже пояса, поэтому сказала:

— Похоже на то. Поэтому мы и хотим сегодня быть вдвоем.

Мать заплакала в телефон — от огорчения, что Катрин не придет к ним в сочельник, и от радости по поводу предстоящей свадьбы, о которой Шульмайстер-Хофмайстеры уже даже не мечтали.

Катрин ни с кем не знакомилась, причем намеренно. Она как раз переживала очень продуктивную стадию: торжественно сублимировала свое одиночество, превращая его в своеобразное вегетарианское пиршество, растянувшееся на недели и месяцы. При этом она себя великолепно чувствовала. Названия своих последних трех мужских кушаний (чтобы не сказать искушений) она уже забыла. (Во всяком случае, никто не мог бы доказать ей обратное.) Вечерами она сидела дома и читала эзотерическую литературу, с каждой минутой все больше приближавшую ее к ней самой. Добравшись до себя, она смотрела телевизор и рано ложилась спать, чтобы на следующий день быть в форме для вечерней эзотерики, телевидения и раннего отхода ко сну. Время от времени она звонила своим бедным, запутавшимся в межличностных отношениях подругам и советовала им как-нибудь при случае заглянуть внутрь себя и прислушаться к себе. Но подруги, как правило, ничего особенного в себе не слышали. И телефонные разговоры становились все реже.

Первой кульминационной точкой этой плодотворной стадии должен был стать сочельник. Катрин впервые в жизни купила и нарядила елку, украсив ее алыми деревянными яблоками и свечами. Она испекла печенье, приготовила жареную рыбу и салат с майонезом. Она пребывала в таком непривычном состоянии счастья, единства и согласия с самой собой, что даже заключила перемирие со своим смертельным врагом Бингом Кросби^[9] и сунула в магнитоу диск с его песнями. (Ни один мужчина на свете не мог бы причинить ей большего зла, чем Кросби, который с завидной пунктуальностью каждый год приходил мучить ее в дуэте с матерью, радостно подвывавшей из любви к дочери и от тоски по несуществующему зятю.)

Праздничный ужин показался ей на редкость вкусным. Горящие свечи на елке в сочетании с «White Christmas»^[10] были великолепны. В конце концов Катрин открыла мини-бутылку шампанского, чокнулась с собой и выпила за Рождество, за этот «праздник жизни» вдвоем с собой, за день рождения вдвоем с собой и за себя вообще. Она бы еще с удовольствием сфотографировала себя, но это было довольно сложно с технической точки зрения. После первого глотка шампанского она посмотрела на себя в

зеркало и увидела, что уголки ее губ весело подняты кверху. Она действительно чертовски хорошо себя чувствовала. Это было самое прекрасное Рождество в ее жизни. Ей не просто вполне хватало себя самой — ее самой было даже больше чем достаточно. Ей никто не был нужен. Она испытывала чувство гордости за себя.

После второго глотка она опять оказалась перед зеркалом: уголки губ были по-прежнему подняты. Это ее немного смутило. После третьего глотка она долго стояла перед зеркалом, пытаясь опустить уголки губ хоть на миллиметр. У нее ничего не получалось. При всем желании. Она была для этого слишком счастлива.

Сделав еще один глоток, она вынула из магнитолы диск с Бингом Кросби и разломала его на четыре части. Потом, в течение десяти секунд содрав с елки все украшения, она бросилась в спальню, рухнула на кровать и поднялась с нее только через час, когда на подушке не осталось ни одного сухого места. После этого она еще раз подошла к зеркалу. Наконец-то: уголки губ были опущены вниз. Так хреново, как в эту минуту, ей не было еще никогда в жизни.

Она почувствовала, что ей нужно немедленно покинуть квартиру. Каждый предмет в ней казался ей лживым и фальшивым, весь этот рождественский сценарий был сплошным лицемерием. В поиске подходящего наркотика-заменителя для мании отчаяния, вдруг схватившей ее за горло, она позвонила родителям и сказала как можно невозмутимее, что все-таки ненадолго к ним заглянет.

— Золотце, вы придете вдвоем? — взволнованно спросила мать.

— Нет, ему уже пора спать, — раздраженно ответила Катрин.

— А он совершеннолетний? — спросила мать (было девять часов вечера).

У родителей ее ждали именинный пирог с двадцатью пятью свечами и подарки: аудиоплеер для мини-дисков, три книги по эзотерике, которые ей хотелось иметь во время только что завершившейся стадии сублимации одиночества, и лилово-белые кроссовки, которые она согласилась бы надеть только под пыткой. Родители были счастливы, что дочь все же пришла в сочельник домой, где ей и полагалось быть в это время. Катрин пять раз тайком ревела, закрывшись в туалете. Так что глаза ее были перманентно мокрыми, а ответы — сухими. К концу празднования сочельника родители уже не строили себе иллюзий относительно скорого замужества дочери.

Три года спустя Катрин все еще оставалась незамужней женщиной. За

спиной у нее были два отпразднованных вместе с родителями (и в связи с ее семейным статусом скорее печально-утомительные) сочельника/дня рождения, и она решила еще раз попытаться в одиночку стать двадцать четвертого декабря на год старше. Родителям она сообщила, что у нее ветрянка и что врач строго-настрого запретил ей покидать постель или принимать гостей.

Катрин виртуально влюбилась. Его звали Клеменс. Пару недель назад он вошел в ее мейл-бокс из чата. От всех ее предыдущих мужчин Клеменса отличало то, что ему от нее ничего не было нужно, а ей ничего не нужно было ему давать. Кроме мейлов. Клеменс был совершенно ненавязчив. Он не появлялся визуально. Он только писал.

Его тексты не отличались особой оригинальностью. Обычно он просто рассказывал, чем в данный момент занимается. А поскольку «в данный момент» он обычно писал, то писал, о чем думает. Это выглядело приблизительно так: «Я сижу перед компьютером и думаю, что тебе написать». Катрин считала, что это очень мило. Сама она никогда не рассказывала, что делает в данный момент. Вернее, это не совсем так: например, отвечая на его сообщение, она спросила: «И что ты при этом думаешь?» Потому что именно этот вопрос и занимал ее в данный момент.

Диалог с Клеменсом напоминал викторину: Клеменс должен был отгадать, кто она. Он с трогательным усердием пытался составить себе некое представление о ней. Катрин выдавала ему информацию скудными порциями, в виде маленьких подсказок. Она не могла рассказать ему о себе все. Во-первых, игра сразу же закончилась бы и им пришлось бы расстаться или начать все сначала, уже всерьез; то есть им, скорее всего, пришлось бы назначать друг другу встречу. Во-вторых, Катрин в то время была весьма далека от того, чтобы все знать о себе самой. Если бы она знала все о себе, она не сидела бы за компьютером и не играла бы с незнакомым типом, о котором ей ничего не было известно, кроме возраста (тридцать пять), в эту растянувшуюся на недели игру в испорченный телефон. Она и не хотела знать о себе все. Гораздо интереснее было читать о себе опусы мужчины, который ее не знал. Ей и самой была интересна та Катрин, которую она еще не знала. Поэтому они оба открывали ее для себя, причем совершенно безобидным образом. Во всяком случае, так им казалось вначале.

Перед самым Рождеством она вдруг в него влюбилась. Он написал: «Хочешь, я тебе кое-что скажу?» Она ответила: «Скажи». Он: «Ты для меня очень много значишь». Она: «Правда?» Он: «Да. Ты мне снишься». Она: «Надеюсь, в приличном виде». Он: «А как ты выглядишь?» Она: «К

сожалению, я жуткая уродина. Не буду вдаваться в подробности». Он: «Это не страшно. Как бы ты ни выглядела, для меня ты — красивая». Катрин, конечно, почувствовала, что это, в сущности, не очень-то лестные слова. Клеменс, скорее всего, не сам их придумал, а где-нибудь услышал или вычитал. Если бы они относились к кому-нибудь другому, она бы невозмутимо повела бровью и тут же удалила бы эти слова из памяти как голливудскую чушь. Но на этот раз они относились к ней. Она была тронута и с бьющимся сердцем написала: «Спасибо! Это очень мило с твоей стороны». Он: «Я влюбился в тебя». Она: «Я рада». «Взаимно» она решила на всякий случай пока приберечь.

И вот утром в свой двадцать восьмой день рождения она написала Клеменсу: «У меня есть для тебя маленький рождественский подарок. Ничего особенного. Но я хотела бы тебе его вручить. У тебя сегодня не найдется пары минут? Мы могли бы где-нибудь пересечься? Можно даже поздно вечером».

Когда она отправила ему этот мейл, у нее было такое чувство, как будто ее желудок превратился в строительную площадку, на которой рабочие одновременно врубили все свои отбойные молотки. В ее жизни такого еще не бывало — чтобы от крохотного письмеца зависело все ее дальнейшее существование, сведенное к иррациональному чувству привязанности к другому человеку.

«Подарком» была маленькая книжечка с мейлами, своего рода «The Best of Katrin and Clemens». Катрин с самого начала сохраняла мейлы и теперь красивым почерком, в сжатом виде воспроизвела на бумаге хронологию их знакомства вслепую. Переписывая адресованные ей слова Клеменса, она окончательно, без ума влюбилась в него и почувствовала непреодолимую потребность немедленно сделать первый шаг к сближению. Она бы с удовольствием сразу же поцеловала его — лучше всего с закрытыми глазами. Ей необязательно было знать, как он выглядит; главное — чтобы он был реально, физически рядом. Потому что поцеловать его по е-мейлу она не могла.

Ответ пришел только после обеда, ближе к вечеру. (Катрин уже думала, что сегодня побьет свой личный рекорд по самым отстойным сочельникам и дням рождения.) Он написал: «Только что прочел твой мейл и чуть не упал в обморок от удивления и радости. Конечно, встретимся! Вечером я буду у бабушки. Вернусь домой в девять и сразу же напишу тебе».

Когда без десяти девять на ее мониторе появился сигнал о том, что пришел мейл от Клеменса, на строительной площадке в ее желудке к

отбойным молоткам присоединилось сразу несколько строительных кранов. Клеменс писал: «Я уже дома. Минут через тридцать в принципе мог бы быть у тебя». Она: «А ты не хочешь спросить, где я живу?» Он: «Я знаю, где ты живешь». (Один из строительных кранов в желудке Катрин рухнул, нанеся серьезный материальный ущерб.) Она: «ОТКУДА?????» Он: «Мы знакомы». (Столкновение двух кранов, многочисленные жертвы среди рабочих.) Катрин, уже ненавидя Клеменса: «ОТКУДА?????????????» Он: «Я работаю в банке, в твоём филиале. Второе окно слева от входа. Мы каждый раз улыбаемся друг другу, когда ты приходишь. Четвертого ноября ты снимала со счета 8500 шиллингов. У меня». (Взрыв газовых баллонов, крушение оставшихся кранов, пожар и гибель остальных рабочих и инженеров, объявление чрезвычайного положения в стране.) Она: «ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭТО Я?????» Он: «Я с компьютером на ты. Так что взломать код анонимного чата для меня раз плюнуть. Так я и узнал про тебя».

Последний мейл Катрин к Клеменсу гласил: «Я не хочу знать, какая из этих оконных физиономий — твоя. Передай своему шефу, что я перехожу в другой филиал. Счастливого Рождества! Привет!»

Через час позвонила мать, поздравила ее с днем рождения, с Рождеством, пожелала скорейшего выздоровления от ветрянки, всего хорошего от себя, всего хорошего от папы, всего хорошего вообще и в частности и сообщила, что подарки ждут ее. Катрин, которая уже нанесла толстый слой крема «Нивея» на распухшие от слез веки, сказала, что ей вдруг сильно полегчало и что врач даже разрешил ей в виде исключения покинуть постель. Одним словом, она все-таки приедет домой. Прямо сейчас.

— Золотце, но мы уже собирались ложиться спать!.. — сказала мать.
«Тем лучше», — подумала Катрин и стала быстро одеваться.

Девятое декабря

Курт лежал под своим креслом и ни о чем не думал. Один из его кофейных глаз-стекляшек был открыт. По-видимому, он случайно ночью открыл его и забыл закрыть. У Макса было прекрасное настроение. Прислонившись к оконной раме, он наблюдал непривычный воскресно-утренний спектакль «Капризы природы». Он любил подобные катаклизмы. Город был по уши занесен снегом, но казался вполне довольным собой и своими обитателями. Снег шел не переставая двадцать четыре часа. И вот теперь владельцы личных транспортных средств, вооружившись всевозможными приспособлениями по перемещению снежных масс в пространстве, дружно избавлялись от остатков субботнего алкоголя в крови. Каждый откапывал свой автомобиль, закапывая при этом припаркованный справа от него чужой. Но как бы то ни было, одна из семи машин — крайняя слева — постепенно освободилась от снежного покрова. Во всяком случае, на несколько минут. В этот момент мимо прошла снегоочистительная машина. Со всеми вытекающими последствиями.

Макс сегодня работал дома. И это его радовало. Он специально запасся работой для преодоления тягот воскресенья. Ему неожиданно перепало еще одно, четвертое поле журналистской деятельности. На пятой странице журнала «Остров загадок» каждую неделю появлялось новое фото обнаженной модели. В первые годы издания журнала на этой странице печатались фото забавных младенцев. Когда их сменили изображения голых девиц, тираж увеличился на треть. Когда эротические портреты, снятые с помощью мягкорисующего объектива, сменились более отчетливыми линиями и более откровенными мотивами из бывших коммунистических государств Европы, тираж вырос вдвое. Многие пенсионеры, отказавшись от подписки на «Замочную скважину» и «Секси-Хекси», подписались на «Остров загадок». Потому что этим журналом можно легально пользоваться и дома, его не нужно лихорадочно прятать от жен. Не вызывал подозрений даже тот факт, что мужчины вдруг начали собирать старые выпуски «Острова загадок», штабелями раскладывая их у себя по всей квартире. Они просто говорили своим женам, что разгадали еще не все загадки и кроссворды. Даже будучи пойманными с поличным, на пятой странице журнала, они легко могли уйти от возмездия. Достаточно было просто изобразить возмущение, покачать головой и сказать: «Ну совсем совесть потеряли! Покупаешь журнал с

кроссвордами — а тут, оказывается, вон какое свинство!»

Поскольку к мясу полагается гарнир, фото голых девиц на пятой странице сопровождалось текстами, содержащими информацию о том, как зовут данную восточноевропейскую мадемуазель или как она любит, чтобы ее называли друзья, сколько ей лет, о чем она мечтает, почему она голая и какие у нее жизненные планы. Эти тексты пятнадцать лет подряд, каждую неделю, включая прошедшую, писал господин Прайрайф. Потом он умер. Инфаркт, сказали врачи. Господина Прайрайфа нашли сидящим за рабочим столом, над фотографией обнаженной девицы. Его последними словами были: «Хоть раз в жизни посидеть вдвоем с прекрасной Присциллой (23 года) в беседке — об этом, наверное, мечтает кажд...» Похоже, он отключился прямо в процессе работы, не дописав фразу.

— А ведь ему было всего сорок семь! — сокрушались потрясенные коллеги.

— Что называется, сгорел на работе! — единодушно заявляли все, кто его знал.

— Он не жалел для своего дела ни сил, ни времени! — подмечали особенно проницательные.

Его преемником был назначен Макс, единственный холостяк в редакции. (Кандидатуры отцов семейств, которые передрались бы за эту рубрику, не рассматривались по моральным соображениям.) Кроме того, шеф считал, что Макс должен обладать необходимой для данной рубрики фантазией. Ведь все знали, что он еженедельно описывает собаку, которая по неподвижности вполне могла бы претендовать на достойное место в Книге рекордов Гиннесса. Значит, при виде голых красоток идеи посыплутся из него, как из рога изобилия.

Гонорар за один текст составлял триста шиллингов. Порядок работы был такой: фоторедакция «Острова загадок» каждую неделю присылает ему домой пять — десять фото обнаженных девиц. Он должен выбрать одну и написать к ней краткий текст. Главное — не использовать одну и ту же девицу под разными именами и не наделять ее разными мечтами и жизненными планами. Иными словами, он должен был очень внимательно изучить фото, прежде чем приступать к составлению комментария.

И вот перед ним на рабочем столе лежали его первые восемь словачек, полячек или перекрашенных под блондинок азербайджанок. После получасового сравнительного анализа он выбрал фото номер три — юную блондинку на фоне студийного, искусственного пляжа, который выглядел более натурально, чем сама героиня. У юной леди было такое выражение лица, как будто фотограф за минуту до съемки сказал ей: «Эта фотография

вряд ли сделает тебя знаменитой». Но ее выгодно отличала от других одна выдающаяся (в буквальном смысле) часть тела. Вернее, даже две. И Максусразу же пришел в голову подходящий текст: «У Карлы (19 лет) очень чувствительная кожа, но она может часами бродить по горячему песку, не обжигая ног. „Я сама бросаю на себя тень!“ — говорит она уверенно и независимо».

После третьего прочтения текст уже не казался ему таким удачным, как вначале. К тому же он вдруг почувствовал угрызения совести оттого, что гонорар доставался ему так легко. Не только потому, что из-за Курта он совершенно утратил свою прежнюю форму, а еще и потому, что это было несправедливо по отношению к Карле, которая на этом фото, вероятно, заработала не больше, чем он. А ведь ей пришлось раздеваться, разминаться и бог знает что еще делать. И если бог не знает, что именно, то уж фотограф-то точно.

Поскольку у Макса все равно других планов не было, он решил к каждой фотографии придумывать как минимум по три комментария. То есть заодно работать и на перспективу, так сказать, про запас, на тот случай, если у него не будет фотографий обнаженных моделей или желания их комментировать. Однако запас не получился. Потому что тексты никуда не годились. С такими текстами он рисковал потерять и свой «Уголок любителей кроссвордов от Макса» — достаточно было только сдать в редакцию комментариев к фото номер пять — молодой женщины с дьявольским выражением лица, необыкновенно мускулистые ноги которой наводили на мысль о том, что от Кракова до Катовиц она, возможно, шла пешком: «Самое большое желание Ольги — фотографировать мужчин, которые мастурбируют, глядя на ее фото».

При сочинении комментария «В детстве Лесли, по-видимому, часто проглатывала косточки от персиков, потому что...» Максус пришлось прервать работу: у него оставалось всего десять минут на то, чтобы поставить Курта на ноги и приготовить его к зимней прогулке. Немецкий дратхаар Курт, образно выражаясь, стоял на пороге своего первого свидания с другим человеком кроме Макса. Вернее, лежал на пороге.

Желтое пятно у входа в парке Эстерхази была Катрин. Курт, похоже, несмотря на метель, сразу же распознал в ней человека, на которого ему надлежало произвести приятное впечатление. Не выдержав непосильной тяжести этого долга, он потащил Макса в противоположную сторону. Ему было холодно. Он весь промок. Его система наружного обогрева — густая шерсть — не справлялась со своей задачей. Декоративная металлическая

решетка на морде жутко раздражала. Снег набивался между пальцами лап и противно намерзал на шерсть. Правая задняя лапа совершенно выбилась из сил, потому что Курт на секунду задрал ее вверх. (Он был кобель, а у них так заведено.)

Передача прошла без осложнений. Макс сунул Катрин, замурованной в глухой желтый ватный скафандр с узкими прорезями для глаз, поводок в руку и сказал:

— Вы можете смело его отпускать. Он никуда не убежит.

Они условились встретиться на том же месте, после того как Катрин проведет испытательную прогулку с Куртом и покажет ему за кофе и пирогом свою квартиру, расположенную в нескольких десятках метров, на другой стороне парка. Макс пожелал ей удачи на эти пару часов и на всякий случай оставил свой адрес.

— А если он не захочет идти, пусть себе лежит! — крикнул он ей вслед.

Катрин и Курт сразу же нашли общий язык. Она никогда до этого не имела дела с собаками, а он — с людьми. Она терпеть не могла собачий лай, а он — человеческую болтовню. Оба ненавидели зиму. Оба страдали от холода и снега. Оба мечтали о покое и надежной защите от внешнего мира. Оба отличались равнодушием, граничащим с толерантностью. Оба не мешали другим быть такими, какие они есть, и делать то, что они хотят. Вернее, не совсем так: как раз в этой деликатной сфере Катрин после нескольких коротких мгновений гармонии пришлось пойти своим путем.

Она отцепила поводок и, утопая в снегу, сделала несколько шагов вперед. Когда она обернулась, Курт лежал на том же самом месте, на котором состоялась его передача в чужие руки. После команды «Ко мне!» не произошло ничего драматического (с точки зрения Курта). Как и после десятикратного повторения той же команды. И многократного повторения вариаций на ту же тему: «Курт! Ко мне!», «Курт! Сейчас же ко мне!», «Глупая псина! Ко мне!» Не помогли и последовавшие за этим враждебно-оскорбительные выпады вроде: «Ты что, ходить разучился?», «У тебя что, ноги отсохли?», «Ты что, глухой?», «Эй ты, безногий и глухой!» Ничего не изменили и более или менее злые угрозы: «Сейчас я тебе приделаю ноги!.. Ты у меня пойдешь как миленький!», «Я все скажу твоему хозяину!» (Тут Курт чуть не расхохотался.) «Я сейчас вызову эвакуатор!», «Я сейчас вызову ветеринара!», «Я сейчас позвоню куда надо, и тебя отправят на мыло!», «Если ты сейчас же не подойдешь — не видать тебе никакого Рождества у меня дома, как своих ушей!»

— Ладно, твоя взяла. Иди ко мне, пошли домой... — скорее прошептала, чем крикнула Катрин обреченно, ни на что уже не рассчитывая.

Однако эти слова, похоже, вызвали у Курта не то сочувствие, не то понимание, не то прилив энергии. Во всяком случае, он вдруг поднялся на ноги и через пару минут уже был рядом с Катрин. Описав вокруг нее круг, он лег на снег и свернулся калачиком. В ней проснулись честолюбие и азарт. Пройдя еще несколько метров вперед и оглянувшись, она тем же обреченным тоном произнесла:

— Курт, ты победил. Иди ко мне, пошли домой!

Курт поплелся следом. Катрин повторила фокус еще два-три раза. Они уже были совсем рядом с ее домом.

Когда она, вдвое увеличив дистанцию, оглянулась, Курт исчез. Она искала его целый час. Она прочесала весь парк Эстерхази. Она изучала каждый след, даже птичий. (Может, его уволокли вороны!) Она прокричала «Курт!» большее количество раз, громче, отчаянней и истеричней, чем жены всех Куртов, вместе взятых, за все время их совместной жизни от помолвки до золотой свадьбы. Но все было напрасно. Курт бесследно исчез.

Макс как раз только что сел за свой рабочий стол с намерением сообщить читателям, что Людмила (фото номер один) «в свободное от работы время больше всего любит вязать пуловеры», и уже со страхом предвидел неизбежный финал комментария: «но в данном случае ей, похоже, не хватило шерсти». В этот момент в дверь кто-то отчаянно позвонил.

На пороге стояла Катрин в своем желтом космическом скафандре. То небольшое от ее внешности, что было видно, говорило о крайней степени отчаяния.

— Курт пропал! — дoloжила она, тяжело дыша.

Макс облегченно вздохнул. Он уже подумал, что произошло что-нибудь ужасное.

— Я обыскала весь парк, но он как сквозь землю провалился. Сколько стоит такая собака?

Она принялась ощупывать карманы скафандра, как будто искала кошелек.

— Давайте сначала успокоимся... — сказал Макс. «Классная реплика! — подумал он. — Часто употребляется в кино и редко в жизни». — Хотите кофе? — «Тоже классная реплика, — подумал он. — В

кино употребляется редко, зато в жизни — слишком часто».

— Кофе?.. — в ужасе воскликнула Катрин. — Надо срочно идти в полицию и писать заявление о пропаже собаки. А потом опять искать ее в парке. А то она еще замерзнет.

«Не замерзнет, — подумал Макс. — Во-первых, это для Курта слишком утомительное занятие. Во-вторых, у него в жилах скорее антифриз, чем кровь». Но он не стал делиться своими мыслями с Катрин. Похлопав по ее правому скафандровому плечу, он сказал:

— Нет никаких причин для беспокойства. Курт где-нибудь рядом. Сейчас мы за ним сходим, о'кей?

— О'кей, — ответила Катрин и автоматически протянула ему руку (вернее, космическую рукавицу), как будто после сложных переговоров они наконец пришли к компромиссу.

Макс надел в прихожей зимние ботинки. Когда он вернулся в гостиную, Катрин, стоявшая у письменного стола, спросила:

— Вы... э-э-э... фотограф?

Ее голос вдруг изменился и стал резким и неприязненным. Капюшон ее скафандра был откинут назад. Она в этот момент была похожа на Вайнону Райдер в начале очередного приступа неприязни к мужчинам.

Макс забыл убрать фотографии голых девиц. Они лежали посреди стола, аккуратно разложенные по номерам.

— Нет, — ответил он смущенно. — Эти снимки нужны мне для работы.

— Так сказать, творческий стимул, — сказала Катрин. Теперь она выглядела как Вайнона Райдер в момент кульминации очередного приступа неприязни к мужчинам. — Впрочем, извините! Какое мне, собственно, до этого дело! — прибавила она и опять надела капюшон.

Вайнона Райдер вряд ли сказала бы что-либо подобное.

Макс не стал объяснять ей, какую роль играли эти фото в его работе. Он был рад поскорее выйти на свежий, зимний воздух.

Курта они нашли относительно быстро. Макс спросил Катрин, где именно она в последний раз видела собаку, и они тут же направились к указанному месту.

— Он должен быть здесь, — сказал Макс.

— Здесь никого нет, — возразила Катрин.

— Курrrrrrrrrrrрт! — рывкнул Макс. Его «rrrrr» позавидовали бы многие злые собаки.

Ближайший сугроб пошевелился. На глубине нескольких метров

находился Курт. Крик разбудил его.

— Он построил себе настоящее иглу!.. — восхищенно воскликнула Катрин.

«Утопия, — подумал Макс. — Скорее всего, иглу само образовалось вокруг Курта».

Курт чувствовал себя превосходно. Он отделался испугом Катрин. И все же они вдвоем донесли его до самой двери. Он уснул у них на руках и стал еще тяжелее.

— Вы не подниметесь ко мне на чашку кофе? — спросил Макс.

«Эту реплику явно недооценивали», — подумал он.

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Как-нибудь в другой раз, — ответила Катрин.

«Реплика, которой явно злоупотребляют как в кино, так и в жизни», — подумал Макс.

— Вы еще не решили, возьмете ли собаку на Рождество? — спросил он.

— Скорее всего, возьму, — ответила Катрин. — Она мне почему-то понравилась.

Десятое декабря

В понедельник вечером Катрин ужинала у своей подруги Беаты. Вернее, не ужинала, а слушала Беату. Хотя часть ужина ей все же пришлось съесть. И этого было вполне достаточно. Потому что ужин, приготовленный Беатой, был малопригоден для употребления в пищу. Он был невкусным. Он всегда был невкусным.

— Что-то я сделала не так, — обычно признавала и сама Беата, глядя на упорно не пустеющие тарелки.

— Все, — каждый раз хотелось сказать Катрин.

С Беатой и едой все обстояло так же, как с Беатой и любовью. Особое явление «Беата и любовь» уже три года было неразрывно связано с именем Джо. Это имя служило лейтмотивом и главным смыслом дружбы Беаты с Катрин. Два основополагающих вопроса — «Что я делаю не так?» и «Что мне делать?» — давали обильную пищу для их многочасовых вечерних бесед. Два неизменных ответа — «Все» и «Все наоборот» — каждый раз готовы были сорваться с языка Катрин. Иногда они срывались и шлепались в упорно не пустеющие тарелки. Этого Беата вынести не могла, и дружба в таких случаях обычно закрывалась на перерыв. До тех пор, пока Беата не принимала решение «на этот раз окончательно бросить Джо». Соответствующее телефонное сообщение от нее поступало иногда через несколько дней. Потом перерыв в дружбе заканчивался.

В этот раз вечеру отдыха в обществе Беаты и призрака Джо предшествовал сумасшедший рабочий день. Окулист, доктор Харлих, на несколько минут заживо погребенный снежной лавиной, обрушившейся на него с крыши, чувствовал себя после этого стихийного бедствия униженным и грязным и ничем не мог помочь своей ассистентке Катрин.

— Прекрасная фройляйн, я целиком полагаюсь на ваше усердие, на ваше умение и на вашу молодость, — заявил он убитым (снежной лавиной) голосом и покинул клинику.

В приемной было полно народу. Плохая видимость, обусловленная туманом, снегом и взаимодействием этих двух видов осадков, привела к тому, что широкие слои населения почувствовали необходимость проверить свое зрение. А поскольку доктрина доктора Харлиха — «всякий, кто переступает порог нашей клиники, является нашим пациентом, и ему немедленно должна быть оказана медицинская помощь» (доктрина,

обходившаяся без предварительной записи пациентов) — имела силу закона даже в отсутствие доктора Харлиха, то обеденный перерыв Катрин был принесен в жертву дюжине пациентов, которым «немедленно должна была быть оказана медицинская помощь».

Кроме того, звонила ее мать. В самый неподходящий момент, как это обычно инстинктивно делают любящие матери.

— Золотце, по поводу Рождества мы еще поговорим, — пригрозила она. — Ты просто не можешь нанести папе такую обиду. (Имелась в виду собака.) — А кто он вообще, этот Макс? Ты нам ничего про него не говорила. Про Мартина рассказывала, а про Макса — ни слова...

— Он работает с порнофото, — сказала Катрин, чтобы сразу же избавить мать от преждевременных мыслей о ее замужестве.

— Это ужасно! — сокрушенно вздохнула мать. — И у такого типа ты берешь собаку?.. Золотце, что с тобой? Папа переживает за тебя...

Потом звонил Макс. Катрин, сама не зная почему, переключила разговор на кабинет доктора Харлиха. Двум параллельно обследуемым пациентам пришлось несколько минут развлекать себя изучением таблиц для проверки зрения.

Макс просто хотел поблагодарить за прогулку. Он сказал, что Курт даже не подозревает, как ему повезло, что она пошла с ним в парк. Во всяком случае, он (Курт или Макс, не уточнялось) был бы рад, если бы Катрин на этой неделе как-нибудь после работы заглянула к нему. Он (Макс) испек бы грушевый пирог, это его коронный номер. Готовит он неважно, вернее, вообще не умеет готовить — он не в состоянии даже сделать яичницу-глазунью, которую можно было бы отличить от болтуньи. Но грушевый пирог — это его стихия, это он освоил блестяще, этим пирогом он покорила сердца всех бабушек своего микрорайона. Она обязательно должна его попробовать, хорошо бы прямо на этой неделе. Она может прийти в любой момент, времени у него полно. Он (грушевый пирог) сладкий, но при этом с кислинкой. По вечерам он (Макс) обычно сидит дома и работает. Катрин невольно представила себе фото голых девиц.

— На этой неделе у меня довольно плотный график... — соврала она. — Но может быть, завтра мне как-нибудь удастся выкроить пару минут... — Лет пять назад Катрин сказала бы просто «завтра» и обошлась бы без этих трех костылей-предосторожностей — «может быть», «как-нибудь», «удастся выкроить пару минут».

— В любое время, — повторил Макс.

«Он, похоже, совсем не такой, как я, — подумала Катрин. — Скорее

всего, он полная моя противоположность».

Беата приготовила ризотто с курицей. Катрин съела кусочек курицы, отодвинула остальное мясо на край тарелки, попробовала рис, сгребла его в кучу рядом с курицей, доела то, что осталось (пять изюмин) и спросила Беату, не найдется ли у нее кусочка хлеба.

— Что я делаю не так? — ответила Беата, имея в виду уже не ризотто, а Джо.

Джо был музыкантом. Катрин еще ни разу его не видела. Чаще всего он находился на гастролях со своей группой. Беата относилась к этому с большим пониманием. Беата относилась с большим пониманием ко всему, что делал или чего не делал Джо.

— Понимаешь, музыка — это его жизнь, — часто повторяла она.

Он был гитарист, или бас-гитарист, или барабанщик в какой-то рок-группе, или фольклорном ансамбле, или в биг-бенде. Считала она.

— Понимаешь, он не любит говорить о своей работе. Когда мы вместе, он предпочитает жить только частной жизнью, — поясняла Беата.

Почти все предложения, в которых речь шла о Джо (то есть почти все предложения Беаты), начинались словом: «Понимаешь...» И каждое предложение должно было прояснить тот или иной сомнительный факт, связанный с Джо, таким образом, чтобы извлечь из него нечто положительное для Джо, а значит, и нечто лестное для нее, нечто, свидетельствующее о том, какой он классный парень, или даже о его любви к ней.

Катрин познакомилась с Беатой три года назад в автошколе. Та сидела рядом с ней, не проявляла ни малейшего интереса к занятиям (это понравилось Катрин) и только что заново влюбилась (это понравилось Катрин меньше). Через три часа Катрин уже вполне могла бы сдать теоретический экзамен по Джо. Она знала все о первых трех неделях романа Беаты с ним, все его технические характеристики — тип и модель, грузоподъемность, мощность, недостатки тормозной системы и подвески.

Беата подцепила его в баре. Он завис там после очередного концерта. У него в тот момент были серьезные проблемы с жильем: его тогдашняя любовница выставила его за дверь. Беата завалилась в бар с тремя подругами, две из которых умирали от скуки в законном браке, а третья в гражданском, то есть все трое жаждали приключений. Беата, напротив, искала чего-нибудь «долгоиграющего», необязательно на всю жизнь, но с более отчетливым видом на будущее, чем это было с ее предыдущими мужчинами.

Они уже почти три часа умилялись на Джо, который тихо сидел себе и курил один косяк за другим (чтобы справиться со своей жилищной проблемой). Вот только волосы ему не мешало бы немного подстричь, единодушно решили они. Его кудри слегка запылились, поскольку в своей горестно-согбенной позе он невольно подметал ими пол. С другой стороны, без своей субкультурной палубной швабры на голове он выглядел бы безжалостно скальпированным.

Когда он угостил их текилой, все четыре женских сердца застучали еще громче. А сердце Беаты — громче всех: Джо смотрел только на нее. («Потому что, в отличие от подруг, она жила одна», — подумала Катрин.)

В награду за его сосредоточенность на ней она позволила ему переночевать у нее.

— Понимаешь, Джо выглядит, конечно, немного странно, но он ведь как-никак музыкант, в каком-то смысле художник, — рассказывала Беата Катрин после той ночи. — К тому же он очень чистоплотный, у него даже была с собой зубная щетка...

— Ты что, в первую же ночь с ним переспала? — спросила Катрин.

— Понимаешь, мы, собственно, и не собирались спать вместе, это получилось как-то неожиданно. Джо вообще большой импровизатор, — ответила Беата, хихикая.

Все продолжалось в том же духе около трех лет. Только Беата все реже и реже становилась темой импровизаций Джо. Это была одна из тех односторонних любовных историй, которые отличаются полным отсутствием всякого присутствия, стирающим грань между иллюзией всего и надеждой на многое. Во всяком случае, у Беаты. Потому что Джо как раз и был одним из отсутствующих звеньев.

Среди того немногого, что Беата узнала о Джо, были пять прыжков в сторону.

— Понимаешь, — говорила она Катрин, — он и сам не замечает, как вляпывается в эти истории, просто он — эмоциональная натура. Но для него все эти отношения не имеют никакого значения. Он говорит, что любит только меня...

При этих словах мужество обычно покидало ее, уступая место слезам.

А иногда она говорила:

— Понимаешь, он не рассматривает это как измену, иначе бы он попытался скрыть от меня свои похождения. Но он не делает этого. Потому что любит меня.

В этой версии дело тоже редко обходилось без слез. И у Катрин наконец появлялась возможность сказать:

— Так, может, тебе лучше его бросить?

Бессмысленный вопрос, потому что Беата не «бросала» — «бросали» ее. Поэтому она отвечала уклончиво:

— Что я делаю не так?..

«Все», — думала Катрин и молчала.

В этот раз, в день ризотто с курицей, Джо в последнюю минуту аннулировал обещанный Беате уик-энд по причине внезапных гастролей.

— Он что, узнаёт о своих гастролях за день до выступления? — спросила Катрин.

— Понимаешь... — ответила Беата.

Далее следовали объяснения вроде «творческой природы», «чокнутого менеджера», «он и сам очень расстроился» и «он так радовался, что мы вместе проведем субботу-воскресенье». Потом Беата плакала, а Катрин ее утешала. Потом Беата падала в объятия подруги и рыдала, а та матерински похлопывала ее по спине и потчевала самой вредной ложью, какую только можно выдумать, утешая подругу:

— Все образуется!

— Ты думаешь?.. — спрашивала Беата уже другим, полным надежды голосом.

— Да, — врала Катрин.

Но это уже не имело значения: Беата чувствовала себя значительно лучше.

Домой Катрин возвращалась в прекрасном настроении. Тающий снег пахнул замоченными кукурузными хлопьями. Воздух был пряным, как мята. Катрин глубоко дышала. У нее было такое чувство, как будто она привела все свои внутренние органы на лечебный массаж. Она радовалась возвращению в свою квартирку, в которой ей не надо было решать никаких партнерских проблем. Ее приятно грела мысль о том, что она ни в кого не влюблена, что ей ни на кого не надо оглядываться и никого не надо ждать. В раковине ее кухни не стояли именно те тарелки и чашки, которые она сама в нее не поставила, потому что ей было лень их туда ставить. В ванной не надо было вспоминать, какая из двух зубных щеток ее — красная или синяя: обе принадлежали ей. В спальне подушка лежала посередине широкой кровати, и ее никто не мог утащить ночью на свою сторону. А свет горел до тех пор, пока она сама — и никто другой — его не выключит.

Спать ей не хотелось. Ее чувство довольства собой возбудило ее. Ей хотелось поделиться этим чувством или хотя бы кому-нибудь сообщить о нем. Она встала, включила компьютер, загрузила почтовую программу, открыла свой мейл-бокс с пятнадцатью адресами — грубый срез ее

социального окружения — и отправила всем короткий мейл: «Катрин желает всем спокойной ночи». Потом она опять легла, выключила свет, вспомнила про Беату и Джо и тут же уснула, испытав облегчение от одной только этой мимолетной, даже не додуманной до конца мысли.

Макс обнаружил мейл от Катрин благодаря Курту. Тот в результате едва заметного, совершенно случайного динамического импульса повернулся вокруг собственной оси и хвостом смахнул со стола компьютерную мышь. Не то чтобы он интересовался мышами — просто ему нравился шнур от компьютера. Он без малейшего усилия мог намотать его на ноги и тем самым вызвать полную неподвижность всех конечностей, состояние, ради которого стоило жить.

Макс молча освободил его от пут и осмотрел компьютер, чтобы определить масштаб разрушений. Компьютер, к счастью, работал безукоризненно. Заглянув заодно в мейл-бокс, Макс обнаружил ночное приветствие от Катрин. Было около полуночи. Придя в состояние бодрости и волнения, Макс решил, что нельзя терять ни минуты, нужно немедленно приступить к работе. Сначала, разумеется, тесто. Груши — потом.

Одиннадцатое декабря

Грушевый пирог, приготовленный с мыслями о Катрин, был готов. С какими именно мыслями? Да просто — что опять появился кто-то, ради кого стоило посреди ночи печь грушевый пирог. То есть стоило или не стоило, пока было неясно. Но сама процедура доставляла удовольствие. И потом она как-никак, может быть, возьмет Курта, если все и дальше будет складываться так же удачно, как до сих пор. Кто еще может взять Курта, кроме нее? К тому же она пожелала Максиму спокойной ночи. Он, конечно, понимал, что это еще ничего не значило. Он видел, что ее незатейливый мейл был всего лишь рассылкой, не содержащей ничего личного. У Катрин не было по отношению к нему ничего личного. Он чувствовал, что в личном плане она еще не включила его в свою базу данных.

Да он и не мог представить себе, чтобы у Катрин был к нему какой-то интерес. Точнее, он пока еще даже не пытался представить себе это. Еще точнее: она еще не послала ему никакого сигнала, который побудил бы его попытаться представить себе, что у нее может быть к нему какой-то интерес. Впрочем, он и сам пока не дал ей никакого повода послать ему сигнал, побудивший бы его попытаться представить себе, что у нее может быть к нему какой-то интерес.

В общем-то, у него тоже не было к ней никакого интереса. Не потому, что она была неинтересна. Точнее, он еще не думал о том, интересна она или нет. Она, кстати, тоже еще не дала ему сигнала, который побудил бы его задуматься о том, интересна ли она ему. А он, в свою очередь, не дал ей повода послать ему сигнал, который... Все. Конец. Грушевый пирог был готов. Жаль.

Был уже час ночи. Макс сел за компьютер, открыл мейл, полученный от Катрин, щелкнул на окошко «ответить» и написал:

Доброе утро! Грушевый пирог готов. Можете приходить на завтрак. Курт будет рад.

Привет.

Макс

Потом, наклонившись к креслу Курта, погладил его. Не кресло, а Курта (хотя креслу бы это, наверное, понравилось больше). Все равно. Во всяком

случае, бывали моменты, когда Макс гордился тем, что у него есть Курт. Это был как раз один из таких моментов.

В семь часов Курта вырвал из сна пронзительный крик, но он, перевернувшись на другой бок, тут же опять уснул. Кричал Макс. «Блиииин!» — крикнул он. Причиной его крика стал телефон. Он зазвонил. В это время он обычно не звонил. Не говоря уже о ситуации.

Максу приснился паршивый сон. Наипаршивейшим в нем было то, что он слишком рано кончился и что это был всего лишь сон и продолжение исключалось. Он начался чертовски удачно, потом как-то незаметно раскрошился на фрагменты и в конце концов оборвался в самый неподходящий момент, какой только можно себе представить. Ему приснилась Катрин, одетая в желтый космический скафандр. Макс видел только ее просветленно-сияющие миндалевидные глаза. (У нее действительно были миндалевидные глаза?)

Она без памяти влюбилась в него. В Курта. Ей во что бы то ни стало нужно было взять его к себе. Она сказала:

— Отдай мне, пожалуйста, Курта. А за это можешь просить у меня чего хочешь.

Так она сказала.

Он спросил:

— Правда?

Она сказала:

— Правда.

Он спросил:

— А если это будет... физическое желание?

— Пожалуйста. За Курта я готова выполнить любое твоё желание.

Макс:

— Ты серьезно?

Катрин:

— Абсолютно.

Макс:

— А если тебе все-таки не захочется делать то, о чем я тебя попрошу?

Катрин:

— Я сделаю все, что ты захочешь. Главное, чтобы ты отдал мне Курта.

Макс:

— Но... это будет... очень необычное желание.

Катрин:

— Раздеться? Тоже мне удивил!

Макс:

— Нет, тебе надо будет...

Катрин:

— Ну говори!

Макс:

— Не могу.

— Давай говори! Не бойся! Что мне надо будет? Что бы это ни было — я сделаю это, если ты отдашь мне Курта.

— Но тебе мое желание покажется извращением.

— Да брось ты! Что значит — извращение? Мужчины сами по себе — извращение. Если мужчина просит о чем-нибудь женщину и это желание — не извращение, то это уже извращение. Говори!

Макс ненадолго задумался (ровно настолько, насколько это возможно во сне, чтобы не развеять сон) и сказал:

— Ладно, я отдам тебе Курта, даже если ты этого не сделаешь.

Катрин:

— Правда?

Макс:

— Правда.

Катрин:

— Как это мило с твоей стороны! Спасибо!

Она чмокнула его в лоб, наклонилась к Курту и уже хотела увести его. (В этом месте сон чуть было не оборвался; Макс тревожно заворочался и уже собрался проснуться.)

— Но ты все-таки сделала бы это? — спросил он энергично. (Он вновь поверил в себя.)

— Ты имеешь в виду — добровольно? Даже если я ничего не получу взамен? Это зависит от того, какое желание.

— Понимаешь, я бы хотел этого только в том случае, если бы ты сама пожелала сделать это, просто так, ничего не получив взамен.

— Но Курта ты мне в любом случае отдашь? Ты ведь обещал.

— Конечно.

— Ну, говори. Что я должна сделать?

Макс глубоко вдохнул, закрыл глаза и сказал:

— Встать сзади меня...

— Нет проблем.

— Подожди, это еще не все.

— Ну, говори.

— Я снимаю рубашку. Ты кладешь руки мне на шею и медленно

проводишь всеми десятью ногтями по спине. Ощутимо, но не больно, так, чтобы не было никаких царапин. Но и не щекотно. А главное — медленно. Всего один раз. Ты бы сделала это?

Катрин бросила на него неопределенный взгляд сквозь прорези своего желтого скафандра, набрала в легкие воздуха и истерически завывала, как сирена, — нет, зазвонила, как телефон. Это и был телефон. В семь утра. Макс завопил:

— Блииин!

Курт дернулся, как ужаленный, перевернулся на другой бок и опять уснул. Интересно, она бы сделала это?

За окнами было еще темно. Катрин удивилась, как это ей удалось заставить себя встать с постели. Ничего лучше, чем теплая тьма под одеялом, снаружи быть не могло. По радио обещали фён — «ветряную бурю». У Катрин при одном только упоминании «фёна» заломило виски, как будто их стянуло мощным магнитом. То, что более или менее было похоже на снег, уже растаяло. На его месте топорщились бело-серые надолбы грязи с желтыми пробоинами — дело рук (вернее, ног) всяких Куртов и им подобных. Во всяком случае, было достаточно нескольких секунд, чтобы при виде этого зрелища понять, что именно сулит наступающий день. Ничего хорошего. Да и откуда ему было взяться, этому «хорошему»?

Катрин пила черный кофе и грызла сухарь. Молоко прокисло, а хлеб кончился. При одном лишь мимолетном воспоминании о мюсли ее виски, стянутые невидимым магнитом в мигреновый узел, чуть не взорвались. Катрин ничего не имела против здорового питания, но только не в мрачное декабрьское утро. От компьютера, в общем-то, тоже нечего было ожидать. Хотя четверо уже ответили. Беата писала:

Спасибо. И тебе тоже спокойной ночи. Ты мне очень помогла. Понимаешь, с Джо все не просто, но я думаю, что, если бы все было слишком просто, я бы этого не выдержала.

Ответ Франциски выглядел так:

Привет, Катрин! С чего это ты вдруг занялась рассылками посреди ночи? Что-нибудь случилось? Я тебе позвоню!

Твоя Франци

Франциска была лучшей подругой Катрин и, к сожалению, матерью двух маленьких детей. Нет, не так: к сожалению, у нее никогда не было времени, потому что она была матерью двух маленьких детей, которые, к сожалению, всегда оказывались рядом, когда у Франциски находилось время. Эти дети росли без бебиситтеров.

Бывают дети, которых, как только они появляются на свет, тут же суют в руки их еще слабых матерей, и всем сразу становится понятно: для этих детей нет бебиситтеров. Они еще не могут выражать свои чувства (не говоря уже о мыслях), они могут пока только морщить свой крохотный помятый лоб, открывать рот и издавать первые крики. Но на шее у них уже болтается незримая табличка с надписью: «Бебиситтер — это не для нас! Пусть только появится — мы его быстро доведем до дурдома». И измученные родами матери из последних сил прижимают их к груди, тем самым сигнализируя окружающим: «Ничего, нам не нужны никакие бебиситтеры. Мы всегда с нашими малышами, а они всегда с нами. А если это не нравится нашим друзьям — это их проблемы». Франциска принадлежала к числу таких матерей. У нее, впрочем, был еще и муж. Как она умудрялась все это сочетать, для Катрин оставалось неразрешимой загадкой.

Пришло еще два ответа. Один из них — от Аурелиуса. Его она открыла первым. Аурелиус был последней олимпийской надеждой Шультмайстер-Хофмайстеров. Он обладал всеми качествами, которые необходимы потенциальному зятю, чтобы родители сказали: «Золотце, чего тебе еще надо?» (мать). И: «Заяц, бери быка за рога! Помирать так с музыкой!» (отец). Аурелиусу было всего тридцать пять, а он уже имел (полученную по наследству) нотариальную контору. Он был чемпионом страны по гребле. Он был почетным президентом федерации голубеводов. Он был умен. Он был образован. Он был красив. (Красивее, чем Джеймс Бонд в последних трех частях «Бондианы», то есть уже просто неприлично красив.) У него было двенадцать темных костюмов и десять пар черных туфель. (Это очень удобно: все туфли выглядят одинаково, можно варьировать их как угодно, главное — не надеть два правых или два левых.) У него было три уборщицы — одна убирала квартиру, другая мыла окна, третья чистила обувь. У него было... Но может, этого достаточно?

Аурелиус писал:

Если тебе одиноко, ты знаешь, как меня найти. С любовью и верностью.

Аурелиус

Чего у него не было, так это способности сказать нужные слова в нужный момент.

Четвертый ответ пришел от Макса. Катрин как раз только что протиснула в глотку последний кусок сухаря и запила его горячим кофе, который принялся щипать слизистую оболочку ее желудка, как джазмен свой контрабас. Макс писал:

Доброе утро. Грушевый пирог готов. Можете приходить на завтрак. Курт будет рад. Привет.

Макс

«Завтрак — это идея», — подумала она и набрала номер его телефона. Никто не отвечал. Может, он как раз выгуливал Курта. Или стоял под душем. Или занимался своими голыми девицами. Через десять минут она попробовала еще раз, и он сразу же снял трубку:

— Макс.

— Привет. Это Катрин. Если предложение еще в силе — я имею в виду грушевый пирог, — я бы забежала перед работой. Если, конечно, не помешаю. Но только если я действительно не помешаю.

Макс уверил ее, что она не помешает.

Она провела у него почти час. Говорили главным образом о грушевом пироге. Пирог оказался удивительно вкусным.

— И вкуса груш вообще не чувствуется. Это же надо так суметь! — похвалила Катрин.

— А груши вообще не имеют никакого вкуса, — заявил Макс.

Именно поэтому он и использовал их для своего пирога. По его мнению, фруктовый пирог должен иметь вкус пирога, а не фруктов. Кто хочет есть фрукты, пусть ест фрукты, для этого не нужно печь или покупать пирог. Такова была его точка зрения на эту проблему.

Катрин кивала, отчасти в знак согласия, отчасти из вежливости. Но потом заметила:

— Значит, ты вполне мог бы обойтись и без груш?

(Она сказала «ты»?)

— В общем-то, ты права, — ответил Макс. (Так они плавно перешли на «ты».) — Но как бы я тогда назвал пирог? Если сказать просто: «Я испек

пирог», тебя обязательно спросят: «Какой?» «Ах, просто пирог...» — да у меня самого пропало бы желание есть этот пирог.

Катрин кивала, отчасти в знак согласия, отчасти в знак сочувствия, отчасти из вежливости.

— А может, никто бы и не спросил, — продолжал Макс. — А просто подумали бы: «Ага. Пирог. Просто пирог. Никакой. Даже не шоколадный или какой-нибудь там еще, а просто пирог. Тоска!» Мои гости были бы разочарованы еще прежде, чем успели бы попробовать хоть кусочек. А может, они вообще не стали бы пробовать. Зачем же мне тогда печь пирог?

Если Катрин правильно его поняла, груши ему были нужны только для того, чтобы назвать пирог грушевым.

— А ты не пробовал использовать крыжовник? — спросила она. — Крыжовник тоже почти не имеет вкуса. У него даже еще меньше вкуса, чем у груш.

Макс всерьез заинтересовался этой идеей и посмотрел на Катрин широко раскрытыми глазами. «У него большие глаза, когда он внимательно смотрит на собеседника», — подумала Катрин.

— А «пирог из крыжовника», по-моему, звучит даже лучше, чем «грушевый пирог», — сказала она.

— Да, но крыжовник трудно достать, — возразил Макс. — Он же бывает только летом.

«И в самом деле, — подумала Катрин. — Какой интересный разговор!» Однако время визита истекло. Ей пора было на работу.

— У тебя есть друг? — спросил Макс.

Катрин подумала, что это наглость — задавать подобные вопросы, и ответила:

— А что?

— Я бы дал тебе кусок пирога для него.

— Он не ест пирогов, — сказала Катрин и на секунду задумалась, насколько открытым остался после этого вопрос о наличии у нее друга. Хорошо бы, чтобы он остался открытым как можно шире, решила она.

— Жаль, — ответил Макс.

«Жаль, что у меня, возможно, есть друг, или жаль, что он не ест пирогов?» — подумала Катрин.

— А у меня нет подруги, — неожиданно весело сообщил Макс.

Катрин вспомнила о голых девицах, и ей захотелось спросить: «Почему?» Но это было бы стилистической ошибкой. Поэтому она предпочла отделаться кратким «а...» и попыталась утешить его взглядом, который он мог бы расценить как нейтральное принятие к сведению. Макс

повернулся к Курту и сказал:

— Такие вот дела, верно, Курт?

«Вот для таких вот фраз стоит иметь собаку», — подумала Катрин.

Курт ничего не ответил. Он лежал под своим креслом и спал.

— А что с ним? — спросила Катрин.

— Ничего, — ответил Макс. — К сожалению.

— Но ты ведь его любишь?

— Я? — переспросил Макс.

Похоже, его еще никто об этом не спрашивал.

Прощаясь, Макс задержал ее руку в своей ладони дольше, чем нужно. По ее ощущению. Но ее это ничуть не смутило и не огорчило. Макс показался ей небезынтересным. Она не знала его, он еще ничего не сообщил о себе (если не считать того, что у него нет подруги, но разве можно по одному этому факту составить себе представление о человеке?). Она была уверена, что он намеренно ничего не рассказывал о себе. И не потому, что не мог. Таким образом, первая партия в «ничего не говорить о себе» закончилась вничью. Это было справедливо.

— Ну, увидимся, — сказала Катрин.

— Был бы очень рад, — ответил Макс.

Катрин была рада уже сейчас. К тому же ей понравился Курт. Он стал ее любимой собакой. Он освободил ее от страха перед Рождеством.

Двенадцатое декабря

Улицы были свежесмазаны морозящим дождем, но у Курта не оставалось выбора: он вынужден был сопровождать Макса в редакцию «Жизни на четырех лапах». Им пора было составлять еженедельную рубрику «Верные друзья». На этот раз Курт был нужен своему хозяину лично, поскольку Макс пока не имел ни малейшего представления о том, что он еще мог бы написать об этом неописуемом немецком дратхааре. Он целиком и полностью зависел от любого признака жизни Курта, то есть от любого из трех его ежедневных признаков жизни.

Курт не любил эти походы в редакцию. Особенно зимой. Особенно когда земля была мокрой, грязной и скользкой. Тем более походы в редакцию «Жизни на четырех лапах». Там ему приходилось иметь дело с людьми, общительность которых носила уже совершенно противоестественный характер. Они так любили животных, что при виде любого четвероногого от радости начинали петь и плясать, а иногда даже плакать. Особенно при виде Курта. Он был их любимым животным. Потому что не мог защищаться. Это было для него слишком утомительно. А в борьбе против многочисленных глядящих, мнущих, тискающих, лапающих сотрудников редакции «Жизни на четырех лапах» у него вообще не было ни малейшего шанса. Поэтому он молча терпел этот шквал проявлений страстной любви.

Кроме того, там имелась кошка по кличке Денёв, считавшаяся «немного игривой, но добродушной». Курт тоже считался «добродушным». Сотрудники редакции и не подозревали, насколько близок он был иногда к тому, чтобы доказать им обратное с помощью Денёв. Денёв умудрялась доводить его до белого каления. Она прыгала на него, висла на шее, кусала за хвост, терлась головой о его шерсть, обтирая о него засохшие остатки «Вискаса». В такие минуты Курт был уверен, что Денёв вот-вот «прикажет долго жить». Один-единственный укус в шею — и в редакции навсегда воцарится покой. Но что, если он промахнется и не попадет зубами в нужную точку? Она с визгом мечется по редакции, он должен гоняться за ней, чтобы добить; повсюду кошачья кровь... Эта картина вселяла в него ужас и отвращение. Поэтому он выбрал меньшее из зол и молча сносил все эти муки. Чаще всего он притворялся спящим, и Денёв через несколько минут становилось скучно. Обычно он и в самом деле засыпал.

Максу тоже доводилось видеть и более приятные компании, чем

коллектив редакции «Жизни на четырех лапах». Коллеги — преимущественно одинокие, пахнущие кошачьей мочой пенсионерки с попугайскими голосами, не доверяли ему. В их настороженных, недоверчивых совиных глазках застыло подозрение в жестоком обращении с животными. Они внимательно следили за каждым его жестом, каждым действием в отношении Курта и были готовы в любой момент встать на защиту бедного животного, вплоть до судебного иска. Они никак не могли простить Максу, что он завел Курта только для того, чтобы сделать из него постоянный источник дохода и основу процветания своей журналистской карьеры. То, что он вытворял с Куртом, было для них равноценно проституции и сутенерству. Даже хуже, потому что у животного гораздо меньше шансов отстоять свою свободу, чем у человека. А у Курта — меньше, чем у любого другого животного.

Высота писательской планки при подготовке очередного выпуска была такова, что Макс каждый раз удивлялся своей готовности еженедельно преодолевать это препятствие. Его публику (если в данном случае вообще можно было говорить о публике) составляли дети из малоимущих семей, вырезавшие третьесортные картинки с животными, и пенсионеры, выстилавшие «Жизнью на четырех лапах» ящики с черепахами, морскими свинками и кроликами. То есть перед Максом стояла серьезная проблема: он не знал, для кого, собственно, готовит рубрику «Верные друзья». Курт, он сам, его друзья и коллеги исключались изначально, а читателей не было.

Сидя за компьютером и наблюдая, как Курт даже не думает подавать признаки жизни, которые можно было бы описать (он спал, в то время как Денёв возмущенно мяукала в соседней комнате, поскольку дверь была заперта на ключ), Макс вдруг подумал о Катрин. После совместного завтрака с грушевым пирогом с ним это происходило довольно часто. Она почему-то понравилась ему. «Почему-то» он мысленно прибавлял из осторожности. Он прекрасно знал почему. Но эта мысль находилась под запретом. Катрин была его деловым партнером в реализации проекта «Курт и Рождество». (Об оплате они пока еще даже не говорили.)

К тому же Катрин была женщиной, в которую Макс не мог влюбиться, потому что... А почему, собственно, не мог? Ну, все равно не мог — и баста. Его возмущала даже сама мысль о теоретической возможности такого исхода. Такие «возможности» давили на него, приводили его в состояние психологического дискомфорта. Кроме того, у нее был некий таинственный друг (который не любил грушевый пирог, что, впрочем, позволяло предположить наличие у него скверного характера и неразвитого

вкуса). И наконец, она была женщиной, которую, без всяких сомнений, пришлось бы целовать, женщиной, которая ни за что не согласится на любовь без поцелуев, для которой мысли о любви наверняка неотделимы от мыслей о поцелуях. Макс от ужаса передернулся. Курт на полмиллиметра приподнял бровь, желая убедиться, что не пропустил ничего важного. Этого движения было явно недостаточно, чтобы построить на нем новый выпуск рубрики «Верные друзья».

Однако Макс не мог не признать, что это чертовски приятная мысль — в рамках рождественско-куртуазно-кинологического партнерства приложить ладонь к щеке Катрин, ласково коснуться ее уха, а затем провести рукой по ее черным волосам к затылку и, может быть, опуститься ниже, за воротник пуловера, туда, где ее кожа должна быть особенно теплой, потому что в этом месте любая кожа должна быть особенно теплой, потом замереть и закрыть глаза. И никаких поцелуев! Да, это была чертовски приятная мысль.

Чертовски неприятной была мысль об очередном выпуске собачьей рубрики. Курт по-прежнему категорически отказывался вносить свой вклад в дело подготовки этого выпуска. Поэтому Макс не оставалось ничего другого, как приступить к работе. Он представил себе свою читательницу, и дело пошло. На сей раз он писал исключительно для некой воображаемой семидесятипятилетней собачницы, которая как раз решила проверить качество своих новых очков для чтения и по чистой случайности наткнулась на «Верных друзей». Она ни в коем случае не должна была пожалеть о том, что для испытания новой оптики использовала «Жизнь на четырех лапах», а не телефонную книгу, — такую цель поставил перед собой автор рубрики.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

выпуск 83

Заглавие: «Курт желает хозяйку для своего хозяина»

Текст: Здравствуйтесь, дорогие друзья животных, любители собак, поклонники немецких дратхааров!

Спешу вас успокоить: Курт жив и здоров. На этой неделе он особенно исправно питался. Однажды ему перепала даже свиная ножка, и он оставил от нее только щетину. (Мы ведь тоже

оставляем от мясных рулетиков только зубочистки, которыми они скрепляются, верно?) Он прилежно ходил на прогулку, каждый раз аккуратно поднимал ногу и вытягивал ее в сторону, чтобы избавить хозяина от послепрогулочных омовений. Наши собаки ведь гораздо чистоплотней, чем принято считать, и гораздо положительней, чем слава о них.

Курт всю неделю отличался безупречным поведением. Он ни разу не залаял. (Многие бабушки и дедушки могли бы брать с него пример.) Он много спал. Это полезно для его шерсти — она приобретает особый блеск. И пусть себе спит на здоровье, верно? Тем более что дни стали короткими, а ночи длинными, и бедный Курт уж и не знает, насколько ему еще пораньше лечь и попозже встать, чтобы наконец выспаться.

Ну как не позавидовать собакам? Никаких рождественских шопингов, никакой суеты, никакой толкотни, никакой нервотрепки в пробках на дорогах! Да, в эти серые декабрьские дни мы бы все с удовольствием поменялись местами с нашими четвероногими друзьями, это факт. Есть только один недостаток в собачьей жизни: как поет Райнхард Май, будь мы собаками, кто-то должен был бы открывать нам холодильник. Однако шутки в сторону... (Макс до боли закусил губу.)

...Иногда Курту бывает довольно одиноко в обществе его хозяина. Так же как дети желают иметь папу и маму...

Рука Макса в нерешительности замерла над клавиатурой. Писать или не писать? Он посмотрел на Курта. Тот лежал под рабочим креслом и спал. Денёв скреблась в дверь. Элеонора Кёнигсбергер, главный эксперт журнала по хомякам, этакий хомячный Папа Римский редакционного масштаба, возмущалась где-то в дальних комнатах (но достаточно внятно) условиями содержания хомяков в хомячных магазинах, ущемляющими права бедных грызунов, а также самим фактом купли и продажи оных. Ее голос напоминал карканье простуженной вороны. У Макса не было выбора. Он вынужден был писать не думая. Ему хотелось как можно скорее унести отсюда ноги.

...Так же как дети желают иметь папу и маму, так и Курт желает иметь не только хозяина, но и хозяйку. Представьте себе: пока они с хозяином гуляют, хозяйка готовит ужин; в постели бедный пес наконец четко знает, где его место — посредине; во

время прогулок к нему никто не пристаёт с этими дурацкими палочками, которые он то и дело по команде «апорт» должен приносить хозяину, — он просто трусит себе между хозяином и хозяйкой, а те умиляются на него и восторженно хлопают в ладоши... Можно привести ещё много примеров, наглядно иллюстрирующих полноценность собачьей жизни при наличии хозяина и хозяйки...

Недоставало ещё восьми строк. Макс вдруг отчетливо понял, что за это сочинение он должен сегодня вечером вознаградить себя приятной компанией. А поскольку он все равно сидел за компьютером, то предпочел решить эту проблему посредством письменного способа коммуникации. Он отправил четыре мейла в надежде по крайней мере на один положительный ответ. Родригесу, аргентинцу, с которым познакомился во время (трехмесячной) учебы на факультете социологии, он написал:

Привет, Род!

Извини за внезапное вторжение. У тебя сегодня есть время и желание посидеть со мной за бутылкой вина в нашей кабачке? Был бы рад повидаться.

Макс

Второй мейл он послал своим друзьям Пауле и Самуэлю, приятной и занятой парочке. Она была аптекаршей и стойкой сторонницей платонической любви, если не считать трех так называемых маленьких рецидивов. Он был архитектором и на две головы ниже ее, у него было немного приплюснутое лицо, но зато он якобы классно целовался. Макс предложил им совместный поход в кино или ужин в итальянском ресторане.

При составлении третьего послания у него слегка засосало под ложечкой. Оно было адресовано Натали, которой он не звонил и не писал с самого октября. В тот вечер дело чуть было не обошлось без поцелуя. Натали было двадцать два года, то есть на двенадцать лет меньше, чем ему. Она изучала англистику и со сравнительно малой дозой наивности любила одного из своих профессоров, точнее, профессора, который с гораздо большей дозой наивности любил каждую вторую студентку-англистку. Это была главная тема ее разговоров с Максом, пытавшимся раскрыть ей глаза, пока они не раскрылись слишком широко и не нацелились на его рот. Он

хорошо знал этот взгляд. У него было ровно две возможности — либо бегство, либо приступ тошноты. Он выбрал бегство.

Теперь он написал Натали следующее:

Привет, Натали!

Ты, конечно, обиделась на меня за то, что я тогда так неожиданно ушел и ни разу не вышел на связь. Если хочешь, я могу тебе все объяснить. Можно сегодня вечером. У тебя найдется время выпить со мной пару бокалов вина?

«Будем надеяться, что она не придет», — подумал Макс, переводя курсор с окошка «удалить» на окошко «отправить».

Четвертый мейл он послал Катрин. Причем он должен был признаться себе, что этот мейл для него важнее трех остальных. Должен был, но... не признался. Он написал так:

Привет, Катрин!

Нет ли у тебя случайно времени и желания совершить со мной и с Куртом маленькую прогулку сквозь туман по парку Эстерхази? Курт любит туман. Ему нравится останавливаться и ждать, что будет дальше. А потом мы могли бы вместе выпить глинтвейна. Можешь приводить с собой своего друга.

Макс

«Не дай бог, этот друг и в самом деле придет», — подумал он.

Курт все еще спал. Денёв неумоимо царапалась в дверь и мяукала. Макс не хватало еще восьми строк. Он остановился на том, что «можно привести еще много примеров, наглядно иллюстрирующих полноценность собачьей жизни при наличии хозяина и хозяйки». В принципе, это был идеальный финал. Поэтому он решил просто вставить выше еще несколько «примеров, иллюстрирующих полноценность собачьей жизни»:

Когда хозяин не в настроении, наш четвероногий любимец чувствует это на собственной шкуре. А если бы в доме была еще и хозяйка, то он бы даже не заметил паршивого настроения хозяина, потому что оно целиком и полностью сконцентрировалось бы на ней. То же самое, разумеется, касается и дурного настроения хозяйки... («Гениально! — подумал

Макс. — Осталось совсем немного».) А когда двое ссорятся, третий потирает руки. А третьим почти всегда был бы наш любимый Курт.

На эти слова совершенно органично ложилось:

Можно привести еще много примеров, наглядно иллюстрирующих полноценность собачьей жизни при наличии хозяина и хозяйки...

Чмоки от Курта и предрождественский привет от Макса.

Готово! Макс разбудил Курта и потащил его мимо Денёв и фрау Кёнигсбергер к выходу.

Катрин не ответила. Родригес тоже не подавал признаков жизни. Паула написала:

Рады были узнать, что ты жив-здоров. Сегодня вечером, к сожалению, ничего не получится. Сами работает, а я встречаюсь с подругами. Но на выходных Сами уедет на семинар, так что я буду свободна. Пиши или звони.

Паула

От Натали пришел мейл следующего содержания:

Привет, Макс!

Я не обиделась. Я просто удивилась. Я и не думала, что ты способен вот так вот взять и мгновенно испариться навсегда (а потом вдруг так же неожиданно объявиться). Я тогда разоткровенничалась с тобой, как дура, и все это время злилась на себя за свою болтливость. У Эдгара сегодня семинар, так что вечером я свободна. Мне хотелось бы не столько увидеть тебя, сколько услышать твои объяснения. Позвони мне. Но если я тебя напугала своим письмом, можешь не звонить.

Натали

Она его не напугала, но звонить ему почему-то не хотелось. До шести вечера он ждал ответа от Катрин. Потом набрал ее номер и наговорил на

автоответчик: «Курту срочно нужно на прогулку. Так что долго мы тебя ждать не сможем». Курт, конечно, не считал, что ему срочно нужно на прогулку. Он лежал под своим креслом и спал. Макс до восьми часов настраивался на вечер у домашнего очага с гренками, кетчупом, Дорис Лессинг,^[11] телетекстом, каберне-совиньоном и Херби Хэнкоком.^[12] Потом все же смирился со своей неприкаянностью и позвонил Натали. Он даже предоставил ей право выбора территории для встречи. Ее вопрос «А ты не хочешь заглянуть ко мне?» прозвучал довольно безобидно и ни к чему не обязывал. Иначе бы он не согласился. Курт остался дома. Охранять квартиру. (Шутка.)

Натали казалась гораздо старше своих двадцати двух лет, несмотря на маленький рост, хрупкость и по-детски трогательную головку с белокурыми волосами, стриженными под мальчика. У нее был низкий, хрипловатый голос, не по годам мудрые карие глаза, которые она пять раз в минуту прищуривала в подтверждение этой преждевременной мудрости, и тонкие руки, изящно плясавшие перед ее лицом для придания большей выразительности каждому высказыванию, хотя ее высказывания и без того были достаточно выразительны. Начисто лишенная каких бы то ни было признаков наивности, она не испытывала даже потребности хотя бы время от времени разыгрывать наивность с целью изобразить беззащитность и уязвимость. Этот недостаток, делавший ее по-юношески зрелой, импонировал Максусу.

В качестве прелюдии к его с интересом ожидаемым «объяснениям», как это его могло угораздить пренебречь ее благосклонностью, она поведала ему о своей остывшей любви к Эдгару, профессору англистики, который никак не решался сделать выбор в ее пользу. Поскольку в устах Натали понятия «остывшая» и «любовь» уже сами по себе звучали противоречием, Макс понял, что профессор по-прежнему очень много для нее значил, что она ни в коей мере не собиралась сдаваться и что ей просто хотелось отомстить ему за его полигамный образ жизни. А когда она сняла пуловер — особым, недвусмысленным способом — и его взорам предстало боди, которое не надевают просто так, случайно, он понял, с кем и когда она собиралась ему отомстить — с ним, Максом, и сейчас.

Решение скрыть от нее правду он принял, когда Натали — опять же особым, недвусмысленным способом, — многообещающе ухмыльнувшись, произнесла: «Ну так объясни мне наконец, что с тобой тогда произошло». При этом она придвинулась к Максусу и коснулась его колена тыльной стороной ладони. Она даже не стала недоверчиво прищуривать глаза. Макс

чувствовал, что она ждет лестного для нее ответа. Ей явно хотелось услышать, что она показалась ему слишком независимой и взыскательной, что он хотел «простой интрижки», а потом вдруг понял, что с ней этот номер не проходит, что с ней возможны лишь «серьезные отношения», — что-нибудь в этом роде.

Во-первых, Макс терпеть не мог это свое деструктивное объяснение «я не переносу поцелуев». Во-вторых, у него вдруг появилось чувство, что на этот раз он сможет. Вино уже вступило ему в голову и размыло контуры болезненно-травматически запечатленной в его мозгу жирной Сиси. А в-третьих, он был возбужден. Даже очень. Он ощутил жгучую потребность осязать Натали, почувствовать ее кожу, обнять ее, стиснуть ее бедра, прижать ее к себе, лечь на нее, потереться о нее, войти в нее, глядя в ее горящие вожделением глаза, упиваться тем, как они наблюдают за его возбуждением, поощряют, прищипывают его и гонят на край бездны.

Натали была к этому готова. Она надвигалась на него с кошачьей грацией. Она наклонила левое плечо так, чтобы бретелька боди соскользнула на локоть. Схватив его запястья, она крепко сжала их, чтобы он почувствовал себя пленником, одновременно призывая его сбросить оковы.

Однако сокращать дистанцию она не торопилась.

— Ну так что с тобой тогда произошло? Почему ты не захотел меня поцеловать? — спросила она почти шепотом, наигранно тяжело дыша.

Любые слова сейчас неминуемо все разрушили бы. Существовала лишь одна-единственная реакция, которую Натали в данной ситуации приняла бы и которой она, по-видимому, ждала от Макса. У него была одна-единственная возможность утолить яростное желание, единственный ключ к ее телу — покориться жестокой судьбе и поцеловать Натали.

Закрыв глаза, он потянулся губами к ее лицу, ощутил тепло и упругую мягкость ее губ, почувствовал, как расширяется площадь соприкосновения. Из желудка уже поднималась первая, пока еще робкая волна-предостережение. Макс сначала судорожно впился в плечи Натали, потом, чтобы отвлечь себя от ненужных ощущений, ощупью продвинулся к ее грудям. Но Натали схватила его руки и вернула их себе на плечи. Этот жест исключал разночтения — поцелуй должен был идти отдельным порядком, все попытки забежать вперед пресекались. Страсть Натали требовала некоего минимума самообладания. Даже на пути к экстазу для нее существовала определенная последовательность стадий, которые необходимо было пройти. Первой и важнейшей стадией был экстатический

поцелуй.

Макс почувствовал на зубах ее язык, пытавшийся установить контакт с его языком. За этим последовала уже вполне ощутимая волна тошноты. Он испуганно распахнул глаза и увидел красивое, расслабленное лицо, ничего не подозревающее о его растущем отчаянии. Натали была погружена в себя, у нее все уже происходило на другом уровне — без мыслей, без намерений, без преград. Она полностью отдалась мгновению. Для нее поцелуй был чистым сексом.

И вот ее язык коснулся его языка и совершил вокруг него первые несколько оборотов. Макс почувствовал в себе до боли знакомую, беспощадную борьбу: возбуждение боролось с тошнотой. Вторая волна, тяжело поднимающаяся из глубин желудка, лишила его сомнений относительно того, кто в этой борьбе через мгновение опять станет неоспоримым победителем. Он оторвался от губ Натали и откинулся на спинку дивана. Он знал, от чего любой ценой должен был, но не мог избавить ее и себя, и с покорностью обреченного ждал катастрофы.

Натали при всем желании не могла распознать проблему и даже не подозревала, какая опасность ей грозила. Она придвинулась к неподвижно лежавшему Макс, спустила боди до самых бедер, взяла руки Макса, поднесла их к своим грудям и крепко прижала к ним. Макс успел дважды глубоко вдохнуть, наслаждаясь этим ощущением и вызванным им новым приливом возбуждения, но потом снова почувствовал ее язык в своем рту.

Память о жирной Сиси уже подступила к самому горлу. Он панически искал в своем сознании аварийный переключатель, который загрузил бы какую-нибудь отвлекающую программу. Футбол... визит Папы Римского... землетрясения... прогноз погоды... Денёв... Курт... чистка зубов... кроссворды... Картины вспыхивали, как слайды в цейтрафере,^[13] и вновь исчезали. Натали зажала его лицо в ладонях, как в тисках, отрезав ему все пути к отступлению. Ее язык, влажный и упругий, дико метался у него во рту, словно зверь в клетке.

От тошноты и страха перед неизбежными последствиями у Макса уже мутилось сознание. Если бы его сейчас увидела Катрин! Интересно, как бы она среагировала? Закричала бы? Расхохоталась? Почувствовала сострадание? Попыталась утешить его? Его мысли вдруг обрели некую опору. Макс увидел ее перед собой, ее черные короткие волосы, как она с милой улыбкой пожимает ему руку.

«А ты не пробовал использовать крыжовник?» — спросила Катрин и кокетливо подняла брови. «Она права, — подумал Макс. — „Пирог из крыжовника“ звучит даже лучше, чем „грушевый пирог“». «Крыжовник

тоже почти не имеет вкуса, — продолжала Катрин. — У него даже еще меньше вкуса, чем у груш»...

Натали прервала поцелуй, лизнула Макса в лицо, расстегнула пуговицы его рубашки, сунула свои холодные жадные пальцы ему в штаны. Раздался двойной щелчок — по-видимому, расстегнулись кнопки ее боди. Холодные пальцы Натали работали проворно и профессионально и покинули «поле деятельности», только когда там для них уже не осталось места.

— Да-а-а-а... — произнесла она протяжно и хрипло, вложив в этот звук всю сладкую муку предвкушения.

Она сидела на нем, он был в ней.

Закрыв глаза и как будто с помощью пульта дистанционного управления шевеля руками, Макс делал все, что усиливало ее стоны и вздохи. От страха его лицо покрылось потом, несколько мощных приступов тошноты он успешно поборол. Так долго ему еще никогда не удавалось продержаться. Движения Натали становились все более интенсивными. Он опять смог несколько секунд наслаждаться вожделением. Но тут ее язык пополз снизу вверх по его шее. Макс задрал подбородок вверх, чтобы перерезать ему путь к губам. Натали без труда преодолела это препятствие. Пытка поцелуем продолжалась.

На глазах у Макса выступили слезы отчаяния. Он предпринял вторую попытку бегства с помощью Катрин. Как там было во сне? На чем он остановился? Катрин нужен был Курт, и за это она готова была исполнить любое его желание.

«Ну, говори. Что я должна сделать?» — спросила она. Сквозь прорези ее желтого скафандра сияли ее миндалевидные глаза. (У нее миндалевидные глаза?) «Ты кладешь руки мне на шею и медленно проводишь всеми десятью ногтями по спине», — мысленно ответил он. Как она на него посмотрела! «Ты бы сделала это?» — мысленно спросил он. Она бросила ему пронзительный взгляд, глубоко вдохнула и закричала. Она кричала и не могла остановиться: «Да-а-а-а!.. Да-а-а-а!.. Да-а-а-а!..»

Натали выгнулась, запрокинула голову, стиснула его бедра ногами, растопырила пальцы рук и оперлась ладонями на его плечи. Она еще трижды, с каждым разом все медленней, все тише, все осознанней, произнесла «да-а-а-а...», потом в изнеможении упала на Макса и положила ему на грудь разгоряченное лицо.

Макс чувствовал, как в нем понижается уровень тошноты.

— Это было круто... — выдохнула Натали.

Она ничего не заметила. Макс плакал от триумфальной радости и

перенесенного ужаса. На всякий случай он еще некоторое время подержал глаза закрытыми. На всякий случай он еще несколько минут мысленно провел с Катрин. Интересно все же, сделала бы она это или нет?

Тринадцатое декабря

Катрин проснулась и спросила себя — зачем? Начинался день, о котором она еще с закрытыми глазами могла сказать, что он не станет светлее, даже когда она их откроет. В такие дни крохотный, теплый и уютный мир под одеялом приходится приносить в жертву сознанию того, что за пределами этого мира нет ничего более приятного, чем исполнение долга. В такие дни сто раз убеждаешь себя в том, что ты вытянул счастливый билет, что у тебя все в порядке, что тебе не на что жаловаться. Это самое мерзкое свойство таких дней — они душат тебя неотступной тоской с момента злополучного пробуждения до спасительного возвращения в постель следующей ночью, а жаловаться ты не смеешь, потому что вытянул «счастливый билет».

Например, ты — ассистент офтальмолога и счастливый обладатель права в течение шести часов стоять у оптико-социального конвейера и при этом обязан с помощью некоего незримого гаечного ключа в нужный момент поворачивать в своем мозгу гайку, отвечающую за хорошее настроение, чтобы в соответствии с требованиями высококачественного обслуживания пациентов убедительно демонстрировать им, сколько веселья и жизненной энергии можно выжать из такого вот мерзопакостного, мрачного декабрьского дня. В награду за это ты в лучшем случае получаешь комплимент своим ослепительно-белым зубам или зеленым глазам, как в рекламных роликах, но чаще — зависть, поскольку депрессивно-пришибленные пациенты думают, что ты, улыбающийся и брызжащий жизненной энергией даже в такие мрачные дни, вытянул особенно «счастливый билет».

Катрин проснулась и почувствовала острое желание немедленно съесть кусок грушевого пирога, чтобы перебить горький вкус проснувшейся вместе с ней предрождественской тоски. Она была упряма, как ребенок, она раздраженно ворочалась в постели, и ей хотелось плакать, оттого что в начале этого пустого, бессмысленного дня рядом не было никого, кто сунул бы ей в рот кусок грушевого пирога и ласково провел рукой по волосам. Почему он не звонит? Почему не повторяет своего приглашения? Сейчас, в этот самый момент? Чего он ждет? В ее распоряжении всего час. Она ведь вытянула «счастливый билет» и уже через считанные минуты сможет приветствовать первого из двух десятков предстоящих ей пациентов.

Мейл Макса она получила поздно вечером. Да, она с удовольствием прогулялась бы с этой собакой и ее хозяином по парку Эстерхази, ей нравился этот Курт, который ничего не делал, и этот Макс, хотя он ничего не делал. Или как раз именно потому, что он ничего не делал? Ей нравился туман — но только когда она была не одна (иначе он пугал ее своей обволакивающей грустью), ей нужно было сопровождение. И не какое-нибудь, а только такое, которое не доставляло бы ей дискомфорта. Это была бы прекрасная прогулка, а потом они могли бы вместе чего-нибудь выпить. Да, например, глинтвейна — почему бы и нет? И у нее запылали бы щеки. Ну и что? Ничего страшного. С Максом она вполне могла себе такое позволить, не стесняясь дурацкого вида.

Но вместо прогулки она весь вечер проторчала у Беаты, в порядке оказания экстренной психологической помощи. Джо рассказал Беате о своей очередной подружке. Катрин посоветовала ей наконец бросить его. Та спросила, что она делает не так. Катрин подумала: «Все» — и сказала: «Все образуется». Традиционная церемония утешения продлилась три часа. Между делом, в награду за свой психологический труд, Катрин получила порцию спагетти болоньезе а-ля Беата. В итоге она ушла домой голодная и пустая.

Вечером Макс оставил ей устное сообщение на автоответчике: «Курту срочно нужно на прогулку. Так что долго мы тебя ждать не сможем». Катрин сохранила это сообщение и прослушала его три раза подряд. А перед сном еще раз. Оно ей очень понравилось. У Макса был приятный голос. Ребенком она любила прикладывать к уху музыкальную шкатулку. Приблизительно так же звучал для нее голос Макса. У этого голоса была какая-то особенная мелодия. Нет, что ни говори — он очень симпатичный парень. И у него милая, спокойная собака.

В приемной сидел Аурелиус. Это было вполне в духе наступившего дня. Катрин мгновенно узнала его по манере читать газету. Если у какого-нибудь скульптора кончится запас эффектных поз, ему достаточно будет лишь взглянуть на Аурелиуса, читающего газету, — и идеальная модель устрашающего памятника представителя интеллектуальной элиты у него в руках!

Величественным жестом расположив левую руку перед грудью и образовав из ее пальцев воронку, читающий Аурелиус водрузил в нее локоть правой руки, указательный палец которой застыл в нескольких сантиметрах от слегка наклоненного в сторону виска, в то время как большой палец покоился в ямке подбородка. На сосредоточенном лице

читающего Аурелиуса, казалось, застыла гримаса боли. Это был образ человека, который читает, чтобы мыслить, и которому мышление неизбежно должно причинять боль, поскольку его мозг уже до отказа набит знаниями и житейской мудростью.

Итак, он читал газету — а это всегда была самая огромная газета, какую только можно купить, — и новые взгляды и точки зрения непрерывным потоком лились в его уже переполненные информацией ганглиозные клетки...^[14] Эту претерпеваемую Аурелиусом муку, эту гримасу боли можно было видеть невооруженным глазом. Облегчить свои страдания он мог лишь одним способом — поделиться познаниями со слушателями, рассказать им немного об окружающем их мире. Однако приемная офтальмологической клиники была не самым подходящим местом для восполнения пробелов в знаниях духовно недоразвитой публики. Поэтому он читал про себя, молча страдая от избытка мудрости, и ждал своей очереди на прием.

Катрин, конечно же, знала, что он пришел ради нее. С тех пор как между ними все кончилось — то есть с тех пор как Катрин стало ясно, что между ними ничего не начнется, — он приходил каждые две-три недели. Сначала он предварял свои визиты невербальными сообщениями в виде темно-красных роз, доставляемых посыльным ей на дом, чтобы на следующий день преподнести еще более оригинальный сюрприз, лично засвидетельствовав ей свое почтение. Но после того как Катрин два раза подряд оказалась «к сожалению, не одна» и не пустила его дальше переговорного устройства, он изменил тактику и стал являться в клинику доктора Харлиха. Для него это обернулось несомненным преимуществом, которое заключалось в том, что здесь ей приходилось смотреть ему прямо в глаза, говоря:

— Аурелиус, ты знаешь, я к тебе очень хорошо отношусь, но между нами ничего быть не может.

За это он платил через больничную кассу.

Роман с Аурелиусом закончился ровно год назад (продлившись одиннадцать дней). Они познакомились в торговом центре «Юг». Санта-Клаус, раздававший посетителям рекламные ваучеры, свалился с ног. Дети смеялись, взрослым тоже понравился веселый рекламный трюк. Катрин склонилась над лежащим на полу Санта-Клаусом и сняла с него искусственную бороду. В нос ей ударил крепчайший запах рома. Санта-Клаус был мертвецки пьян и не подавал признаков жизни.

— Здесь есть врач? — крикнула Катрин в удивленно-возмущенную

толпу.

Врача не оказалось. На ее призыв откликнулся лишь красавец мужчина с золотисто-коричневым цветом кожи, в темно-сером пиджаке, светло-сером жилете, в сорочке в бело-серую полоску и черно-сером зимнем пальто — все, по крайней мере, от Версаче (кроме цвета кожи, приобретенного в солярии). Это был Аурелиус.

Он приподнял голову Санта-Клауса, Катрин похлопала его по щекам. Аурелиус сделал незадачливому псевдосвятому искусственное дыхание, Катрин проверила его глаза. Через десять минут они привели его в чувство; еще полчаса им потребовалось, чтобы поднять его на ноги и прислонить к стене. После этого ассистент пригласил ассистентку на бокал шампанского.

На следующий вечер он приобрел два билета на концерт. На третий день он повел ее в театр. После театра, за бутылкой выдержанного марочного шампанского он показал ей несколько комнат своего пентхауса общей площадью двести квадратных метров. От удивления Катрин раскрыла рот и захмелела. Он не воспользовался ситуацией, хотя она ничего не имела бы против. Он отвез ее домой и откланялся перед дверью подъезда, хотя она не стала бы возражать, если бы он изъявил желание подняться к ней. Он поцеловал ей на прощание руку, хотя Катрин случалось принимать поцелуи и в менее подходящие моменты. «Это может перерасти в любовь», — подумала она.

Когда Шульмайстер-Хофмайстеры слышали об Аурелиусе, они не поверили своим ушам. Это было в четвертый вечер.

— Пока еще рано строить прогнозы, — сказала Катрин по телефону.

— Золотце, а что он собой представляет? — спросила мать, близкая к инфаркту.

— Мама, что он собой представляет, я расскажу тебе потом, а пока я скажу, что он имеет.

И она перечислила то, что составляло его движимое и недвижимое имущество. Ей самой это было безразлично. Ну, максимум — приятно. Но она знала, в какой зависимости в глазах ее родителей находилась ее ценность (а значит, ценность родительского вклада в ее воспитание) от материального благополучия потенциального зятя. Через пять минут трубку пришлось взять отцу. Матери понадобились обе руки — для благодарственной молитвы к Создателю.

В пятый вечер, в самом дорогом и изысканном ресторане города, за медальонами из косули, четвертым блюдом дегустационного меню, Аурелиус объяснился Катрин в любви. Во-первых, он объяснил ей, что такое любовь. (Употребив множество таких выражений, как «семейный

уют», «как за каменной стеной», «шагать по жизни рука об руку», «верность до гроба», «своевременная забота о собственной старости», «генеалогическое древо» и «совместное наследство». Понятие «секс» в его определение любви не входило.) А во-вторых, сообщил, что любит ее.

— А не рано ли еще говорить об этом? — спросила Катрин, радуясь в душе предстоящему сложному десерту.

— В любви не бывает понятия «рано» или «поздно», — ответил Аурелиус, после чего в течение десяти секунд тщательно вытирал губы салфеткой. — Либо она есть, либо ее нет. — Он поднял подбородок, так что спинка его носа оказалась параллельно крышке стола, взял Катрин за обе руки и торжественным шепотом произнес: — И она есть!

В этот вечер они еще долго сидели перед одним из двух его каминов, совместно глядя на огонь. При этом он рассказывал ей о разных частях света. Она с интересом слушала и сама говорила лишь в случае крайней необходимости. Например, во время беседы на тему «бедные и богатые». Он считал, что трудолюбивому человеку в этом мире бедность не грозит. Катрин, не желая разрушать атмосферу гармонии и согласия, привела лишь пять примеров, доказывающих обратное, и назвала несколько африканских стран. В конце концов они сошлись на том, что бедность не грозит трудолюбивому сыну миллионера.

Разница во взглядах обнаружилась и относительно вопроса о внебрачном сексе. Речь о нем зашла в шестой совместный вечер, когда Аурелиус сделал ей официальное предложение руки и сердца. Катрин рассмеялась полукокетливо-полуиронично (с одной стороны, она была польщена, с другой — растеряна) и ласково сказала:

— Ты с ума сошел! Мы ведь даже еще не спали друг с другом.

В том-то и дело, сказал он, именно поэтому он с нетерпением ждет первой брачной ночи.

— Я не могу дождаться этого момента!.. — признался он с искренним выражением лукавства в глазах.

— В ближайшие два года я точно не собираюсь замуж, — ответила Катрин как можно более ласково — насколько это позволял смысл сказанного.

Аурелиус прокашлялся и сунул руку во внутренний карман пиджака, словно хотел достать свой календарь.

— Ну, как говорится, утро вечера мудреней, — ответил он с благородно-сдержанной обидой в голосе и мужественно улыбнулся.

Когда Катрин набрала в легкие воздуха, чтобы спросить, нельзя ли ей переночевать у него, он сказал:

— Ты позволишь мне проводить тебя домой?

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — ответила она.

Прощаясь, он вдруг поцеловал ее в губы. Вернее, поцелуем это назвать было трудно, но направление было верным.

Катрин не могла не признать себе, что ситуация получалась более чем занятная и что Аурелиус своей «первой брачной ночью» добился гораздо большего, чем всей своей врожденной философией и унаследованным комфортом. У нее так и чесались руки соблазнить его. Вернее, у нее чесались руки сделать так, чтобы у него самого зачесались руки соблазнить ее. Это стало ее программой действий на ближайшие вечера, с шестого по десятый. Ничего серьезного — скорее просто развлекательная программа. При выборе подходящих для этой цели туалетов ей впервые бросилось в глаза, сколько предметов гардероба она приобрела не для себя самой.

Одним словом, вскоре Аурелиус уже не знал, куда ему девать глаза и руки. Он совершенно растерялся. Он выдавал теперь только полумудрости, он был настолько оглушен телесными провокациями Катрин, что обрывал свои теоретические выкладки на полуслове. Он откладывал в сторону даже самые большие из крупноформатных газет, чтобы пожирать ее глазами. Он с маниакальной страстью и ненасытностью гладил ей руки. Он каждые две секунды посылал ей воздушные поцелуи. Он боготворил ее.

Теперь он сам ежедневно предлагал ей переночевать у него. (А она ежедневно соглашалась.) Когда она раздевалась, он отворачивался. В постели дело ограничивалось бурными объятиями. Он, правда, сопел, стонал и вздыхал, но никогда не терял над собой контроля и не отпускал тормоза своих принципов. А она была слишком горда, чтобы самой, вручную отключить его тормоза. (Хотя достаточно было одного-единственного движения.) Она молча смотрела на его добровольные муки и наслаждалась этим зрелищем. Это тоже была эротика. Это тоже был секс. «Это тоже может быть любовью или перерасти в любовь», — думала она.

Одиннадцатый вечер с Аурелиусом был сочельник — и одновременно двадцать девятый день рождения Катрин. Он вышел за рамки традиций уже по той лишь причине, что они провели его (чтобы не сказать отпраздновали) в доме Шульмайстер-Хофмайстеров. Катрин ни за что не взяла бы Аурелиуса с собой к родителям, если бы он не настоял на этом. И она ни за что бы не поставила под родительскую елку, для рождественских песнопений, мужчину, находящегося на стадии «ухаживания», если бы Шульмайстер-Хофмайстеры не умоляли ее, чуть ли не стоя на коленях.

Уже во время церемонии приветствия Катрин поняла, как сложится вечер. Мать в слезах бросилась дочери на шею и сказала:

— Золотце, ты даже не представляешь себе, как мы счастливы!

Отец обнял Аурелиуса за плечи и придал своему лицу отработанное в ходе многочасовых репетиций перед зеркалом выражение типа «Поздравляю! Теперь она принадлежит тебе. Будь с ней добр и ласков».

Потом хозяева провели Аурелиуса по комнатам своей старой квартиры, как будто ему в ближайшем будущем предстояло в нее переселиться. Мать произнесла нескончаемую серию предложений, начинавшихся словами «а здесь наша девочка обычно...» (финал зависел от характера помещения — «...играла с Барби», «...таскала печенье», «...сидела на горшочке» и т. д.)

Праздничный стол был, по всей вероятности, украшен еще за неделю до знаменательного события. Приборы Катрин и Аурелиуса находились на расстоянии трех миллиметров друг от друга. Красные салфетки, которые фрау Шульмайстер-Хофмайстер обрезала в форме сердец, соприкасались.

За ужином мать рассказывала, как отличить хорошего рождественского гуся от плохого карпа и почему Катрин в детстве не ела ни того ни другого. (Потому что питалась бананами в шоколаде.) Это были рассказы, от которых у слушателей получалось растяжение мышц лица, потому что натянутую на него вначале беседы улыбку невозможно было снять ни на секунду, так как один «веселый рассказ» плавно переходил в другой. А мать Шульмайстер была большой любительницей подобных рассказов.

— Золотце, а почему ты ничего не ешь? — спросила она во время короткой паузы.

— Я неважно себя чувствую, — ответила Катрин.

— Да, с любовью шутки плохи! — сказал отец, после чего зловеще подмигнул матери и ткнул Аурелиуса в плечо. Все трое расхохотались.

В остальном все происходящее было сконцентрировано на госте. Когда он отклонил третью порцию красной капусты, мать готова была выброситься из окна. После ужина отец слегка заплетающимся языком (следствие кампари, на которое он налегал один, поскольку в тот вечер никто, кроме него, вина не пил) произнес торжественную речь. Для большей убедительности он использовал руку Аурелиуса, которую постоянно тряс.

— Дорогой Аурелиус! — говорил он. — Мы рады принять тебя сегодня, сейчас, в нашу семью. Не потому, что у тебя есть нотариальная контора. Успех — еще не все. Деньги — тоже. Гораздо важнее любовь. Поверь мне, ты сделал лучший выбор из всех, какие только мог сделать.

Женщины красивей и умнее, чем моя дочь, тебе не найти. Как говорится, жениться так жениться!

Мать плакала. Аурелиус утешал ее. Катрин, воспользовавшись всеобщим волнением, улизнула из комнаты. Ее отсутствие было замечено только через полчаса. Она оказалась в туалете. Ей действительно было нехорошо.

Однако кульминация праздничного вечера была еще впереди. Катрин преодолела свою тошноту с помощью коньяка и отказалась исполнять «Полный благости».^[15] Аурелиус в качестве примирительного жеста прочел рождественский рассказ Эриха Кестнера. Под рождественской елью лежало восемнадцать подарков. Катрин получила от матери полное собрание ее вязаных сочинений за прошедший год, а от отца — микроволновую печь небесно-голубого цвета. Вместе с отеческим советом Аурелиусу набраться терпения: его жена Эрнестина тоже научилась готовить лишь через десять лет супружеской жизни. Мужчины рассмеялись.

Последней сценой, которая сохранилась в памяти Катрин (успевшей к тому моменту осушить полбутылки коньяка), было вручение золотого кольца. Аурелиус вдруг без всяких комментариев повесил его ей на шею. Оно оказалось таким тяжелым, что Катрин с трудом удавалось держать голову вертикально. Когда мать увидела кольцо и узнала количество карат, у нее глаза вылезли из орбит. Катрин апатично смотрела на восхищенных зрителей.

— Ребенок просто потерял дар речи от радости, — успокоил дарителя отец. — Золотце, поцелуй же его наконец! Да как следует! — потребовала мать.

Через день Катрин узнала, что в ответ на этот призыв она пролепетала деревянным языком: «Только через мой труп...», и голова ее, повинувшись силе тяжести, упала на стол.

Двенадцатый день был уже лишним. Она проснулась в кровати рядом с Аурелиусом и почувствовала непреодолимое желание поскорее покинуть место действия. У нее, казалось, была не одна, а целых три головы, которые, преодолевая острую боль, думали одно и то же: «Измена... Обман... Предательство... Позор...»

— Что ты делаешь? — спросил Аурелиус сонным голосом.

— Ухожу, — ответила Катрин.

— Куда?

— Домой.

— Милая, но это же и есть твой дом.

— Ошибаешься! — пробормотала она. — Я тебя не люблю.

Колье она оставила ему. Это был ошейник, к которому Аурелиус собирался пристегнуть поводок. А родители, обеспечив образцовое поведение дочери в золотой клетке, исполнили бы наконец свое заветное желание. Для Катрин это было еще обиднее и горше, чем очередная утраченная иллюзия любви.

— Лучше или хуже? — спросила Катрин.

— Хуже, — ответил Аурелиус.

— А так?

— Хуже.

— Ясно. Все в порядке. Тебе не нужны никакие очки. Как и три недели назад, — сказала Катрин с выражением скуки в голосе и вскинула для прощания правую руку, как это делают врачи, которым пациенты нужны только для того, чтобы поскорее с ними распрощаться.

— Я был у твоих родителей, — сказал Аурелиус. За год эта угроза в результате постоянного повторения утратила свою силу. — Они считают, что тебе сейчас трудно, — произнес он сочувственно.

— Что ты говоришь! — откликнулась Катрин равнодушно.

— Они говорят, что ты очень одинока, — продолжал Аурелиус.

— Ну, им лучше знать, — ответила Катрин, зло прищурился глаза.

— Неужели ты совсем не вспоминаешь наши с тобой счастливые дни, которые мы пережили ровно год назад? — спросил Аурелиус и коснулся ее плеча.

— Не каждую минуту, — ответила Катрин.

— Я чувствую себя так, как будто...

Катрин знала, как он себя чувствовал, хотя он и не успел договорить, потому что зазвонил телефон. А это была совсем не та ситуация, в которой можно не услышать телефонный звонок или не обратить на него внимания.

Звонил Макс. Откуда он узнал, что она именно сейчас ждала его звонка? Что это было ее заветнейшее желание? Ее бросило в жар. Наверное, у нее вспыхнули щеки. Аурелиусу в виде наказания было позволено созерцать ее в таком виде. Видел ли он ее вообще когда-нибудь такой сияющей?

Она сказала в трубку:

— Правда? — Это был почти ликующий вопль. — Да, с удовольствием. Буду очень даже рада. — Ее голос слегка дрогнул. Ей пришлось приложить усилие, чтобы скрыть внезапное волнение. — Можно

даже немного позже, я завтра не работаю... Хорошо, в девять... Ну, значит, до завтра... Нет, нет, я не передумаю!.. Да, уверена... Я очень рада... Нет, правда... Даже очень... Ну, пока... И тебе тоже...

— Кто это был? — поинтересовался Аурелиус с наигранным спокойствием, которое должно было свидетельствовать о его светской толерантности.

— Да так, один друг, — ответила Катрин, радуясь очевидному бесстыдству своей лжи.

— Ты очень красива, когда так сияешь, — сказал Аурелиус.

Теперь ей стало его жалко.

— Может, сходим как-нибудь на этой неделе в кино? — предложила она и сама удивилась этой неожиданной перемене настроения. Она вдруг почувствовала к нему симпатию, ей захотелось сделать ему что-нибудь хорошее. — Созвонимся завтра, — сказала она, подталкивая его к выходу. (В приемной было полно народа.)

— Я позвоню тебе, — ответил он, сделал несколько шагов к двери, повернулся и спросил, неумело изображая равнодушие: — Значит, завтра у тебя randevu?

— Да нет! — громко рассмеялась она. — Просто один хороший знакомый пригласил меня на завтрак.

Аурелиус неуверенно улыбнулся.

— Он хочет, чтобы я непременно попробовала его пирог из крыжовника! — крикнула Катрин ему вслед.

Четырнадцатое декабря

«Если Курт что-нибудь понимает, то, скорее всего, юмор», — подумала Катрин. Она выбрала ему в подарок пластмассовый сэндвич с колбасой, который ржал, когда на него нажимали. Ржание, по-видимому, служило акустическим намеком на то, что колбаса была из конины.

Максу она уже была готова вручить настенный календарь с голыми девицами и дарственной надписью: «Для повышения эффективности творческого процесса и производительности труда». Но потом решила, что для таких презентов они, пожалуй, еще слишком мало знакомы. В ней просто говорило ее озорство, благодаря которому она умудрилась в такую унылую пору так обрадоваться такому простому событию, как обычное приглашение на завтрак. Может, у Макса действительно были проблемы с этим делом. В конце концов она купила ему пачку тыквенных семечек со вкусом ванили.

За окнами кружились пушистые снежинки. В детстве Катрин часами простаивала по вечерам у окна и как зачарованная смотрела на заштрихованный свет фонарей. А проснувшись ночью (или если ей не удавалось уснуть от волнения), она смотрела, не исчезли ли мерцающие нимбы вокруг фонарей, закончилась или, наоборот, усилилась пляска снежинок.

С годами символическое значение снегопада сместилось в область негативных эмоций. Катрин раскусила снег. Он был обманчив. На лету он прикидывался романтичным, а приземлившись, сразу же оказывался бессмысленным и ненужным. Время, когда снег ее раздражал, было во много раз длиннее времени, когда она его ждала. Интервалы с каждым годом становились все больше.

В парке Эстерхази, по пути к Макс и Курту, Катрин на несколько минут заключила перемирие с зимой. Откинув назад капюшон, она подставила лицо снежинкам, которые тут же покрыли ее волосы белой кисеей. Она закрыла глаза и почувствовала себя молодой. Очень молодой. У нее появилось такое чувство, как будто она так и осталась ребенком.

Курт лежал под своим креслом и спал. Он не проснулся, когда Катрин вошла. И даже когда она «заржала» ему в ухо лошадиным сэндвичем. Квартира была теплой и светлой. «В такой квартире невозможно впасть в меланхолию», — подумала Катрин. Ни обстановкой, ни оформлением здесь

и не пахло. Это была некая совокупность случайно оказавшихся под одной крышей красивых и уродливых вещей, которым хозяин дал карт-бланш в решении визуального образа интерьера. И они вполне справились с этой задачей. Квартира являла собой противоположность тому, что называют отсутствием всякого стиля — здесь, напротив, было представлено слишком много стилей. По отдельным предметам можно было реконструировать все многообразие настроений и мотивов хозяина при покупке мебели. Он руководствовался то низкой ценой, то практичностью вещи, то пестротой и яркостью, то благородством форм, то авангардистским характером, то редкостью товара, а то и такими качествами, за которые прадеды заклеили бы его вкус как мещанский.

На светлом паркетном полу гостиной лежали три ковра с разных континентов, отчаянно диссонировавшие по цвету. Европа поблекла, Азия стыдливо прятала глаза, Южная Америка торжествовала. При виде платяного шкафа из красного дерева нетрудно было догадаться, что его в свое время не вышвырнули в окно только по причине его чрезмерной тяжести и громоздкости. Самое подходящее определение, которое гости могли придумать при виде деревянных монументов ужаса, было «склад забытых вещей».

Довольно симпатично выглядели комодики, тумбочки и столики, которые издалека можно было принять за антиквариат. На стенах висели пошло-экстравагантные пейзажи и жуткие часы с кукушкой, в которых вместо кукушки ежечасно появлялись фигурки древнегреческих богов и героев. По отсутствию ваз, ламп, подсвечников и прочих декоративных элементов Катрин определила, что в этом доме отсутствует кокетливость внутреннего убранства и любовь к деталям — то есть женщина.

Самый теплый угол гостиной был отмечен мягким изгибом вписанного в него очень светского оранжево-красного замшевого дивана, перед которым стоял болезненно-вычурный журнальный столик «а-ля рюстик» с шиферной столешницей в дубовом обрамлении. Самым элегантным предметом обстановки гостиной был, пожалуй, письменный стол в стиле модерн. «Без голых девиц он смотрится еще лучше», — подумала Катрин и чуть не сказала это хозяину.

Макс стоял в своей маленькой кухоньке, при виде которой невольно напрашивался унылый образ яичницы с ветчиной в исполнении охваченного похмельной дрожью холостяка. Но пахло в этой кухне бабушкой. Это был запах пирога с крыжовником. Нет, это был просто запах пирога. Крыжовник не имеет запаха.

— А где ты взял крыжовник? — спросила она и осталась недовольна

нечистым звучанием своего голоса.

Когда она чувствовала себя уверенно и независимо, у нее обычно был очень приятный низкий голос, она знала это. А тут вдруг такое карканье! Интересно, он заметил ее волнение?

Макс принялся рассказывать о каком-то знакомом торговце на рынке, который посоветовал ему попробовать там-то и там-то. Но «там-то и там-то» ничего не оказалось, и тогда он попробовал...

Катрин при всем желании не могла сосредоточиться на деталях рассказа. Ясно было одно: он раздобыл крыжовник на краю света. Для нее. Только для нее одной. Любое украшение покупает один из множества мужчин для одной из множества женщин. А вот пирог из крыжовника печет только тот, кто знает «пароль», и только для той, которая и сообщила ему этот «пароль». Более интимного подарка невозможно себе и представить.

Рассказывая, Макс смотрел ей прямо в глаза; ей даже пришлось отвернуться. Она чувствовала себя разоблаченной, а он словно преобразился. Он не сводил с нее глаз. Он был совсем другим, он как будто только что, внезапно, вошел в ее жизнь. Он стал ей интересен. Она начала изучать его. Он нравился ей. Это было удивительно, что мужчина, на которого она впервые осознанно обратила внимание, мог сразу же так ей понравиться.

Они провели полдня на оранжево-красном диване. Сидя в двух метрах друг от друга, они за все время не придвинулись друг к другу ни на миллиметр. Она — потому что ни за что бы этого не сделала, он — потому что не сделал этого. Курт все это время спал. И Катрин полюбила его за это. Он стал ее любимой собакой. Пирог не имел ярко выраженного вкуса. Каждый раз, когда Макс спрашивал: «Хочешь еще кусочек?», она отвечала: «С удовольствием, но только совсем маленький». Она выпила восемь чашек кофе и два литра минеральной воды. Она была просто вынуждена непрерывно что-то есть и пить (и соответственно периодически посещать туалет): ей необходимо было какое-то непрерывное оправдание тому, что она не уходит. А ей не хотелось никуда уходить. Ей хотелось сидеть у него как можно дольше, даже если бы ей пришлось до конца жизни есть пирог из крыжовника и пить воду (периодически посещая туалет), чтобы не лишиться права пребывания в этой квартире.

Они говорили обо всем и ни о чем. И то и другое было интересно. Макс, как с удовлетворением отметила Катрин, совершенно не умел развлекать. Те, кто это умеет, обычно никому не дают сказать ни слова. Через пару часов их развлекательная программа заканчивается. Они

нажимают на клавишу «повтор» и прокручивают свои лучшие «номера» еще раз. Иногда им удается заставить публику проглотить их хиты в третий раз. После этого наступает окончательный «перерыв в радиотрансляции». И тогда они вынуждены быстро предпринять что-нибудь невербальное. Или поменять публику.

Макс был не такой. Проговорив о себе дольше чем десять секунд, он начинал буксовать, бросался на поиски подходящего перехода и предоставлял слово Катрин. Ей не приходилось долго раздумывать, что сказать: он сам целенаправленно спрашивал обо всем, что его интересовало. Она удивилась, как мало у нее оказалось тайн от него и как легко ей было выдавать ему о себе сведения сугубо личного и семейного характера.

В какой-то момент дошла очередь до неизбежного вопроса:

— А твой друг?

Вопрос был сформулирован по-джентльменски абстрактно. Катрин попыталась воспользоваться этим обстоятельством:

— Какого ты имеешь в виду? У меня несколько очень близких друзей.

— Того самого, который не ест грушевый пирог.

Это уже звучало не по-джентльменски конкретно.

— Ах, с ним уже все кончено. — Это даже нельзя было назвать слишком грубой ложью. — Не стоит даже тратить время на разговоры о нем, — прибавила она и почувствовала гордость за себя, оттого что ей удалось так быстро выйти на чистую правду.

— А у тебя? — спросила она, чтобы окончательно снять своего бывшего друга с повестки дня.

— У меня сложная история, — ответил Макс подавленно и начал тереть одну о другую подушечки больших и средних пальцев, словно пытаясь что-то раскрошить. — Но об этом я расскажу тебе в следующий раз, — сказал он и демонстративно посмотрел на часы.

Было, наверное, около пяти. За окнами уже стемнело. У Катрин засосало под ложечкой.

— У тебя есть еще какие-то планы на сегодня? — спросила она с профессиональной приветливостью, как будто это ее мало интересовало.

— Да, вечером ко мне придет подруга.

Катрин показалось, будто в стенки ее желудка впился колючками целый куст крыжовника.

— Это она и есть твоя «сложная история»? — спросила она.

— Натали? Нет, она всего лишь несложное исключение из «сложной истории», — ответил Макс и улыбнулся как человек, который знает, что то,

чему и как он улыбается, никому, кроме него, не может показаться поводом для веселья.

— А что у вас с ней за отношения?

Что это на нее вдруг нашло? Задавать такие вопросы! И что за тон?

— Половые, — бесстрастно ответил Макс и так глубоко заглянул ей в глаза, что наверняка заметил ее секундную клиническую смерть.

«Это нехороший ответ, — подумала Катрин. — Совсем нехороший ответ».

— Но это совсем не то, что ты думаешь, — поспешно прибавил Макс.

Однако было уже поздно. Катрин уже не думала. Она почувствовала, как ее ноги получили откуда-то строгий приказ как можно скорее покинуть квартиру, не нарушив приличий.

— Как?! Уже пять?.. — вскрикнула она в ужасе и, вскочив на ноги, двинулась под финальные обрывочные реплики к выходу.

— Ты уже уходишь? — сказал Макс.

Она не смотрела на него. Его голос звучал испуганно, но ей некогда было размышлять на эту тему. Она боялась взрыва эмоций. Она даже не знала, какие эмоции могли вырваться наружу, но чувствовала в себе готовность к их эскалации. У двери он обнял ее и быстро поцеловал в обе щеки. Эти сухие поцелуи причинили ей почти физическую боль.

— Когда мы увидимся? — спросил он.

— Я позвоню, — ответила она с ледяной приветливостью и с садистской вежливостью прибавила: — Спасибо за пирог и кофе.

— Давай встретимся в ближайшие дни, хорошо? Пожалуйста! — крикнул Макс ей вслед.

Она не откликнулась. Стук ее каблучков по каменным ступенькам быстро удалялся. Его можно было бы перевести приблизительно так: «На этом наш роман закончен».

На улице все еще густо валил снег. Катрин закрыла шарфом лицо и понеслась по парку Эстерхази. «Значит, у него несложные половые отношения. С чем вас и поздравляю!» — подумала она. На подошвы ее ботинок налипли снежные гири. Она стряхнула их. Потом пошла еще быстрее. Ей хотелось убежать, оторваться от себя самой. В груди кололо. Колючки крыжовника! Все внутри было в этих чертовых колючках крыжовника. Шарф сполз на грудь. Воздух был обжигающе ледяной. И в перспективе — никакого тепла. Оранжево-красный диван уже, наверное, опять занят. «Поздравляю, Катрин! Молодец, тебе можно позавидовать!» — думала она.

Снег хлестал ее по лицу и тут же таял. Крыжовник, тяжелые, колючие,

перезрелые ягоды. «Так-так... Значит, несложные половые отношения... Но это совсем не то, что я думаю!..» А она и не думала, ее глаза были мокрыми снаружи и влажно-затуманенными изнутри. Они горели. Крыжовник, целые корзины колючего, водянистого крыжовника! Она кулаками стирала со щек эти мокрые колючки и неслась дальше, все быстрее и быстрее. «Натали, говоришь? Несложное исключение?.. Зараза!..» Ее тяжелое дыхание заглушало судорожные всхлипывания. Она ненавидела снег. Ненавидела Рождество. Широко распахнув глаза, она вдруг почувствовала себя старухой. У нее появилось ощущение, что она потеряла все, что могло сохранить ее молодость. И что у нее нет ни сил, ни надежды когда-нибудь вернуть утраченное и остановить стремительно прогрессирующий процесс старения.

Макс уже взялся за трубку телефона, чтобы отменить встречу с Натали, как та вдруг позвонила в дверь. Он даже на секунду задумался, что бы такое соврать, чтобы не впускать ее в квартиру, — скарлатина, оспа, ящур, что-нибудь с мерзкой сыпью или пеной изо рта, с высокой температурой и опасностью инфекции уже при одном только зрительном контакте.

Он не просто не хотел ее, он не мог себе даже представить, что в нем проснется желание. Он даже не хотел, чтобы это желание проснулось. Потому что для желания нужны чувства, а чувств не было.

Но вопрос о замене запланированной развлекательной программы некой альтернативой не стоял. Телефонная преамбула Натали к предстоящей встрече звучала так: «Я опять тебя хочу. У тебя. И на этот раз не уйду, пока не кончу». Макс, наверное, следовало ответить: «Браво, детка, ценю твою прямоту». Низким, хриплым голосом — для большей убедительности. Но он предпочел воспользоваться своим естественным голосом и выдал из себя всего лишь жалкое: «Ну так приходи!»

И она пришла.

— На весь вечер я у тебя остаться не могу, потому и пришла пораньше, — заявила она с отшлифованным до зеркального блеска юношеским цинизмом.

При этом она прищурила глаза и поднесла нервные тонкие руки к воротнику — так, словно собиралась рывком расстегнуть молнию своей зимней кожаной куртки. Надетой, вполне вероятно, на голое тело. Это, конечно, всё мужские фантазии, но от Натали можно было ожидать чего угодно.

Эдгар, профессор англистики, как выяснилось, все-таки нашел время и

собирается зайти к ней поздно вечером, объяснила она. Отсюда и спешка.

— Но спать я с ним сегодня не буду, — сообщила она, злорадно щуря глаза. — То-то он обалдеет!

Чтобы с честью вынести все тяготы временного отлучения Эдгара и не выглядеть в глазах профессора изголодавшейся хищницей, она решила заглянуть к Максу. Это, конечно, мало было похоже на роман, но зато совесть его теперь была чиста. Мотив, побудивший его вызвонить к себе Натали, был не намного благороднее.

Он хотел продолжить тренировку, повторить опыт, проверить, удастся ли ему еще раз выйти сухим из воды. Этому благоприятствовали как гастрономические предпосылки (пирог из крыжовника и кофе), так и психологические параметры — он мог целую секунду думать о толстой Сиси, не испытывая никаких позывов к рвоте. То есть лабораторные условия можно было считать идеальными.

С момента своего первого удавшегося эксперимента с Натали два дня назад Макс пребывал в состоянии эйфории. Его сексуальная жизнь, похоже, могла измениться. Точнее, начаться. Испытывает ли он что-нибудь сам во время секса, ему было все равно. Ему вполне достаточно было сознания того, что у него может быть нормальный секс с нормальными поцелуями взапас, что он способен удовлетворить женщину, утолить ее вожделение традиционным способом. Сейчас ему было тридцать четыре года. Не так уж много. До заслуженного покоя еще далеко. Может быть, он даже успеет заключить с кем-нибудь долгосрочный союз наподобие брака. Да и против брака он тоже ничего не имел. С ребенком или даже двумя детьми и, конечно же, без собаки.

— Где? — коротко спросила Натали. На глаголы и местоимения ей было жаль времени.

В качестве ответа ей бросился в хищно прищуренные глаза оранжево-красный диван. Через несколько секунд они уже сидели на нем. Под курткой Натали все же обнаружилась одежда — черная застиранная футболка. Перед профессором англистики она в таком виде предстать не решилась бы, а для Макса и так сойдет. Натали схватила его первую попавшуюся руку и сунула себе под футболку, затем издала некий синтетический звук в виде многократно повторяющегося гласного «а» — как говорящая кукла, реагирующая на прикосновение. Макс ощутил приятное тепло ее кожи. Однако все осложнялось тем, что это не вызвало у него никакого возбуждения. И чем больше усилий прилагала Натали, чтобы изменить ситуацию в свою пользу, тем безнадежней она становилась — ни малейшего возбуждения.

Она расстегнула ему рубашку. Он подумал, что, пожалуй, пора прекратить это бесполезное занятие. Но Натали была слишком занята. Он не мог ей помешать. К тому же она бы его все равно не поняла. Она уже находилась в неведомом ему царстве чувств и оттуда произносила эротические монологи из второсортной, третьесортной и порнолитературы вроде: «Знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?» (Ответа она не ждала.) «Я возьму... и засуну его...» И все в таком духе.

При этом она хватала его за определенные места, сначала через штаны, потом непосредственно под штанами. Наконец она и сама заметила: никакого возбуждения он не испытывал. Но это ее не смутило. Она уложила его на спину и продолжила спортивную разминку.

Макс, сам себе казавшийся смешным, ничего не мог изменить в этой смехотворной ситуации. Он мысленно махнул на все рукой, предоставил возбудительнице свою брентную оболочку в полное распоряжение и отключил дух от происходящего, направив его на Катрин. При мысли о ней он испытывал волнение. Он испытывал его уже несколько дней. Но в этот день в нем что-то окончательно изменилось. Он прекрасно знал, что именно, просто еще не решался признаться себе в этом. И не имел ни малейшего представления о том, что ему с этим делать.

Ему хотелось прикоснуться к ее щеке. Он, конечно, никогда бы на это не отважился: щеки Катрин были святыней, к ним нельзя было прикасаться всуе. Все ее лицо было неприкосновенно. Ее руки были тонкими, хрупкими произведениями искусства. А тело? Можно ли вообще думать о ее теле? Можно ли представлять его себе обнаженным? Можно ли мысленно погладить ее бедра? Только бедра, честное слово!

Натали наконец добилась своего. Ей удалось... впрочем, опустим детали. Он был в ней. Она стонала и сыпала направо и налево прилагательными вроде «твердый», «длинный», «большой», «влажный» и пр. Но потом дело вдруг приняло опасный оборот. Язык Натали обрушился на его лицо и, в одно мгновение излив на него не менее литра слюны, ворвался в его рот и заметался там в неистовой пляске.

Макс напряг все оставшиеся в его распоряжении мышцы рук и ног, сжал кулаки и попытался представить, что его целует не Натали, а Катрин. Это не сработало. В его биографии было лишь одно существо женского пола, способное так же жадно впиваться в губы, как Натали, — жирная Сиси.

Макс нечеловеческим усилием воли подавил первый мощный натиск тошноты и вырвал голову из тисков Натали.

— Ты чего? — произнесла она, не прерывая стонов.

— Может, нам поменяться местами? — спросил Макс слабым голосом.

— Ох уж эти мне мужчины! Обязательно вам надо быть сверху и задавать ритм!.. — ответила Натали.

Это прозвучало как «Еще чего! Перебьешься!» Еще сильнее стиснув его бедрами и вонзив ему ногти в шею, она на целую минуту погрузила язык в его рот.

Содержимое его желудка — пропитанные кофе куски пирога из крыжовника — с бешеной скоростью понеслось по кругу, как в центрифуге стиральной машины. Он попытался еще раз прибегнуть к помощи Катрин, зацепившись за нее мыслями.

Почему он просто не сказал ей, что безумно в нее влюблен? Чем это ему грозило? Разве она не обещала ему исполнить любое его желание в обмен на Курта?..

Вот он опять вернулся в тот сон: она сидит перед ним в желтом космическом скафандре. Ему видны только ее миндалевидные глаза. (У нее ведь, кажется, миндалевидные глаза?) «Ты кладешь руки мне на шею и медленно проводишь всеми десятью ногтями по спине...», — мысленно говорит он ей.

Как она на него смотрит! Как потрясающе двигает пальцами! О, эти пальцы у него на спине! Его тело конвульсивно дернулось. Он попытался закрыть рот. Но в нем был язык Натали. В нем была жирная Сиси.

Макс приподнял голову. Он чувствовал, что его вот-вот вырвет. Натали опять прижала его голову к подушке и оторвалась от его губ. Ее движения становились все быстрее, а стоны все гортаннее.

Страх смешался в нем с болью, сознанием собственного бессилия и неукротимым вожделением к Катрин. «Ты бы сделала это для меня? — мысленно спросил он. — Пожалуйста, сделай это поскорее, я больше не могу терпеть!» — умолял он ее. «Спасибо за пирог и кофе», — ответила она с садистской вежливостью. Он овладел ею, целуя ее в обе щеки. Она вырвалась, горько заплакала, завывала, как волк, захныкала, как ребенок. Нет, это было не хныканье. Это было скорее лошадиное ржание. Звонкое ржание дикой лошади.

Натали выгнула спину и в ужасе вскрикнула:

— Что-о-о-о это?!..

Прежде чем решиться открыть глаза, Макс сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Над ним стоял Курт. Его взгляд был устремлен куда-то в пустоту. Он словно окаменел на ходу, превратившись в изваяние. Из пасти его торчал пластмассовый сэндвич с колбасой, который под грудью Натали, как под

молотом, с секундными интервалами издавал кваканье и ржание.

— Это Курт, — сказал Макс и обнял голову своего спасителя.

— Фффу, гадость! — воскликнула Натали со слезами гнева на глазах. — Я вот-вот должна была кончить!

— Извини... Мне кажется, ему срочно нужно на улицу, — ответил Макс, выпрямился и пригладил волосы.

Пока Натали, изрыгая проклятия, одевалась, он гладил собаку, неподвижно стоявшую посреди комнаты.

Когда гостя с треском захлопнула за собой дверь, он вынул сэндвич Катрин из пасти Курта и прижал его к груди.

Пятнадцатое декабря

В субботу Катрин сама себя удивила тем, что не расклеилась и не поплыла по течению и что жизнь в своей невыносимой предрождественской скудости заставила ее считаться с ее законами. В девять часов прозвонил будильник. В пять минут десятого она встала, долго принимала душ (хотя в этом не было особой необходимостью), с помощью зубной нити удалила изо рта последние (незримые) остатки этого мерзкого пирога из крыжовника и с остервенением выполосила рот. Потом в течение трех секунд размышляла, подходит ли этот день для рождественского шопинга, и пришла к выводу, что не подходит.

За окнами природа выражала свою метеорологическую скуку и тяжелое климатическое разочарование посредством унылых снежинок, летящих со скоростью пять штук в минуту. Катрин надела самое уродливое шерстяное нижнее белье, какое только смогла найти, не тратя время на поиски, серые стеганые штаны, купленные сто лет назад, и голубой растянутый свитер, отложенный для привокзальной социальной службы помощи бездомным. Волосы она зачесала назад и закрепила гелем, губную помаду стерла. Любая косметика казалась ей в ее нынешнем эмоциональном состоянии непозволительным проявлением бабства. Довершили художественную сторону ее туалета туристские ботинки вишневого цвета. Теперь она выглядела как женщина, которая категорически не желала нравиться мужчинам. Именно так она себя и чувствовала. Именно так она чувствовала себя превосходно. Именно так она и отправилась завтракать в кафе. Она ела бутерброды с толстым слоем яичного салата, пила горячий шоколад, вызывающе громко прихлебывая, и подводила печальные итоги своих наблюдений над мужчинами. При этом она делала записи. Она хотела иметь материальное подтверждение своим выводам о бессмысленности надежды на то, что когда-то в твою жизнь войдет некто, кто не выйдет из нее вскоре обратно по собственной инициативе или не вылетит как пробка, получив поощрительный пинок в зад:

1. Мужчины бывают красивые и некрасивые. Красивые суперсексуальны, интересны, как телефонная книга, и, как правило, — откровенные, ярко выраженные мудаки. Некрасивые, как правило, — скрытые, не ярко выраженные мудаки.

2. 10 % всех мужчин хотят от женщины исключительно секса. 90 % процентов хотят исключительно секса сразу от нескольких женщин.

3. 80 % мужчин не интересуются женщинами. Из оставшихся двадцати процентов 18 % интересуются каждой привлекательной женщиной. 2 % интересуются определенной женщиной. Из них 1,8 % интересуются ею только потому, что не могут ее заполучить. 0,2 % продолжают интересоваться определенной женщиной, даже заполучив ее. Из них 0,1999 % продолжают интересоваться определенной женщиной, чтобы заполучить ее второй и третий раз. 0,0001 % всех мужчин интересуются определенной женщиной, хотя уже заполучили ее. Из них 0,0000999 % интересуются определенной женщиной, чтобы родить с ней еще одного ребенка или хотя бы вернуть себе маму первого. Остаются 0,0000001 % мужчин, которые в течение длительного периода — так сказать, «всю жизнь» — интересуются одной и той же женщиной, не преследуя при этом никакой цели. Они и составляют статистическую погрешность оценки.

4. Мужчины бывают интересные и неинтересные. Самые интересные уже заняты или делают вид, что уже заняты (и при этом очень довольны собой), или живут уединенно, или за границей, или неожиданно появляются на горизонте, но оказываются не такими уж интересными. Или в этот момент как раз связаны «несложными половыми отношениями» с другой женщиной.

5. Вывод первый: лучше всего завоевать мужчину некрасивого и неинтересного, который не интересуется женщинами. Такого можно найти на каждом углу. Его в любой момент можно обменять на другого. Он на сто процентов соответствует тому, чего ты от него не ждешь. Его — при желании — можно сохранить навсегда.

6. Вывод второй: еще лучше отказаться от мужчин и посылать их подальше уже на стадии зарождающегося интереса. Становиться в связи с этим лесбиянкой — во-первых, глупо и смешно, а во-вторых, слишком много чести для мужчин.

Из кафе Катрин вышла уже радикально-воинствующей феминисткой, у которой, к счастью, не оказалось в руках бензопилы. Дома она немного остыла и написала Максу мейл. Она начала его словами:

Надеюсь, ты приятно провел вчерашний вечер, расслабился, отдохнул и получил массу положительных эмоций.

Это предложение она удалила, но потом написала заново. (Ничего

страшного в нем не было.) И продолжила:

Если ты хочешь так же приятно провести воскресенье, чтобы без помех заняться своими несложными половыми отношениями, можешь привести ко мне Курта. Ему все равно не хватает движения. Да и зачем ему лишний раз смотреть на все это?

Пока.

Катрин

Придаточное предложение про половые отношения и заключительный вопрос она удалила. На этот раз окончательно и бесповоротно.

После этого она ему позвонила.

Она хотела только сообщить, что отправила ему мейл. А заодно, воспользовавшись случаем, спросить, какие у него планы на вечер. Если он еще ничего не запланировал, то она скажет ему: «Жаль. Я, к сожалению, встречаюсь с друзьями. Но может, в другой раз...» Если же он занят, то она спросит, что он собирается делать. Нет, она не будет его спрашивать об этом. Хотя... Нет, все-таки спросит.

А если он что-нибудь скажет про каких-нибудь гостей и это прозвучит как-нибудь сомнительно и наведет ее на подозрение, что речь идет об очередном визите в рамках укрепления несложных половых отношений, то ей, «к сожалению, придется сообщить» ему «неприятную новость»: «Дорогой Макс, я не смогу взять Курта на Рождество. У меня изменились обстоятельства. Ко мне неожиданно нагрянул один старый друг из Америки, моя первая любовь. Он останется у меня на все рождественские праздники, и нам, конечно, будет не до собак: нужно будет наверстывать упущенное. Надеюсь, ты меня понимаешь?» Или что-нибудь в этом роде. А потом прибавит: «Но может, о собаке позаботится твоя дама? Твоя партнерша по несложным половым отношениям? Или это повредило бы вашим несложным половым отношениям? Надеюсь, что нет».

До разговора дело, к сожалению, не дошло. Макс не взял трубку. Он словно чувствовал, что ему лучше отлучиться из дома. Катрин оставила ему устное сообщение на автоответчике: «Привет, это Катрин. Я отправила тебе мейл. Желаю приятно провести вечер». Потом она злилась на себя за это. Тон получился почти подобострастно миролюбивым.

Вечер Катрин провела у Франциски Хубер, жившей по правилу «ни минуты без дочерей». Та весила уже сто десять килограммов, включая по

пятнадцать кило у каждой груди — Лени и Пипу, которые, как ни странно, уже пытались их сосать. Франциска была лучшей подругой Катрин. Дружба их оказалась настолько крепкой, что смогла выдержать последние три бесплодных (или плодородных — как посмотреть) года. Три года, в течение которых она (то есть дружба) находилась в состоянии шока, вызванного рождением двух близняшек.

Сначала они решили сходить в кино. Но этот план сорвался из-за Лени и Пипы. Из-за них теперь срывались все планы без исключения. А если временами и казалось, что тот или иной план все же сработает, то в конце концов и он неизбежно срывался из-за Лени и Пипы. На сей раз Эрик уже готов был посидеть с детьми, но буквально в последнюю секунду — к облегчению Франциски — все испортили его практиканты, которых срочно нужно было вводить в курс дела и инструктировать. С момента рождения дочерей количество таких вечерних инструктажей у него резко возросло. Вполне возможно, что Франциска в тайном взаимодействии с его шефом сама организовывала ему эти инструктажи.

Эрик скорее мешал ей дома, чем помогал. Он еще не созрел для Лени и Пипы. У него напрягались мышцы лица, когда дочери в двенадцать часов ночи сознательно и дружно отказывались снижать уровень децибел своих вечерних игр, сопоставимый с несколькими отбойными молотками и сиренами. Кроме того, он каждый час насильно вытирал им губы и руки уже сросшимся с его трясущимися отцовскими пальцами полотенцем и то и дело приставал с разговорами о необходимости соблюдения режима дня (и ночи). И наконец, он с недавних пор начал намекать Франциске в неприятной, назойливой манере, что они могли бы снова время от времени спать вместе, — и это всего через три года после родов! Одним словом, он ничего не понимал ни в матерях, ни в детях.

С Франциской произошла удивительная метаморфоза. Она не просто изменилась — она превратилась в совершенно другого человека, в полную свою противоположность. Раньше она проповедовала и воплощала собой сексуальную свободу, меняя при этом каждую неделю старые узы на новые. Ее влюбленности достигали кульминационной точки через два-три дня. На четвертый уже вставал вопрос о замужестве, на пятый — «вся эта история» начинала ее «потихоньку доставать». На шестой ей требовалась пауза в отношениях. На седьмой она знакомилась с новым мужчиной. Она никогда не страдала от неудачных романов. Циркуляция мужчин в ее жизни естественным образом стимулировала ее кровообращение и обеспечивала здоровый гормональный обмен.

Катрин в тот период благодаря Франциске могла не читать скучные любовные романы и избавить себя от неизбежного разочарования в конце книги. Романы ее подруги всегда были интересными, а часто даже волнующими. И заканчивались они для нее всегда на удивление хорошо. Чаще всего самым приятным в них был именно конец. Катрин завидовала способности Франциски изначально исключать какую бы то ни было «серьезность» отношений. Даже самые легкомысленные из ее мужчин были серьезнее, чем она.

В период «особой активности» Франци Катрин в качестве лучшей подруги и первого контактного лица приходилось временно брать на себя функции духовника и центра по оказанию посттравматической психологической помощи брошенным жертвам. Тогда-то она и узнала мужчин с другой стороны — в роли униженных просителей — и прониклась к ним снисходительным презрением. У некоторых она даже регистрировала глубокий эмоциональный кризис, который, однако, очень скоро оказывался всего лишь острым приступом жалости к самому себе.

Некоторые готовы были даже лишиться себя жизни из-за Франциски и панически боялись оставаться по ночам в одиночестве. Правда, этот трюк Катрин раскусила после третьей попытки очередного «пациента» найти утешение и новые силы для жизни без Франци у нее в постели.

Эрик, собственно, первоначально предназначался для Катрин.

— Этого мне просто жалко гробить, — заявила Франци. — Он такой правильный. Он больше подошел бы тебе.

Он и вправду вполне мог бы подойти Катрин. Он был молчалив, зато и не болтал глупостей. Он не только умел слушать собеседника, но и *слушал* его. Кроме того, он и внешне был довольно симпатичен, а разговаривая с Катрин, смотрел ей в глаза. У него был нормальный взгляд — то есть не затуманенный, не рентгеновский, а именно тот редкий, уже занесенный в Красную книгу взгляд, дающий женщине уверенность в том, что она нечто особенное и что ее принимают всерьез, даже ничего не ожидая получить от нее взамен. Он был уверен в себе и при этом скромн. Катрин обнаружила у него только один существенный недостаток: он ничего не предпринимал, чтобы сблизиться с ней.

Эрик не умел делать первые шаги. Катрин тоже. Это их и связывало. К сожалению, не друг с другом, а с Франциской. Когда Катрин наконец решилась дать Эрику сигнал, который он мог бы истолковать в том смысле, что она готова положительно отреагировать на некий сигнал от него, Франциска сообщила ей по телефону:

— Мы с Эриком теперь вместе. Я его все-таки заарканила. Придется

нам подыскать тебе другого.

— Не проблема, — ответила Катрин. — Он все равно был не в моем вкусе.

Если Франциска в тот момент услышала на линии странные звуки, то это был скрип телефонной трубки в руках Катрин, которую та чуть не раздавила.

С Эриком Франциска чувствовала себя так хорошо, что не звонила подруге целый год. В качестве компенсации Катрин было позволено еще через полгода быть свидетелем на свадьбе. Брачное торжество напоминало фильм «Четыре свадьбы и одни похороны».^[16] Точнее — похороны. Франциска с уже наметившимся вторым подбородком была заживо погребена под своим свадебным платьем и сияла сытым довольством, так часто ошибочно принимаемым за счастье или гармонию. На губах ее играла иронически-циничная улыбка типа «такова жизнь». Такую улыбку можно видеть на лицах людей, которые предоставляют событиям развиваться самим по себе, потому что им просто лень все отменять, ведь иначе пришлось бы подвергать ревизии слишком многое из того, что произошло. И надо же было так случиться, что именно Франциска, которая не знала преград, когда речь шла о реализации ее представлений о любви, вдруг оказалась в эмоциональном тупике и воздвигла на том месте, где оборвались все пути, образцовый буржуазный домашний очаг.

Жених пребывал в состоянии полной прострации. С одной стороны, он трогательно радовался за свою многочисленную семью, которой в связи с его женитьбой удалось очередное прямое попадание в цель. С другой, все время тоскливо поглядывал на своих товарищей по бейсболу — так, словно для него не было ничего страшнее, чем своим официальным «согласен» и связанными с ним последствиями лишить себя места в бейсбольной команде (и в обществе).

Гости искренне старались завидовать беспримерному счастью вновь испеченных молодоженов. Но поцелуй перед алтарем получился довольно прохладным, обмен кольцами довольно бесстрастным. Нежные речи молодых супругов ограничивались диалогами: достаточно ли белого хлеба, не слишком ли громко или, наоборот, тихо играет оркестр и чьи родители чувствуют себя лучше или хуже (и почему). Катрин удалось лишь на несколько секунд пробиться к невесте. Ей не пришло в голову ничего более глупого и менее подходящего к ситуации, как спросить:

— Ты действительно его любишь?

— Мы подходим друг другу, — ответила Франциска и улыбнулась. Что означало «нет».

С тех пор подступы к домашнему очагу в тупике надежно охранялись от посторонних. Катрин тоже попала в черный список и редко удостоивалась аудиенции. Свадьба плавно перешла в беременность Франциски. Ее отношения с Катрин все более заметно телефонизировались. После рождения двух близнецов телефонные разговоры тоже стали возможны лишь в исключительных случаях — например, когда Лени и Пипа одновременно спали. И все же Катрин не верила в то, что ее дружба с Франциской кончилась. Каждая встреча с подругой (а их можно было теперь пересчитать по пальцам) вселяла новую надежду узнать в ней прежнюю Франци.

То, что она пришла не вовремя, Катрин поняла, когда ретироваться уже было поздно. В квартире, являвшей многочисленные следы детского вандализма, пахло бананами. Лени (или Пипа) играла тихо. Она увлеклась гаданием на ромашке — «любит-не-любит», — используя вместо ромашки фикус. Пипа (или Лени) играла громко. Она достала из кухонного стола пять сковородок и испытывала их на прочность, колотя одну о другую.

— Не пугайся, — сказала Франциска, подставляя для пожатия локоть вместо руки. — У нас тут небольшой кавардак.

Катрин испугал не столько кавардак, сколько сама Франциска. Она тоже являла многочисленные следы детского вандализма и пахла бананами. К тому же с периода своей бурной молодости она поправилась килограммов на двадцать. Одни только волосы ее весили по меньшей мере пять кило. Для заботы о собственной внешности ей, похоже, не хватало не только времени, но и мотива.

— Как ты умудряешься сохранять фигуру? — спросила Франци, хотя, с одной стороны, прекрасно знала, как это делается, а с другой, ей это было безразлично — потому что было небезразлично Катрин.

Лени (или Пипе) уже наскучил ободранный фикус. Она разбежалась и прыгнула Катрин на колени. Что вывело из блаженного оцепенения грохочущую сковородками Пипу (или Лени). Бросив свои ударные инструменты, она повисла у Катрин на шее.

— Ах вы, маленькие разбойницы! — воскликнула Катрин в надежде на то, что грозное вмешательство мамы вернет ей относительную свободу.

Однако Франци ограничилась виноватой улыбкой типа «дети есть дети». Хотя такими дети бывают, только когда у взрослых не хватает сил, чтобы сделать их другими.

— Забавные они у тебя, — сказала Катрин, прибавив про себя: «Черт

бы их побрал!»

Потом они рассматривали фотоальбомы: Лени и Пипа в возрасте одного, двух и трех лет, а также в промежутках. Дети тем временем ходили на головах.

За готовой пиццей из пиццерии они обменялись несколькими словами о личных делах. Очень немногими, поскольку Пипа и Лени никуда за это время не делись и ежеминутно напоминали о своем присутствии.

— Мы с Эриком стали совсем чужими друг другу, — сообщила Франциска безмятежным тоном, в котором слышались отголоски прежних беззаботных лет. — Я еще немного посмотрю на все это, а потом подам на развод.

На что именно она собиралась смотреть, Катрин не услышала, так как слова подружки утонули в голодном реве близнецов.

— Ну а у тебя что нового? — спросила Франциска, вероятно, в надежде узнать что-нибудь о жизни.

— Я влюбилась, — ответила Катрин, сама удивившись своим словам и их непривычному звучанию.

— Я так сразу и подумала, — сказала Франциска. — А что он может?

— Еще пока не знаю, — ответила Катрин.

— Он тебя любит?

— Еще пока не знаю.

— А как он в постели?

— Еще пока не знаю.

— А когда он тебя целует, у тебя мурашки бегут по спине?

— Еще пока не знаю.

— И не хочешь узнать?..

— Хочу. Конечно хочу.

— Так какого черта ты тут у меня рассиживаешь?

«Хороший вопрос», — подумала Катрин.

Она помогла подружке привести детей в состояние хотя бы предварительно-условной готовности к ночному сну и попрощалась с ней, обозначив объятие поверх Пипы и Лени, встрявших между ними и вешавшихся на обеих поочередно.

Домой Катрин вернулась, запыхавшись: она со всех ног мчалась через парк. Ее охватило непреодолимое желание, чтобы Макс ее поцеловал. Она решила прийти к ситуации, в которой это желание станет осуществимым, кратчайшим путем и бросилась к телефону.

На автоответчике было два сообщения. Первое — от Аурелиуса.

Катрин потерла коленкой о коленку и закусила нижнюю губу.

«Дорогая Катрин! Я надеюсь, ты не сердишься на меня за то, что я вчера не позвонил. Я ведь обещал. У меня в конторе сейчас сумасшедший дом...»

Катрин зажала уши и слышала лишь отдельные слова и обрывки фраз: «ты должна знать», «единственная», «по поводу кино», «Рождество», «говорил по телефону с твоей мамой», «звонить в любой момент», «завтра попробую еще раз», «спокойной ночи, любимая», «ты мне снишься»... Все. Славу богу!

Второе сообщение должно было быть от него. И оно было от него. Катрин прижала ухо к динамику. «Привет, Катрин! Это Макс. Я отправил тебе мейл. Мне тебя очень не хватает...»

Компьютер загружал почтовую программу целых три минуты. Катрин за это время успела обгрызть шесть ногтей. «Он сказал: „Мне тебя очень не хватает“», — мысленно произнесла она приблизительно двадцать раз, чтобы как-то пережить время ожидания. Она сняла с себя все, кроме футболки, но ей все еще было слишком жарко для приема его сообщения. Сначала в глаза ей бросились два новых мейла от Аурелиуса. Она уже ненавидела его за эту наглость, с которой он прокрался потайными электронными тропами в ее жизнь и блокировал ей доступ к важным вещам. Она, не читая, удалила оба мейла, открыла сообщение от Макса и впиалась в него глазами:

Дорогая Катрин!

Ты пишешь: «Надеюсь, ты приятно провел вчерашний вечер, расслабился, отдохнул и получил массу положительных эмоций»... Я тебе не верю, Катрин. Ты надеялась, что я не получу никаких положительных эмоций. Твоя надежда, мягко выражаясь, оправдалась: это был кошмарный вечер. Еще ты пишешь: «Если ты хочешь так же приятно провести воскресенье, можешь привести ко мне Курта. Ему все равно не хватает движения»... Я с удовольствием приведу тебе Курта, но сам я не желаю никакого «приятного воскресенья без помех». Я хотел бы провести это воскресенье с тобой. Можно, я тоже зайду к тебе, когда приведу Курта?

Катрин, я, конечно, заметил твою реакцию. Я хотел бы тебе все объяснить. Дай мне, пожалуйста, такую возможность. Я постоянно о тебе думаю и хочу тебя видеть. А Курт совсем не

страдает от нехватки движения. Он, наоборот, считает любую прогулку излишеством. Если бы он мог, он вообще отменил бы все прогулки для собак.

Надеюсь, до завтра.

Макс

Р. S. От имени Курта еще раз спасибо за говорящий сэндвич. Мы уже оба сроднились с ним.

Катрин ответила сразу же:

Привет, Макс!

Конечно, я буду рада, если ты зайдешь вместе с Куртом. Приходи, не стесняйся. Можешь посидеть и подольше, если будет время и желание.

Потом она легла в постель и отгрызла оставшиеся четыре ногтя, мысленно повторяя с разными интонациями: «Я постоянно о тебе думаю и хочу тебя видеть». Надо же — он так и написал! Что же он, интересно, хотел этим сказать?

Шестнадцатое декабря

— Ну как у тебя с поцелуями? — спросила Паула, обняв Макса за плечи.

Было воскресное утро. Ветер остервенело хлестал по окнам ледяным дождем. Граждане страны отбывали очередное климатическое наказание за то, что постоянно жаловались на жизнь, несмотря на материальное благополучие.

Максу оставалась всего одна неделя до бегства от этого фарисейского спектакля под названием «Рождество», этого зловещего миракля в виде грандиозной выставки-продажи, организованной вельможными мошенниками от экономики и религии... Неделя до поездки на Мальдивы, где якобы светит то самое солнце, которого здесь не видели уже несколько месяцев. Макс был взволнован. Но не поэтому.

Паула угощала его отвратительным чаем из двадцати шести трав, которые убивали одновременно двадцать шесть неизвестных болезней, готовых разразиться в любую минуту. Паула работала в аптеке. Ее клиенты получали лекарства, а друзья — целебные средства. Макс был одним из ее лучших друзей, так что уйти, не выпив по меньшей мере три чашки особого чая, у него не было никаких шансов.

— С поцелуями? Я их все еще не переношу, — признался Макс.

— Ты можешь наконец употребить какое-нибудь другое слово вместо этого «не переношу»?.. — спросила Паула.

Нет, он не мог. Других слов, адекватно передающих его отношение к поцелуям, не существовало.

— А как с любовью? — продолжала допытываться Паула. — У тебя ведь есть кто-то, верно?

— У меня *был бы* кто-то, если бы не... — уточнил Макс.

— То есть ты ее еще не целовал, — сказала Паула и попала в точку. — И она еще даже не подозревает о своем счастье — что ты ее еще не целовал. — Это предположение тоже на все сто процентов соответствовало действительности. — И ты, я надеюсь, не собираешься объяснять ей суть проблемы.

Тут Паула ошибалась.

Макс сделал глоток чая, чтобы обеспечить достаточно интенсивный вкус горечи во рту, мобилизующий на тяжелое признание:

— Сегодня я ей это скажу...

— Ты что, спятил?.. — воскликнула Паула. — Ни в коем случае! Этого не поймет ни одна женщина, если, конечно, она не успеет до этого влюбиться в тебя до беспамятства.

— Без поцелуя ни одна женщина никогда не влюбится в меня до беспамятства, — возразил Макс.

— А если ты ей это скажешь — тем более!

Они уже не раз решали эту задачу. К сожалению, эта задача не имела решения. Она напоминала дилемму первичности курицы или яйца. Какой финал отношений Макса с женщиной первичен — признание или поцелуй?

Паула и сама имела честь принадлежать к числу жертв поцелуев Макса. До начала их дружбы он был ее клиентом. Целый год он не привлекал ее внимания. Это была не его вина: Паула во время работы видела не мужчин, а их рецепты. Пока ни один из них — т. е. рецептов — не вызвал ее удивления. Ей надлежало приготовить настой от аллергии на жестяные консервные банки. Выдавая лекарство, она перегнулась через стойку и шепнула клиенту на ухо:

— Не принимайте вы это дерьмо! От него никакой пользы не будет. Лучше просто не трогайте консервные банки — и все.

— Я не могу их не трогать, иначе моя собака помрет с голоду. Она ест только «Вильдбойшель», который продается в банках, — объяснил Макс.

И тут она осознанно посмотрела на него. И он ей понравился. Несмотря на вполне уверенное поведение, он выглядел беззащитным, и это спровоцировало ее синдром принудительной помощи. Она тоже понравилась ему. Разумеется, чисто визуально, как это обычно происходит с мужчинами. Высокий рост, узкое лицо, а глаза и брови, кожа и волосы — как у сестры Виннету. По-видимому, она была шаманкой, а ее работа в аптеке — это так, дань времени.

— Может, проблема в другом? Может, вы просто не *хотите* открывать ей банки? — спросила она.

— Это верно, — признался Макс. — Я предпочел бы, чтобы она открывала их сама. Но она по собственной воле не может открыть не только банку, но даже рот или глаза.

Разговор плавно перешел от человеческой аллергии к собачьей психологии. В целях обеспечения алиби Макс попросил порекомендовать ему какую-нибудь мазь. Поскольку мазь не помогла, он через несколько дней пришел опять. Процесс повторился еще и еще раз, мази становились все бесполезней, визиты все регулярней, а диалоги все продолжительней и доверительней (с медицинской точки зрения). Место встреч переместилось

из аптеки в соседнее кафе, а оттуда в одну из двух квартир. Время общения все больше сдвигалось в сторону вечерних и ночных часов.

При свете свечей Паула окончательно мутировала в сестру Виннету. Ее глаза сверкали по-индейски, ее руки и ноги были стройными, жилистыми и мускулистыми, ее от рождения золотисто-смуглая кожа пахла диким медом. (На самом деле так пахла смесь целебных трав от еще неизвестного вида воспаления суставов.) Единственный недостаток Паулы заключался в том, что у нее был не просто рот, а *большой* рот с широкими губами, которые все ближе подбирались к Максусу и которых он уже потихоньку начинал опасаться. Слова, произносимые этими губами, носили строго доверительный целебно-педагогический характер. Паула внедряла эотику медикаментозным путем. Она нашептывала ему советы по борьбе со всевозможными заболеваниями, не оставляя без упоминания ни одну часть тела.

Макс страстно влюбился в нее без рецепта и побочных явлений. Его устраивало в ней все. Мешал только этот мощный рот. Паула заметила его ускользающий взгляд и уклончивые жесты и истолковала их как боязнь показаться неуклюжим и необузданным в выражении вождения. Этот непривычный вид мужского сексуального интеллекта, это самообладание сделали Макса еще более привлекательным в ее глазах. Позже она призналась ему, что в свое время в известной ситуации легко отказалась бы от поцелуев, что его прикосновения были и без того достаточно возбуждающими и что ему просто надо было молча продолжать свое дело и все кончилось бы благополучно. Скорее всего, они бы поженились и нарожали маленьких шаманов и шаманок, которые страдали бы аллергией на консервные банки.

Вместо этого он резко оборвал последнюю подготовительную стадию (стадию взаимного замирания сердец) и объявил:

— Я должен тебе кое в чем признаться. Лучше будет, если я скажу это сразу, чтобы избавить тебя от неприятного сюрприза...

Уже одним только вступлением он разрушил внушительную часть своей ауры. Далее последовало само признание:

— Я не могу целоваться... Я не переношу поцелуи, мне становится плохо...

Этот мгновенный сеанс шоковой терапии в течение секунды довел температуру крови Паулы до точки замерзания. Не хватало только последнего штриха (который не заставил себя долго ждать) — одной из наглейших стандартных отговорок в истории любовных отношений между людьми.

— Но к тебе это не имеет никакого отношения!

Эти слова отбросили Паулу назад, на линию старта, к моменту первой встречи в аптеке, когда Макс имел в ее глазах не больше обаяния, чем предъявленный им рецепт.

— Никогда больше не говори женщине, к которой ты испытываешь влечение, что не можешь ее целовать, — посоветовала ему Паула через несколько месяцев, когда они уже стали друзьями.

С тех пор он слышал этот совет при каждой их встрече, а иногда и в промежутках между ними, по телефону. Его ответ каждый раз выглядел приблизительно так:

— О'кей, в следующий раз все свое обаяние я постараюсь вложить в слова: «Дорогая, как с тобой было хорошо! Вот тебе телефон лучшей в городе прачечной-химчистки».

В то воскресное утро у Паулы, за третьей чашкой чая из двадцати шести трав — максимально благоприятствующего работе желудка во время обсуждения темы «поцелуи», — они еще раз, шаг за шагом проанализировали исходную ситуацию перед предстоящей встречей с Катрин и возможные сценарии дальнейшего развития событий. Говорила преимущественно Паула; Макс лишь изредка прерывал ее неотложными вопросами. У него было ощущение, что разговоры о чужих любовных делах оказывали на нее благотворное действие. (Ее собственные отношения с Сами определялись оценкой «безукоризненно отлаженные раз и навсегда».) И вот Паула наконец опять нашла широкое поле применения для своего ярко выраженного синдрома принудительной помощи.

Ниже приводим предписанные ею в связи с Катрин лечебно-профилактические меры, способы применения препаратов и дозировку:

1. Ни в коем случае ничего не говорить о приступах тошноты во время поцелуев.

2. Воздержаться от поцелуев, чтобы подольше сохранить статус-кво. Реплика Макса: «Да, но я уже и так просрочил первый поцелуй!» Мнение Паулы:

3. Значит, необходимо дать ей понять, что поцелуй имеет для него особое значение и потому он старается оттянуть заветный момент. Ибо: «Настоящие женщины умеют это ценить, ты только наберешь лишние очки и разожжешь ее страсть», — поучала Паула. Вопрос Макса: «А все остальное я могу делать?» Мнение Паулы:

4. Просто обязан. Брать ее руку, держать, греть в ладонях,

поглаживать, пожимать, потирать. Ласково трогать за локоть. Изредка — мимолетный поцелуй в нос. Нежно провести по щеке, по волосам, на секунду взять за плечи.

5. Максимально допустимые вольности: коснуться ногой ее ноги. Нежно взять за колено. Беглое прикосновение к бедру. Условно обозначенное объятие. Прикосновение к затылку. Прощаясь, взять ее лицо в ладони и/или на секунду крепко обнять и прижать ее к груди. В самом конце встречи — короткий, проникновенный поцелуй в губы полуоткрытыми губами. «Сможешь?» — спросила Паула. «Думаю, что смогу», — храбро ответил Макс и запил свой ответ глотком чая.

6. Запрещается: ласки, время для которых обычно наступает после первого поцелуя. Гладить ее бедра. Совать руку под одежду, неважно, в каком месте. Даже в рукав или за воротник пуловера. Держать руки на ее бедрах. Касаться грудей. «Даже на секунду?» — спросил Макс. «Даже на секунду!» — строго ответила Паула. Концептуальный вопрос Макса: «А если она возьмет инициативу на себя?» Мнение Паулы:

7. Нежно пресечь ее ласки и тут же заговорить с ней о чем-нибудь очень личном. Лучше всего нашептывать ей на ухо что-нибудь приятное: это, кстати, кроме того, позволит держать ее губы на безопасном расстоянии. Можно сказать, что ему с ней так хорошо, что он чувствует себя на седьмом небе, что может представить себе с ней все, что угодно. «Вербальная эротика вместо поцелуя»? — спросил Макс. «Это лучше, чем целоваться, а потом блевать!» — отрезала Паула. Концептуальный вопрос Макса: «И чем все это кончится?» Мнение Паулы:

8. Она будет все сильнее влюбляться в него. Он тем временем мобилизует свою иммунную систему для преодоления непереносимости поцелуев. Сексуальное напряжение будет неуклонно возрастать и, может быть, даже сделает реальной перспективу единичного секса без поцелуев — приблизительно через полгода. Настоящие женщины проявляют в этом смысле необыкновенное терпение.

9. Одним словом, он должен взять себя в руки и выиграть время. После двух-трех недель, проведенных вместе, он может выбрать удачный момент и попытаться ее поцеловать. Может, к тому времени он уже будет так влюблен в нее, что поцелуй перестанет быть для него камнем преткновения.

Контраргумент Макса первый: «Я уже сейчас в нее влюблен». Контраргумент второй: «Я уже сейчас хочу с ней секса». Контраргумент третий: «Кроме того, она уже ждет моих объяснений».

И Макс рассказал Пауле о своих тренировочных приключениях с Натали, которые он представил Катрин как «несложные половые отношения».

— Это было глупо с твоей стороны! Очень глупо, — сказала Паула. — Секс с другой женщиной в самом начале отношений — это непростительная ошибка. Скажи ей, что ты все придумал, чтобы показаться ей интересней.

— Нет, я не смогу, я сгорю со стыда, — признался Макс.

— Ну, тогда я тебе ничем помочь не могу.

Паула похлопала его по плечу, давая понять, что теоретический курс по применению лечебного комплекса закончен.

Когда Макс вернулся домой, Курт лежал под своим креслом и спал. Ему пришлось прервать это занятие, потому что они отправились к Катрин. Курт, правда, не изъявлял желания отправляться куда бы то ни было, но его никто не спрашивал — его, как всегда, взяли и потащили, как барана, на веревке. Воля к борьбе покинула его уже в подъезде. На улице колючий дождь забарабанил по его жесткошерстной дратхааровской спине, а отвратительный северный ветер подло задул ему в ничем не защищенную от непогоды морду. К тому же в парке Эстерхази было невыносимо холодно. Другие собаки, условия содержания которых соответствовали принятым стандартам, гуляли в пальто или свитерах. А Курту, конечно же, ничего такого не полагалось: его хозяин, видите ли, стеснялся проявлять о нем заботу. Поэтому он вынужден был мерзнуть. К сожалению, у него не было ни физических, ни моральных сил позаботиться о судебной защите своих прав.

Квартира Катрин располагалась на третьем этаже. По лестнице Курт поднялся добровольно. Ему срочно нужен был какой-нибудь предмет — желательно из грубой ткани, — о который он мог бы вытереть свою мокрую спину. Дверь открылась. Женщина на пороге пахла горячим пластмассовым сэндвичем, что уже само по себе было подобно личному знакомству. Пол в ее жилище привел бы в бешенство любую организацию по защите прав животных. Он был вымощен ледяными плитами, на которых не лежало ничего, обо что можно было бы хоть как-то потереться. Пока Курт добрался до первого (и единственного) ковра, ему пришлось обследовать четыре помещения. Положительным моментом оказалось то, что на этом четырехугольном куске ткани, обнаруженном в самом отдаленном закоулке квартиры, стояла кровать, под которую он смог забраться. Когда Макс с непростительным запозданием спросил, не

найдется ли в доме какой-нибудь ненужной тряпки, чтобы вытереть собаке грязные лапы и мокрую спину, неприятные ощущения уже прошли и наступил здоровый полусон. Судя по тому, что за этими словами не последовало никаких отчетливых звуков, ни хозяйке квартиры, ни хозяину собаки никакого дела до Курта не было. Значит, можно было спать, пока не поступят дальнейшие указания начальства.

Встретившись глазами с Катрин, Макс мгновенно забыл все, что ему целый час пыталась вдолбить Паула. Бывают взгляды, из которых сразу же явствует, что за ними последует. Катрин стояла, прислонившись к дверному косяку, слегка вывернув бедро и скрестив ноги. Макс понял, что это и есть та женщина, которую он мог бы ждать всю жизнь, будь он способен всю жизнь ждать женщину, которую не знал. На ней был тонкий, плотно облегающий черный пуловер, заканчивающийся где-то у колен, если вообще заканчивался. Вероятно, это было просто вязаное платье.

Чей-то голос сказал:

— Привет, Макс. Я рада, что ты пришел.

Лицо — просто мечта издателей экстравагантных парижских модных каталогов. Профессионально растрепанные короткие волосы как будто только что получили первый приз на выставке ультрамодных причесок. Глаза казались недоступным для простых смертных уникальным изделием, из тех, что можно найти только на элитарном аукционе. Взгляд их был вообще за пределами возможностей всей рекламно-дизайнерской индустрии. Открытый, острый, живой, настоящий, требовательный, он был направлен прямо на Макса. Он не говорил: «Отложи поцелуй еще на несколько недель, и твой взгляд станет неотразимым». Или: «Отложи поцелуй еще на несколько секунд, и мое уважение к тебе возрастет». Он говорил: «Поцелуй меня сейчас», вернее: «Поцелуй меня немедленно, не сходя с места, и не отрывайся от моих губ».

Макс поцеловал Катрин, не сходя с места, и тут же оторвался от ее губ. Ему уже была знакома эта смесь жгучего желания и тошноты. Но в такой острой форме он испытал это чувство впервые. Этот поцелуй в корне отличался от всех предыдущих. Он сам его захотел, сам его вырвал и сам им управлял. Это его язык нашел и коснулся ее языка, а не наоборот, как бывало раньше. И вместо привычного сопротивления произошло слияние. У нее во рту было тепло, мягко и приятно.

Макса охватило вожделение. Он уже хотел обнять Катрин за шею. Он хотел к ней прижаться — так, чтобы между их телами появилось как можно больше точек соприкосновения; он хотел продолжения поцелуя, хотел

целовать и целовать ее, пока оба они не задохнутся, пока у обоих не пересохнет во рту от жажды или не сведет желудки от голода.

Но потом, через десятую долю секунды этого гармоничного слияния в вечном поцелуе, в мозгу у него вспыхнул приказ, которому надлежало предотвратить одну предательскую мысль. Приказ гласил: «Сейчас ни в коем случае не думать об антиподе, о жирной Сиси!» И эта мысль в тот же миг стартовала в его сознании, вонзив ему в глотку два воображаемых пальца. Ему пришлось немедленно прервать поцелуй и оторваться от Катрин, чтобы предотвратить первую катастрофу.

И тут наступила вторая катастрофа. Пока он пытался понизить уровень тошноты, поднявшейся уже до самого горла, Катрин прожигала его насквозь своими миндалевидными глазами. Она вонзила в него целую серию смертоносных взглядов-импульсов — недоуменно-изумленно-выжидательный; застывший в ледяном вакууме между безусловно-безоговорочным влечением и внезапным, грубым отторжением; требующий неотложного и исчерпывающего объяснения; призывающий к немедленному устранению всех недоразумений и противоречий; отказывающийся верить в этот непостижимый «обрыв контакта».

Потом она закрыла глаза, опять подалась вперед и провела пальцами по его щеке. Она требовала второго поцелуя, который вытеснил бы из памяти этот зловещий кадр выброшенного первого поцелуя с его гипертрофированной нелогичностью.

За секунду до того, как их губы соприкоснулись, Макс отвернул голову в сторону. Еще ни один его жест за всю его жизнь не вызвал в нем столько ненависти к самому себе и столько стыда, как этот поворот головы.

— Ты не дашь мне какую-нибудь тряпку? — спросил он почти беззвучно. — Мне надо вытереть собаке лапы и живот, а то он тут все перепачкает...

После этого наступила тишина. Катрин тоже не знала, что сказать.

— Ты уже уходишь? — спросила она по прошествии целой вечности.

Между ее вопросом и последними словами Макса не было ничего — ни слова, ни взгляда, ни движения. Или все-таки что-то было? Да нет же, конечно было: она показывала ему квартиру. По-видимому, он сам ее об этом попросил. Квартира была большая, светлая и обставленная мебелью, как он потом припоминал. О чем они при этом говорили и говорили ли вообще, он не помнил.

— Нет, я не ухожу, — ответил он с напряженным спокойствием, как учитель, который ненавидит свою профессию, потому что не в силах внедрить учебный материал в сознание своих учеников. — Я хочу тебе кое-

что объяснить. — Он взял ее за плечи, чтобы в случае необходимости встряхнуть ее и усилить действие слов, если они окажутся малоэффективными. — Катрин, я не п... — Он судорожно глотнул, задушив в зародыше злополучную формулировку. («Ты можешь наконец употребить какое-нибудь другое слово вместо этого „не переносу“?..» — услышал он голос Паулы.) — У меня... что-то вроде аллергии на поцелуи.

«За идиотизм этих слов пусть отвечает Паула, — подумал он. — Пусть хоть аптеку продает, чтобы расплатиться за этот бред!»

— Аллергия на поцелуи?.. — переспросила Катрин. Может быть, чтобы своим голосом хоть частично вырвать эти слова из лап ирреальности. Ее взгляд пробивался сквозь полупрозрачную пелену, как будто она задернула перед собой тюлевые занавески, чтобы поберечь глаза. — Ну так не целуйся, — продолжила она. — Тебя ведь никто не заставляет.

Это прозвучало мягче, чем упрек. Катрин была уже далеко от него. Она стала вдруг безликой, как холодная, недостижимая натурщица перед анонимным зрителем. Макс чувствовал: она спутала понятия «поцелуй» и «любовь». Все женщины путают эти два понятия. В этом и заключалась его проблема.

В дверь вдруг позвонили. Они оба испуганно вздрогнули. Испуг стал для них обоих избавлением: они наконец-то смогли прожить этот застывший кадр. Такое бывает только в фильмах, которые через несколько секунд заканчиваются счастливой развязкой или окончательной катастрофой. В данном случае у режиссера, похоже, съехала крыша: этакий Хуго Босс^[17] Младший (или какой-нибудь переодетый под него тренер по теннису) поставил перед дверью огромную орхидею в горшке, переступил через порог и произнес:

— Я не помешал?

«По сравнению с этим вопросом мой бред про аллергию на поцелуи звучит как цитата из „Гамлета“», — подумал Макс.

Назвав пароль «Аурелиус», гость протянул ему свою абсолютно плоскую, жесткую, как доска, руку. Его угловатое лицо повернулось к Катрин, чтобы с плаксивой миной принести ей извинения за визит, на который он решился, по-видимому, ошибочно, полагая, что у них здесь, в это время (он блеснул зубами на свои золотые наручные часы) назначена встреча для совместного похода в кино.

— Я послал тебе мейл, — пояснил он. — Ты на него не ответила... Дверь в подъезде была открыта... И я подумал...

— Я рада, что ты пришел, — произнесла Катрин голосом

автоответчика.

— Я все равно уже собирался уходить, — дополнил Макс в унисон.

Этим неслыханным враньем он добровольно скрепил акт о своей безоговорочной капитуляции. Затем, как образцовый неудачник, приветливо протянул Катрин руку и выдавил из себя почти игриво-деликатное:

— Спасибо...

В парке Эстерхази он почувствовал острое желание завывать, как стадо фрустрированных волков. Но, неожиданно представив себе лицо Паулы, рассмеялся.

Визит Аурелиуса закончился гораздо раньше, чем ему того хотелось. Через несколько секунд после ухода Макса у Катрин начался острый приступ мигрени, который еще больше обострился и перешел в истерику, когда Аурелиус вызвался посидеть у ее кровати, пока ей не станет легче. Через четверть часа он наконец — не без помощи Катрин — понял, что не сможет ей помочь, и ушел. Успех героической операции по удалению нежелательного гостя на некоторое время в какой-то мере утешил ее и примирил с пережитым разочарованием.

Потом она почувствовала, как в ней опять поднимается горечь злополучного поцелуя. Решив не прятать голову в песок, она открыто призналась себе в том, что безнадежно влюбилась в Макса, но тут же поклялась трактовать слово «безнадежно» буквально и не дать ему ни малейшего шанса сблизиться с ней. Чтобы слово не расходилось с делом, она отключила телефон, домофон и компьютер.

А чтобы чувство безутешности стало еще более профессиональным, чтобы еще более добросовестно расковырять свои кровоточащие раны, она включила телевизор и принялась «листать» программы. Через какое-то время она остановила свой выбор на передаче, посвященной раннему распознаванию и эффективным методам лечения гепатита Е.

«Вот самый подходящий финал для этого идиотского вечера», — подумала она. На пятом пациенте, делившемся со зрителями своим печальным опытом борьбы с гепатитом Е, она наконец позволила себе уснуть.

Семнадцатое декабря

Когда Катрин проснулась, что-то в квартире было не так. Ей, конечно, сразу же вспомнился вчерашний кошмар с поцелуем. На этом ощущении невозможно было построить день, тем более рабочий, к тому же зимний, декабрьский, предрождественский день, седьмой перед сочельником и тридцатилетним юбилеем. Поэтому она решила даже не пытаться открывать глаза. Она сознательно постаралась впасть в бессознательное состояние агонии, при котором память отключается напрочь. Она чувствовала себя прикованной к постели, и любой врач, который хоть что-нибудь смыслил в психологии, подтвердил бы ее неспособность покинуть кровать в ближайшие дни.

Но что-то в квартире было не так. Катрин чувствовала какой-то непривычный запах. Анализировать этот запах она не могла, у нее не было на это сил. Она еще глубже забралась под одеяло и старалась ни о чем не думать, а когда ей лезли в голову мысли о Максе, она давила их подушкой. Еще ни один мужчина не наносил ей такой обиды! Ни разу в жизни она не испытывала такого глубокого разочарования от предмета своей влюбленности! Ни разу в жизни ее не отталкивали так грубо в момент полной открытости и отдачи... Целоваться он не может! У него, видите ли, аллергия на поцелуи! Аллергия... Аллергия... Аллергия... Козел!..

Но что-то в квартире было не так. В том числе и под одеялом. Неужели это ее дыхание? Откуда у нее вдруг взялся такой неприятный запах изо рта? Может, вчера вечером она заработала себе какое-нибудь психосоматическое расстройство? Может, у нее вдруг открылась астма? Она задержала дыхание и прислушалась к себе. Ей был отчетливо слышен какой-то звук, но он шел снаружи. Строители? Кровельщики? Снегоуборщики? Нет, звук был ближе. Он напоминал тихое, непрерывное землетрясение. Эпицентр этого «землетрясения», похоже, находился в комнате. Кровать дрожала.

Катрин была еще не готова к исследованию загадочного явления. Она еще была не в состоянии воспринимать знаки обыденности. Она плотно закрыла глаза, зажала уши ладонями и (тщетно) пыталась ни о чем не думать.

Что же это за клоун, у которого «аллергия на поцелуи»? Что это за извращенец? Как ее угораздило запасть на него? Почему ей понравился именно он? Почему из тысяч мужчин она подпустила к себе именно этого? Зачем она вообще ему понадобилась? Денег у нее не было. На поцелуи у

него аллергия. То есть секс ему, получается, не нужен. Что же ему от нее понадобилось?

Катрин потянулась за подушкой, чтобы задушить эти мысли, и вдруг наткнулась рукой на какой-то предмет. Будильник? Книга? Пульт от телевизора? Нет, это было что-то другое, что-то более мягкое, бесформенное. Катрин почувствовала, как у нее заколотилось сердце. Она и забыла, что оно у нее еще есть. Она предпочла бы в будущем вообще обойтись без него. Но сейчас оно ей неожиданно понадобилось. Она была взволнована. В ее кровати происходило что-то странное.

Она высунула голову из-под одеяла, повернулась к обнаруженному предмету и чуть приоткрыла глаза. В ту же секунду из нескольких составляющих ее чувственного восприятия сложился некий образ — слишком быстро для истерического вопля, слишком медленно для инфаркта. Катрин тронула предмет. Он издал какой-то жутко визгливый звук. Это был «говорящий» пластмассовый сэндвич. Когда раздражитель находился на полпути к месту обработки в мозгу Катрин, на ее плечо что-то опустилось. Рука. Угловатая. Тонкая. Волосатая. Густоволосатая. В тот же момент в лицо ей повеяло теплом. А в нос ударил запах — гниловатый, как запах листвы из сточной канавы.

Катрин резко распахнула глаза и увидела некий бородато-волосатый лик. Курт! Он таращился на нее своими крупными искрящимися стекляшками кофейного цвета. Его морда ритмично терлась о простыню в нескольких миллиметрах от ее носа. Сняв языком с губы обильную порцию пенной слюны, он метнул несколько капель на подушку Катрин. Каждые две-три секунды из чрева Курта вырывался протяжный грозно-блаженный рык.

Где-то в отдалении его дратхааровский хвост так же ритмично колотил по краю кровати. Катрин знала, что так собаки ведут себя, когда им хорошо. Она остро почувствовала свою полную зависимость от ситуации и поняла, что не имеет ни ментальной способности, ни моральной готовности искать из нее выход. Она ничего не могла прибавить к этой утренней встрече. Курту было хорошо. Он лежал, распластавшись, как игральная карта, и вытянувшись, как длинный рожок для обуви, поперек ее двуспальной кровати на недавно еще белой, а теперь черно-бурой натяжной простыне. Он прекрасно себя чувствовал. Катрин порадовалась за него. Все про него забыли, и он решил извлечь максимальную пользу из своего бедственного положения.

Как ни странно, Курт первым покинул кровать. Он лучше ориентировался в новых условиях, чем Катрин. Поскольку он уже все

равно стоял перед дверью в ванную, она решила загнать его под душ. С полом ничего не будет, а ей самой было уже на все наплевать. У нее все равно не было особых планов. Часы показывали полвосьмого, оставалось полчаса до начала работы. Первые офтальмологические пациенты уже, наверное, вслепую бродили вокруг клиники. Доктор Харлих уже наверняка пришел и готовился к своему ежеутреннему приветствию: «Доброе утро, прекрасная фройляйн! Желаю вам приятного первого рабочего дня последней, очень напряженной, предпраздничной рабочей недели. Сегодня ожидается тридцать пациентов. Если я вам зачем-нибудь понадобится — звоните мне в любое время...»

А она торчит дома и купает какого-то шелудивого пса, с которым только что делила постель. Видели бы ее мать с отцом! Курт стоял в ванне, как заброшенный памятник павшим воинам, включив мигалку своего предупредительно-сигнального устройства — искрящиеся стекляшки кофейного цвета — и делая вид, что в любой момент может запретить подачу воды. Когда Катрин обтирала его, он рычал, как енот-полоскун, а когда расчесывала, трубил, как олень. Он показался ей на редкость живым, как будто наглотался возбуждающих таблеток.

Пока Катрин одевалась, Курт нервно ходил взад-вперед по прихожей. Несколько раз он с остервенением бросался на «говорящий» пластмассовый сэндвич, вонзал в него клыки и швырял в сторону. Сэндвич звонко ржал, но тут же замолкал, ударившись о стену. Курт застывал перед ним, словно окаменев, считал про себя до пяти (поскольку счет до десяти вряд еще успел освоить) и опять прыгал на «говорящий» кусок пластмассы. Если бы Катрин не знала, что Курт никогда бы не стал заниматься такой ерундой, она бы подумала, что он играет.

«Кстати, о собаках, — подумала Катрин. — Пора бы мне уже кое о чем задуматься. Например: как могло случиться, что этот пес переночевал у меня, а я ничего не заметила? Или еще интереснее: что теперь с ним делать? А это, собственно, моя проблема? Нет. Это проблема его хозяина, у которого аллергия на поцелуи. Могу я оставить собаку дома одну? Могу. Хочу я ее оставлять одну дома? Нет, не хочу».

Ей нравилось, что Курт у нее. Из него наверняка получится отличная амбулаторная собака. Пусть сопровождает ее в клинику. Пока он — ее собака. Эта мысль вызвала у нее приятное чувство ласковой мести. «Теперь он у меня на поводке, — подумала она. — Твой хозяин, этот козел, у которого аллергия на поцелуи!»

Макс провел бессонную ночь. Вечером, после своего позорного

бегства из дома Катрин, он ощущал острую нехватку всего, что делает человека человеком. Меньше всего ему не хватало Курта, поэтому он и не заметил его отсутствия. Только войдя в квартиру и увидев кресло, под которым не лежал и не спал Курт, он понял, что где-то его забыл — то ли в парке, то ли (еще одна страшная мысль для его переполненного страшными мыслями мозга) на месте самого бесславного поражения из всех, что ему довелось потерпеть на поле любовной брани, то есть там, куда ему, в сущности, теперь была заказана дорога.

Полиция не находила никаких потерявшихся собак, пожарная служба и не думала их искать. «Скорую помощь» интересовали только бешеные собаки и их жертвы. Пять мейлов о пропаже Курта, отправленные им Катрин, бесследно канули в Интернет. С дюжину телефонных звонков на ее же номер тоже ушли в молчание мертвой линии, как вода в песок. Ни длинных, ни коротких гудков — ни звука. По-видимому, Катрин и Хуго Босс не хотели, чтобы им мешали. Уж тот-то, наверное, умел целоваться. Чем-то же он должен был ее привлечь, этот прилизанный тип?

Как бы то ни было, Максу не оставалось ничего другого, как совершить хождение в Каноссу,^[18] то есть отправиться в парк Эстерхази на поиски несчастного пса, ставшего жертвой любовной трагедии, который, скорее всего, зарылся где-нибудь в снег, ушел на заслуженный отдых и который, во всяком случае, вряд ли сильно переживал по поводу того, что его потеряли. Макс уже всем телом ощущал, как это по-зимнему освежающее ночное шествие отвлекает его от вчерашнего фиаско с поцелуем. Лучше его исходное (или безысходное) положение в настоящий момент стать не могло, и от этого оно становилось еще хуже. У него появилось такое чувство, как будто он отбывал справедливое наказание за свое дебильно-инфантильное поведение. И это наказание в виде совершенно бессмысленного прочесывания кустов в три часа ночи было сродни самоочищению.

Поскольку в парке за это время нигде ничего не шевельнулось (то есть Курт мог быть где угодно), Макс медленно направил свои стопы к исходной точке своего провала. Он описал пять кругов вокруг дома Катрин, трижды звонил в квартиру по домофону.

Несколько раз, задрав голову ко второму этажу, он кричал сдавленным голосом:

— Куррррт!..

По звучанию это напоминало отрывку полузамерзшей серой цапли. Но даже стократно усиленный, этот звук ничего бы не изменил: скорее можно разбудить покойников на кладбище, чем Курта в квартире на втором

этаже, если источник звука находится на улице.

Когда Макс проснулся в обед, ему было что рассказать. И он даже знал кому: Пауле. Она была лучшей и популярнейшей из всех известных ему толковательниц снов.

— Ну как все прошло? — спросила она по телефону.

— Честно говоря, не совсем так, как мне хотелось... — ответил Макс.

К счастью, выяснилось, что вечером у нее будет время зайти к нему, чтобы вникнуть в детали.

— Паула, мне срочно нужна твоя помощь! — сказал Макс.

— Приятно это слышать, — ответила Паула невозмутимо.

На самом деле слышать это ей было гораздо приятнее, чем она могла признаться.

Так, одно дело сделано. Теперь срочно к Катрин. Телефон клиники у него был. Он уже даже знал, что ей скажет. Он все еще находился под впечатлением своего сна. Услышав в трубке ее голос, он даже не почувствовал волнения.

— Привет, это я, Макс. Ты случайно не находила у себя Курта? Я не мог забыть его у тебя? Катрин, поверь мне, я всю ночь пытался...

Стоп. Что это было?.. Вот опять, тот же звук. И еще раз, и еще... Звук повторялся и повторялся.

— Катрин!

— Я слушаю, — казенным голосом ответила она.

— Что это у вас там за шум?

— Твой Курт! — ответила она резко.

— Это же собачий лай! — возразил Макс.

— Это Курт! — ответила она с легким нажимом.

— Он у тебя? — удивился Макс.

— Как видишь. Пока. Но время его визита заканчивается, — ответила она с еще большим нажимом.

— С каких это пор он лает? — спросил Макс, не веря своим ушам.

— С тех пор как затеял в приемной игру с моими пациентами. Кладет им на колени свой обслюнявленный пластмассовый сэндвич и ждет, когда те бросят его в коридор. И горе тому, кто отказывается это сделать! Твой Курт ревет, как реактивный истребитель-перехватчик... Никто уже не решается отказываться. — В ее голосе теперь звучало раздражение. — И если сейчас заявится мой шеф и увидит все это, мне придется отправляться на поиски новой работы. — Раздражение в голосе усиливалось. — Нет, это не *мне* придется отправляться на поиски новой работы. Это *тебе с Куртом*

придется отправляться на поиски новой работы для меня! А теперь будь так любезен, заведи отсюда свою собаку, иначе в приемной скоро не останется ни одного пациента! — В ее голосе уже звучала угроза.

Макс немедленно поспешил в клинику.

Встреча с Катрин в обеденный перерыв получилась короткой. Макс был от нее в восторге (не от встречи, а от Катрин), но это, к сожалению, уже не имело абсолютно никакого значения. Курт изменился до неузнаваемости. Макс и рад был бы не узнать его, но эта собака однозначно была Куртом, и Курт узнал своего хозяина. Он прыгал вокруг него, лизал его в лицо. Потом показал ему свой «говорящий» сэндвич и недвусмысленно дал понять, что с этой штуковиной нужно делать, чтобы он перестал лаять. Видеть Курта стоящим было равносильно оптическому обману, легкомысленной игре неких природных сил. Его лай был, с одной стороны, нереальным событием, с другой — достаточно реальным, чтобы его можно было выдержать дольше десяти секунд.

— Ты что, дала ему какие-нибудь таблетки?.. — осторожно спросил Макс.

— Нет, — ответила Катрин, — если кто-то из нас что-то кому-то и дает, так это он.

— Катрин... — начал Макс. — Вчерашний вечер...

— Давай не будем про вчерашний вечер, — прервала его Катрин и улыбнулась так, как улыбаются, когда пытаются сделать вид, что ничего страшного не произошло.

В сочетании с этой улыбкой ее слова прозвучали как: «Мы можем остаться просто друзьями». Именно это она, по-видимому, и хотела сказать.

— Сколько я тебе должен за Курта? — спросил Макс.

— Стоимость услуг химчистки, — ответила Катрин. — Он спал рядом со мной, в моей постели.

При этом она многозначительно посмотрела ему в глаза. Ее взгляд говорил: «На его месте мог бы быть *ты*, идиот!» Макс почувствовал себя так, как будто его подключили к мачте высокого напряжения. Он все отдал бы за то, чтобы она сейчас положила ему руки на шею и медленно провела по спине всеми десятью ногтями. Но это было возможно только во сне.

— Пока, — сказала она и протянула ему руку.

Он взял ее руку в обе ладони и нежно погладил. Их головы не сблизилась при этом ни на миллиметр. Но взгляды на несколько секунд впились друг в друга. Макс чувствовал, что еще не все потеряно, что он должен бороться за нее. Он, правда, пока не знал, как это нужно делать. Но

он знал, что должен начать все сначала.

Где-то на периферии сознания у него мелькнуло: «Она обладает магической силой: она оживила Курта».

Курт успокоился еще до прихода Паулы. Действие допинга, который он, судя по всему, получил у Катрин, кончилось. Он еще какое-то время походил взад-вперед по квартире — вероятно, чтобы посмотреть, что он тут вообще забыл и что мог делать здесь целых два года. Подкравшись сзади к своему хозяину, он неподвижно застыл на минуту и стоял так, пока тот не оглянулся и чуть не получил инфаркт от неожиданности. Кроме того, в этот вечер Курт впервые в истории их совместной жизни настоял на ночной трапезе — он до тех пор скреб лапой ящик стола, в котором хранился его «Вильдбойшель», пока тот не открылся. Но после еды (на этот раз он стоял перед своей миской в образцовой позе, как на съемках рекламного ролика о корме «Чаппи») он вернулся к своему прежнему образу жизни — лег под кресло и появлялся лишь изредка, чтобы до смерти напугать хозяина.

Одежда, украшения и макияж Паулы вполне соответствовали мистическому поводу ее визита — толкование сна: она выглядела как восточная знахарка. Вокруг ее больших темных глаз загадочно мерцали серебряные тени, на шее, на запястьях и щиколотках позвякивали толстые цепи с крупными сверкающими камнями всех оттенков красного. Обнаженный живот представлял взорам пупок, украшенный голубовато поблескивающим кольцом-пирсингом. Густые черные волосы были зачесаны назад и заплетены в длинную, до пояса, косу.

Паула была одной из тех женщин, которым не подходит ни один стул, ни один диван и ни одно кресло. Которые не знают, как им расположить ноги. Которые страдают оттого, что представители западной цивилизации отвыкли проводить свой досуг на полу. Она была одной из тех женщин, колени которых в сидячей позе всегда смотрят вверх и непременно оказываются на уровне плеч.

Когда она кое-как смирилась с необходимостью разместиться на оранжево-красном замшевом диване, немного утешенная освещением, состоящим исключительно из свеч, и запахом, распространяемым релаксационным чаем ее собственного производства, на семи степных травах, Макс получил разрешение приступить к делу.

Подробности драмы с поцелуем были изложены в течение нескольких минут. Паула восприняла случившееся как личное оскорбление и

чувствовала себя человеком, советами которого демонстративно пренебрегли. Это ведь ее программа отсрочки поцелуя была совершенно идиотским образом сведена Максом ad absurdum.^[19] За Хуго Босса Младшего он мог не переживать, заявила она: тот уж точно не упустил своего шанса.

Что же касается его собственных шансов выстроить с Катрин какие-либо другие отношения, кроме чисто платонических, то она была настроена весьма скептически.

— Твое счастье, что у тебя есть собака, — сказала она. — Если тебе сейчас что-нибудь и может помочь, то только Курт.

После этого Макс наконец рассказал ей свой сон:

Они сидели на оранжево-красном диване, он и эта женщина — Катрин. Конечно же, это была Катрин. Азиатские черты в ее внешности на этот раз явно преобладали. У нее были необыкновенно узкие, вытянутые книзу миндалевидные глаза. Во всяком случае, иногда, а потом опять становились нормальными, как это бывает в снах. Во сне внешность — понятие относительное. Как бы то ни было, Макс и Катрин слились в тесных объятиях. Катрин пахла кокосом. Нет, это был какой-то более сладкий запах, вроде ликера «Батида де коко», только не такой пошлый. Временами она вдруг оказывалась голой, и у нее были непомерно большие груди. (Паула осуждающе закатила глаза, что означало приблизительно: «О господи! Кому что, а вшивому — баня...»)

И она сказала — нет, едва слышно, томно прошептала ему: «Поцелуй меня, пожалуйста!» Эти слова Максиму были хорошо знакомы. Он слышал их практически во всех своих кошмарах. Они, как правило, были критической точкой, в которой сон смыкался с реальностью и немедленно должен был быть прерван по причине угрожающей тошноты. Но в этот раз сон, как ни странно, продолжался. Языки соприкасались, и Макс в очередной раз ощутил эту в высшей мере чувствительную внутреннюю дрожь, головокружительную степень безумства между жгучим вождением и спонтанным позывом к рвоте. Это состояние было точной копией его травматического опыта первого поцелуя с Катрин.

До боли знакомой была и причина злополучных процессов в его желудке, внезапное появление образа жирной Сиси со всеми его характерными запахами и вкусами. Новым было то, что этот образ во время поцелуя претерпел некие существенные изменения. Чем дольше длился поцелуй, тем быстрее жирная Сиси отдалялась от своего детского образа, тем старше она становилась. Да и у Макса появилось ощущение, что он

уже гораздо легче переносит поцелуи.

Разумеется, тошнота время от времени перекрывала ему дыхание. Ему несколько раз приходилось мягко отстранять Катрин, выдвигая ее язык из своей ротовой полости и глубоко дышать. Она относилась к этому с терпением и пониманием. Вернее, она, возможно, вообще не замечала, что у него какие-то технические проблемы.

После каждого краткого перерыва он с еще большей страстью принимался целовать ее. Он забыл про ее тело, закрыл глаза и сосредоточился исключительно на своих и ее губах и их тесном взаимодействии. Образ взрослеющей жирной Сиси становился все отчетливее, пока она наконец не очутилась вдруг рядом с ними на диване и не принялась наблюдать за ними. Ей, похоже, было столько же лет, сколько и Макс, она была пухленькой блондинкой, одетой хотя и несколько консервативно, но со вкусом. От нее исходил легкий запах фиалки и какого-то приятного крема для кожи.

— Она вступила в вашу любовную игру? — нетерпеливо спросила Паула и подперла подбородок коленом.

— Да нет! — ответил Макс. — Ты что, думаешь, мне снятся порносы?

— Неужели она не пыталась добиться от тебя, чтобы ты ее поцеловал? — разочарованно воскликнула Паула.

— Нет, она просто смотрела. Ей хотелось понаблюдать за мной.

— Ей хотелось посмотреть, как у тебя обстоит дело с поцелуями, — уточнила Паула.

— Совершенно верно, — согласился Макс.

— А дело обстояло хорошо, — продолжала Паула.

— Даже очень, — подтвердил Макс.

— И ты хочешь, чтобы я объяснила тебе почему.

— А ты можешь это объяснить?

— Конечно. Потому что жирная Сиси присутствовала при поцелуе. Потому что она была уже не жирная и не противная. Потому что она наглядно показала тебе преходящий характер твоего фантома. Потому что она помогла тебе преодолеть твою детскую психологическую травму.

— Все это пахнет Зигмундом Фрейдом, — заметил Макс.

— А ты думал, я все это выдумала? — возразила Паула. — Во всяком случае, я бы на твоём месте постаралась как можно скорее повидать ее.

— Катрин?

— Нет, жирную Сиси.

— Ты что, с ума сошла? Как я ее найду? Да и что я ей скажу?

«Здравствуйте, мадам, меня зовут Макс. Каждый раз, когда я целуюсь, я вспоминаю про вас и меня начинает рвать. И так уже двадцать лет...» Смешно!

— Нет, ты несерьезный человек! Боюсь, что мне придется взять это в свои руки, — со скучающей миной произнесла Паула.

— Ты что, действительно хочешь этим заняться? — недоверчиво спросил Макс.

Восемнадцатое декабря

Утро сначала было темно-серым, потом просто серым. Полдень был светло-серым. После обеда день был серым. Вечер был темно-серым. Предыдущая и последующая ночи были черными. В промежутке между ними с неба сыпались тонкие, острые, серебристо-белые снежинки.

В один из самых светлых моментов этого дня Катрин встречалась со своей матерью. Той срочно понадобилось с ней поговорить. Это понадобилось ей еще неделю назад, но поскольку степень срочности уже тогда превышала все допустимые нормы, то состояние ее стабилизировалось и она безропотно, одну за другой, переносила все отсрочки, о которых Катрин сообщала ей по телефону. Но рано или поздно откладываемый разговор должен был состояться. А этот вторник, начавшийся под знаком неустанной сменной работы городских серых тонов, был, как рассудила Катрин, словно создан для исполнения накопившихся обязательств, которым пора было уступать место новым, более актуальным.

До обеда ей удалось приобрести восемь различных рождественских подарков, каждый из которых был совместим с любым из ее знакомых и родственников. То есть любой из них можно было дарить любому знакомому или родственнику. Ей даже не обязательно было лично знать всех дальних тетушек, вероятность встречи с которыми в Рождество обычно угрожающе возрастала. Это были подставки-держатели для курительных свечей, чашечки-подставки для чайных заварочных щипцов и контейнеры-дозаторы для лечебно-ароматических шариков для ванны. Гарантированные, стопроцентные прямые попадания, вещи, при виде которых одариваемые знакомые или родственники обычно восторженно восклицают: «О, это что-то оригинальное! Я и не знал, что такие вещи существуют!» На фоне ежегодных двухсотпятидесятиграммовых пачек декофеинового кофе эти люди были рады любому разнообразию.

Когда Катрин вошла в кафе, мать уже сидела за чашкой чая. Она улыбалась, как после сверхдозы кандизина. Ее укоризненный взгляд — взгляд матери, взявшей на себя обязательство погибнуть от непосильного бремени заботы о собственном потомстве, — говорил: «Дитя мое, на кого ты стала похожа?!»

— Золотце, ты совсем ничего не ешь! От тебя уже остались кожа да кости! — воскликнула она, не выдержав запредельной муки явившегося ей

зрелища.

Катрин, для полноты картины, заказала стаканчик глинтвейна. Она его не любила, но сейчас он был ей необходим. Мать, поджав губы, посмотрела на часы, чтобы замерить временные параметры потребления алкоголя своей пропащей дочери, и покачала головой.

— Золотце, папа очень волнуется за тебя, — сказала она.

«Какое счастье, что она замужем! — подумала Катрин. — Иначе ей пришлось бы взвалить на себя и вторую половину забот обо мне».

— Мама, у меня все хорошо. Все в порядке. Я живу своей жизнью, — ответила она и получила двойную порцию сочувственных материнских взглядов (чтобы не так остро ощущалось отсутствие отца с его долей забот о дочери).

До второго стакана глинтвейна мать мужественно и довольно успешно боролась со слезами. Она рассказывала о своих удачно вышедших замуж школьных подругах, постоянно осведомлявшихся о Катрин, о своем запланированном на январь турне по медицинским учреждениям всех профилей (включая ежемесячный визит в офтальмологическую клинику доктора Харлиха) и о самых волнующих телепередачах прошедшей недели на тему здоровья. («Раннее распознавание и эффективные методы лечения гепатита Е» она, судя по всему, пропустила.) Кроме того, она захватила с собой свежие фотографии последних младенцев дочерей тетушки Хелли — чтобы у Катрин, как говорится, слюнки потекли. Но Катрин предпочитала слюнкам глинтвейн.

В конце концов речь пошла о Рождестве и тридцатилетии Катрин и о том, чего она желала и ждала в этом плане от своих родителей. Она не желала и не ждала ничего, что хоть как-то было связано с ее родителями, ей хотелось только покоя и отсутствия семейного давления. Вернее было бы сказать так: ждать она этого, конечно, не ждала, но желала, чтобы родители когда-нибудь наконец прекратили спрашивать, чего она желает или ждет от них. Потому что в действительности желали и ждали они, ее родители, — от нее и для нее, а именно: мужа. Катрин порадовалась уже хотя бы тому, что мать либо забыла, либо вытеснила из сознания историю с собакой (а может, и не приняла ее всерьез), которая исключала ее визит к родителям в сочельник. Значит, можно будет еще несколько дней пожить относительно спокойно, не поднимая эту тему.

— Дитя мое, он был у меня... — сообщила мать судьбоносным тоном, и тут наконец по ее щекам, изрытым горестными складками и морщинами, покатались первые слезы.

Разговор неудержимо устремился к своей кульминационной точке.

Катрин срочно понадобился еще глоток глинтвейна.

— Он готов в любую минуту принять тебя обратно! — торжественно возвестила мать.

О боже, Аурелиус! Катрин на секунду с ужасом представила себе свадебную фотографию в золотой рамке на телевизоре Шульмайстер-Хофмайстеров, где сейчас стоит ее фото в платье конфирмантки, перед которым родители наверняка ежедневно возносят к Небу свои молитвы о ней.

Если бы он был ей хоть чуточку более безразличен, она бы вышла за него замуж ради родителей и после их смерти немедленно развелась бы с ним. Спать с ним ее ведь никто не заставляет. А пару сирот они бы уж как-нибудь усыновили. Но Аурелиус был ей не просто безразличен. При одной только мысли о нем у нее сводило скулы и начинался приступ чесотки. Она уже не могла представить себе даже одну-единственную ночь, проведенную с ним в общей кровати, пижама к пижаме. Лучше целый месяц с Куртом и его обслюнявленным «говорящим» сэндвичем!

— Мама, я его не люблю, понимаешь? Вообще не люблю, — сказала Катрин.

Мать, закусив губу, ждала более убедительных аргументов. И дождалась:

— Я люблю другого.

С точки зрения тактики это было не самое удачное заявление, но Катрин не смогла себе отказать в этом. Во-первых, оно неплохо звучало. Во-вторых, она подумала, что, может быть, мать окажется так любезна и передаст услышанное Аурелиусу. В-третьих, в сочетании с глинтвейном оно приятно грело изнутри. Кроме того, она уже немного опьянела и временно отменила свой запрет на мысли о Максе.

— Другого? — переспросила мать, отчасти испуганно, отчасти восторженно, отчасти отрешенно. — Я надеюсь, не того, у которого собака?

Фрау Шульмайстер-Хофмайстер все-таки вспомнила о нем. Несмотря на острый дефицит чуткости в отношении сердечных дел своей дочери, в подобных ситуациях она ориентировалась мгновенно.

— А чем он занимается?

— Печет классный грушевый пирог.

— И когда мы с ним познакомимся?

— После меня!

Фрау Шульмайстер-Хофмайстер вновь улыбнулась кандизиновой улыбкой.

Курт снова превратился в прежнего Курта. Утром он спал крепко. Ближе к полудню он спал довольно крепко. В обед он спал особенно крепко. После обеда он спал довольно крепко. Вечером он спал крепко. В промежутках его дважды выволакивали на прогулку и один раз сунули мордой в миску с едой. Похоже, ему удалось принять участие во всех этих процессах, не прерывая сна.

Макс ранним утром испытал шок. Он вдруг вспомнил, что совершенно забыл про свою работу. После этого он уже не смог уснуть. Напротив, ему пришло в голову, что и начальство тоже, скорее всего, уже обратило внимание на это обстоятельство и что оно имеет возможность активно влиять на его трудовую деятельность, например положить ей конец. Одним словом, очередной выпуск еженедельного «Уголка любителей кроссвордов от Макса» был уже на день просрочен, ежедневная театральная и кинопрограмма для районной газеты в этот день, вероятнее всего, не вышла (поскольку Макс ее не составлял, а кроме него, никто этим не занимался). Подписание в печать выпуска собачьей рубрики для «Жизни на четырех лапах» было перенесено со среды на утро вторника, то есть его нужно было срочно сдавать, что, разумеется, предполагало его наличие и готовность к сдаче.

А в ящике письменного стола лежали стопки необработанных фотографий голых красоток для «Острова загадок». Для одной из девиц нужно было срочно состряпать текстовой гарнир. Этим Макс и решил заняться в первую очередь. К тому же более эффективного средства ускорить утренний запуск кровообращения на данный момент у него не было. Он выбрал девицу, лицо которой больше других напоминало лицо Катрин, и сочинил настраивающий на философско-лирический лад комментарий следующего содержания: девушку только что бросил ее друг, потому что она слишком часто ему изменяла. И вот, решив уйти в монастырь, она этой съемкой в голом виде на пляже в Малибу, этим фотопредостережением, навсегда прощается со всеми мужчинами и плотскими соблазнами сего мира.

К концу рабочего дня ему оставалась только собачья рубрика. Курт лежал под креслом и спал, то есть, как обычно, не торопился вносить свою лепту в дело успешного решения этой задачи. Макс уже не хотелось думать ни о чем, кроме Катрин. Он вдруг почувствовал желание иметь с ней семерых детей, одних девочек, как две капли воды похожих на маму, и представил себе, как они все семеро сидят у него на коленях и хором поют «Тихая ночь, святая ночь», на восемь голосов — сам он пел партию баса.

Мысленно допев песню до конца, он приступил к работе. Получилась история, написанная не головой, а пальцами, история, в которой не некие реально пережитые события искали подходящую словесную форму выражения, а, наоборот, сначала рождалась форма, а в ней уже распускались цветы фантазии и в конце концов вырисовывалось некое подобие действия. Макс знал, что для читателей, ждущих от историй про животных в первую очередь фактов и строгой научности, подобные рассказы сродни хулиганству и потому совершенно неприемлемы. К счастью, у «Жизни на четырех лапах» не было читателей, так что он написал эту легенду для себя и для Катрин. Таким образом он провел с ней несколько сладостных минут.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

выпуск 84

Заглавие: «Курт рассказывает постельную историю»

Текст: Здравствуйтесь, дорогие друзья животных, любители собак, поклонники немецких дратхааров!

Сегодня я расскажу вам удивительнейшую историю. Курт провел ночь в чужой постели! Да еще в какой!

Предыстория такова. Мы были в гостях у одной безумно красивой женщины. Это, наверное, была самая красивая женщина из всех, какие только существовали в тот вечер на земле. Едва переступив порог, мы оба сразу потеряли голову. Курт влюбился мгновенно. Я — через несколько секунд. (У нас, людей, функции головного мозга сложнее, чем у собак.) Когда она гладила Курта, он краснел (слава богу, что это незаметно под густой шерстью, которая к тому же вставала дыбом, как наэлектризованная). А когда она гладила меня, то... это, к сожалению, происходило лишь в моей распаленной фантазии. В тот день мне везло как утопленнику, так что я очень скоро вынужден был покинуть ее квартиру (по некоторым причинам, не имеющим никакого отношения к нашему сегодняшнему выпуску). Курту позволено было остаться. И даже переночевать в кровати хозяйки. Он был самым счастливым кобелем дратхааровской породы на свете.

На следующий день, когда мы с ним вновь воссоединились, его было не узнать. Он помолодел по крайней мере на три года и стал гораздо подвижней. Он так весело прыгал, играл, лаял и тявкал, что это было просто загляденье (и даже веселее, чем мне того хотелось). Вскоре я понял причину внезапной перемены: его глаза, эти искрящиеся стекляшки кофейного цвета, были подернуты легкой дымкой, в которой плясали крохотные золотые сердечки.

Дорогие друзья животных, любители собак, поклонники немецких дратхааров, вы знаете, что есть разные способы обмена информацией с нашими четвероногими любимцами. Мы бросаем им вопросы, а они дают нам ответы посредством лая в его разнообразнейших вариациях.

Вы, конечно же, понимаете, что меня в тот день больше всего занимал вопрос: каково было в постели рядом с этой безумно красивой женщиной? Курт, к счастью, не из тех собак, которые умеют хранить тайны, особенно если эти тайны сопряжены с таким накалом страстей. Я пригласил его на перекрестный допрос. Он принял мое приглашение, мы расположились на диване, и Курт, застыв в одной из своих самых лениво-валяжных поз и положив мне голову на плечо, добровольно дал показания.

— Смог ли ты, лежа рядом с этой женщиной заснуть хоть на минуту?

— Нет. (Протяжный высокий звук.)

— Значит, ты всю ночь наблюдал за ней и охранял ее сон?

— Да. (Короткий интенсивный гортанный звук.)

— Что на ней было? Белая ночная сорочка?

— Да.

— Прозрачная?

— Не знаю, меня это мало интересовало. (Ни звука.)

— Были ли на этой сорочке какие-нибудь узоры?

— Да.

— Котят?

— Нет.

— Золотистые цветочки? Может, подсолнухи?

— Что-то вроде того. (Короткий слабый гортанный звук.)

— Как она спала? На спине?

— Нет.

- На животе?
- Да.
- Голова была повернута в сторону?
- Да.
- В твою сторону?
- Разумеется.
- Что тебе особенно в ней понравилось? Длинные ресницы?
- Да, очень! (Два коротких интенсивных гортанных звука.)
- То, как она во сне терлась щекой о подушку?
- Да, очень.
- И то, как она во сне почесала нос мизинцем?
- Да, очень.
- Как она причмокивала, дышала и вздыхала?
- Да, очень.
- Она хорошо пахла?
- Да, очень.
- Чем?
- Не знаю. Во всяком случае, не «Вильдбойшелем». (Зевок.)
- А как ты себя чувствовал, когда она проснулась?
- Клаааасно! (Искрящиеся стекляшки кофейного цвета на несколько секунд приняли форму крохотных золотых сердечек.)
- У нее было самое потрясающее заспанное выражение, какое тебе когда-либо приходилось видеть?
- Да! Да! Было! Именно такое выражение и было! (Три коротких интенсивных гортанных звука.)
- Так, теперь переходим к самому важному вопросу: Курт, согласны ли вы взять себе в хозяйки эту женщину, которая провела ночь рядом с вами вышеописанным, то есть неопишимо милейшим, образом? Если согласны, отвечайте: да. (Быстрый короткий интенсивный гортанный звук.)
- Я вас правильно понял? Вы хотите отказаться от услуг вашего нынешнего, искренне привязанного к вам хозяина, посвятившего вам сотни нежных строк, в пользу новой хозяйки? (Чрезвычайно продолжительный высокий звук — знак полного несогласия!)
- Вы хотите и нынешнего хозяина, и новую хозяйку? (Три коротких интенсивных гортанных звука — недвусмысленный знак согласия.)
- То есть вы хотите тройственного союза?

— Дааааааааа!..

Курт выпрямился и в знак благодарности начисто, до зеркального блеска вымыл хозяину лицо своим слюнявым языком.

Дорогие друзья животных, любители собак, поклонники немецких дратхааров, на этом наша сегодняшняя история заканчивается.

Чмоки от Курта и рождественский привет от Макса.

Катрин никак не могла уснуть. У нее еще остались кое-какие счета с мужчиной, который тяжело переносил поцелуи. Вернее, счет — за химчистку. Почему он не звонит? Почему она сама среди ночи должна брать в руки телефонную трубку? Неужели ей действительно придется спрашивать его, что для него предпочтительней — получить от нее счет по почте или зайти за ним самому? Неужели без этого не обойтись? Почему он вынуждает ее прибегать к крайним мерам? Почему не подает признаков жизни?

Она положила трубку, включила компьютер и обнаружила сообщение от Макса. Он писал:

Дорогая Катрин!

Эта история посвящается тебе. Это, конечно, дурацкая история, но написана она от всего сердца.

Спокойной ночи.

Макс

А с красной строки:

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

выпуск 84

Заглавие: «Курт рассказывает постельную историю»...

Катрин прочла ее трижды. Потом распечатала и прочла еще два раза. Затем положила распечатку рядом с собой в постель, туда, где еще недавно

лежал «говорящий» сэндвич. Через час она включила свет и прочла историю еще раз. Потом выключила свет и уснула. Через полчаса (или через час, а может, через два) она проснулась и опять включила свет. Она забыла, как именно у Макса было написано про «заспанное выражение». Потом выключила свет и уснула. Через два или три часа она проснулась, включила компьютер и отправила Максус коротенький мейл:

Я хочу спать с тобой и засыпать рядом с тобой.

Потом легла в постель, выключила свет и уснула.

Девятнадцатое декабря

Ее «я хочу спать с тобой и засыпать рядом с тобой» возбудило и смутило Макса. Возбуждение относилось к первой части сообщения и было меньшим злом. Нет, оно не было злом, оно было противоположностью зла. Оно было мощным, как фён, который уже несколько часов ломился в окна, только градусов на сто тридцать по Цельсию теплее. И этот жар накатывал волнами, внезапно вздымался в нем, так же быстро спадал и вновь стремительно нарастал.

Он представлял себе, как она стоит, прислонившись к дверному косяку, как она смотрит на него одним из тех взглядов, из которых сразу же явствует, что за ними последует, а потом говорит: «Я хочу спать с тобой и засыпать рядом с тобой». Он представлял себе, как она при этом расстегивает пуговицу, все равно какую. (Ну хорошо, не все равно какую! Например, не на рукаве.) Ему важно было это маленькое движение, этот поворот пальцев, расстегивающих пуговицу, игривый сигнал готовности, сама смена полюсов — «до того» (пуговица застегнута) и «после того» (пуговица расстегнута), — то, что она хочет ему этим сказать, то, как меняется при этом ее взгляд.

А потом он по порядку представлял себе все, что должно было за этим последовать. Он часами созерцал картины, сжатые его фантазией до нескольких секунд. Волны жара в его груди наступали друг другу на пятки. А самое главное — в его грезах не было места кощунственным, порочным, разрушительным поцелуям. В этом и заключалось тонкое различие между сексуальным мышлением и сексуальным поведением, и потому он, предаваясь первому, предпочитал воздерживаться от второго.

Именно поэтому его и смутили слова «я хочу спать с тобой и засыпать рядом с тобой». У него было шизофреническое чувство, что она мимоходом, не задумываясь, высказала то, чего ему самому хотелось еще больше, чем ей. Ему хотелось этого так сильно, что он никогда бы не решился это сформулировать, тем более в такой откровенной форме. Его желание было слишком велико для какой бы то ни было словесной формы. Катрин слишком много требовала для него — и от него.

Кроме того, он как раз собирался резко поменять курс. Катрин поймала его со своим откровением в самый разгар генеральной репетиции бегства на побережье Индийского океана. Ему уже прислали по почте билеты на самолет и ваучер на размещение в отеле. Он уже достал свой

летний гардероб, и его двойник в зеркале устроил для него показ мод. Он открыл окно, высунулся из него и поклялся мрачно завывающему ветру отомстить за все его козни, а погребенному солнцу пообещал досрочное освобождение. Он уже готов был собственными силами вытащить себя из снежного болота, дерзко нарушив запрет на езду без этих приторно-разноцветных рождественских цепей противоскольжения.

Катрин всего несколькими словами вернула его назад. Мысль о возможности спать с ней и засыпать рядом с ней, этот соблазн, этот вызов судьбы, не давала ему покоя. Он решил сделать это (даже ценой лишнего деструктивного поцелуя, очередного фиаско и окончательного краха). Потом решил не делать этого. Потом решил спросить Паулу. Потом решил не спрашивать Паулу, поскольку и сам уже был не мальчик.

Потом написал Катрин:

Я тоже хочу этого, но мне нужно еще немного времени.

Потом удалил «но мне нужно еще немного времени». (У Макса была странная особенность: в трудных ситуациях он тяготел к самым глупым выражениям и формулировкам, какие только накопились в истории человечества.) Потом прочел вслух то, что осталось: «Я тоже хочу этого». Потом до тех пор читал этот остаток, пока в душе у него не рассеялись последние сомнения. После этого он заставил свой левый указательный палец пять часов подряд (во всяком случае, не менее десяти секунд) в нерешительности провисеть над кнопкой «отправить сообщение». Потом его, по-видимому, кто-то нечаянно подтолкнул, и палец нажал на клавишу, выполнив упомянутое действие. Курт явно этого сделать не мог. Он лежал под своим креслом и спал.

Катрин прочла его «я тоже хочу этого» только под вечер. До этого она с возрастающей силой ненавидела себя за свой редкий талант собственными руками создавать ситуации, в которых ей ничего не оставалось, кроме как ждать. Утром она зверски пыталась свой компьютер, пока тот не впал в виртуальную кому, так и не выдав ей ответа на отправленный накануне мейл. В клинике она проклинала телефонную компанию, подсунувшую ей в трубку Аурелиуса вместо Макса. Вымещая на нем свою досаду, она вышвырнула его из телефонной сети предельно лаконичным ответом, по сути мало чем отличавшимся от «вы ошиблись номером». Трех последних пациентов она слепо отправила восвояси. Ей нужно было срочно домой, чтобы посмотреть, не пришла ли электронная

почта от Макса. И она пришла!.. Это положило конец мукам, которые Катрин по неосторожности сама себе организовала.

Слова Макса «я тоже хочу этого» действовали приблизительно в течение часа. Это был замечательный, ясный и полный драматизма ответ, заставивший Катрин принять успокаивающую обжигающе горячую ванну. После этого эмоциональный подъем быстро спал. И тут ответ Макса вдруг показался ей совершенно неудовлетворительным и откровенно слабым. Он звучал как «согласен». Как «о'кей». Как «почему бы и нет?». Как «вреда от этого не будет». Этому ответу не хватало огня. И второй части. Ему не хватало самого главного — продолжения, решения, следующего шага.

Поскольку никуда идти вечером Катрин не планировала, а сидеть дома одной с этим холодным и невнятным «я тоже хочу этого» ей не хотелось, она нанесла телефонные визиты своим обеим верным подругам. Беата находилась на стадии очередного расцвета отношений с Джо. Она как раз только что простила ему его последний «прыжок в сторону», и он отблагодарил ее за это специально для нее разученной песней о любви (которую ему одолжил его друг Брюс Спрингстин^[20]).

— Он что, был у тебя? — спросила Катрин.

— Нет, прислал мне диск с демоверсией. С курьером, представляешь? Понимаешь, он говорит, что когда видит меня, то настолько теряется, что не может петь.

Кроме того, Джо пообещал ей длинные выходные вдвоем.

— Когда? — резко спросила Катрин.

— Понимаешь, сейчас он все время на гастролях, а вот после Рождества...

Катрин не стала ей рассказывать про Макса. Беата, чего доброго, еще вздумала бы сопоставлять их с Катрин любовные чувства и сравнивать Джо с Максом.

Франциска была занята кормлением Лени и Пипы. Из трубки шел отчетливый запах бананов. Сопутствующие этому процессу звуки говорили о том, что не каждая ложка бананового пюре достигала своей цели, то есть оказывалась во рту одной из близняшек. В какой-то момент трубка, судя по всему, упала на дно миски с пюре, после чего голос Франциски стал похож на голос главного героя фильма «Инопланетянин»,^[21] говорящего по телефону с родной планетой.

Франциска сообщила, что подала заявление на развод. Эрик сначала горько плакал и клялся, что будет за нее бороться. Когда она заявила ему, что он может не утруждать себя, потому что она его просто разлюбила, он

признался, что у него роман с одной замужней коллегой, начавшийся еще год назад. После этого ей стало легче, сказала Франциска, а то она уже думала, что их брак распался из-за нее и детей.

— Ну а как твой новый дружок? — поинтересовалась Франциска. — Как он целуется?

— Никак, — ответила Катрин. — Он вообще не целуется. Но хочет со мной спать.

— Тоже неплохо... — ответила Франциска сквозь стон, получив мощный удар головой в солнечное сплетение.

Катрин рассказала ей о сорвавшемся вечере с Максом и о забытой собаке и прочитала ей «постельную историю» Курта.

— Почему мне никто не посвящает таких историй?.. — сказала Франциска. — Этот парень влюблен в тебя по уши!

— Но он ничего не предпринимает! — жалобно воскликнула Катрин, и в ответ ей солидарно грянул дружный рев близнецов на заднем плане.

— Значит, *ты* должна что-нибудь предпринять! — решительно заявила Франциска. — Да его сам Бог велел совратить, твоего Ромео!

Макс как раз стоял перед наполненной ванной, сунув в нее голову и проверяя герметичность своей маски для подводного плавания (по этому поводу даже Курт проснулся и явился на место событий — не каждый день ему доводилось наблюдать подобное зрелище!), когда позвонила Паула. Ей пришлось долго звонить, пока Макс «вынырнул» и взял трубку. У нее были важные новости.

— Хочешь знать какие? — спросила она возбужденным голосом, как героиня кинодетектива, напавшая на след давно разыскиваемого серийного убийцы и дозвонившаяся наконец до своего шефа, чтобы изложить ему факты. — Лизбет Виллингер, урожденная Унгер. Двадцать девять лет. Образование: четыре года в народной школе, четыре года в средней политехнической школе, три года в профессионально-технической школе, курсы парикмахеров. В настоящее время работает в салоне красоты «Фридль». Восемь лет замужем, двое детей — Урсула (семь лет) и Мануэль (пять лет). Имеет бурундука по кличке Вуду. Муж: Губерт Виллингер, мастер-кровельщик. Все проживают по адресу: Штифтерштрассе, четырнадцать, квартира восемь. Рост Лизбет: метр семьдесят четыре. Вес... — Она не смогла отказать себе в удовольствии сделать драматическую паузу. — Вес: семьдесят два килограмма.

— Не такая уж и толстая, — пробормотал Макс.

— И выглядит очень даже недурно, — сообщила Паула.

— А ты откуда знаешь? — удивился Макс.

— Я держу в руке ее фотографию.

Макс выразил свое недоумение, и Паула наконец смогла рассказать о своих изысканиях. Итак: в народной школе она узнала, как связаться с прежним директором. Директора спросила, как найти учителей, работавших в то время в школе. Учителей спросила о необыкновенно толстой девочке, учившейся в такие-то годы. Результат: Лизбет «Сиси» Унгер. Более толстой учащейся с тех пор в школе не было.

Вторая часть расследования: в полицейском участке состроила кому надо глазки и получила доступ к базе данных о прописке. Через Лизбет Унгер вышла на Лизбет Виллингер и ее новый адрес. Выяснила номер телефона и позвонила.

— И что сказала? — спросил Макс.

Паула, назвавшись представительницей лотерейного бизнеса, хотела порадовать Лизбет Виллингер вестью о выигрыше. Та, выразив сожаление, ответила, что ни она, ни ее муж не играют в лотерею, а дети еще слишком маленькие. «Мы знаем это, — не растерялась Паула, — поэтому и хотели привить вам вкус к этому занятию с помощью рекламного подарка».

К сожалению, Паула не имела права раньше времени выдавать секрет; подарок, если можно, будет доставлен фрау Виллингер в ближайшие дни. «К вам только одна маленькая просьба: мы — исключительно для внутреннего пользования — решили составить картотеку наших счастливицов, и нам бы хотелось иметь вашу фотографию». — «А можно, чтобы вместе с мужем?» — спросила Лизбет. «Нет, мужчин в картотеке уже переизбыток». — «Ну хорошо. Но только пообещайте мне, что фотография нигде не будет опубликована», — потребовала Лизбет. Паула пообещала и через день получила фотографию.

— Паула, ты просто... — восхищенно произнес Макс.

— Знаю, — прервала его Паула. — А ты должен будешь придумать «рекламный подарок» для Лизбет.

Макс промолчал.

— А завтра вечером приходи ко мне, и мы вместе проанализируем фотографию.

Макс судорожно глотнул.

— Самуэль завтра уезжает в командировку.

Макс промолчал.

— Так что мы будем одни.

Макс судорожно глотнул.

Двадцатое декабря

Проснувшись утром, Катрин не обнаружила Макса рядом с собой. Это было глубокое разочарование. (Курта тоже рядом не оказалось; это было разочарование мелкое, с которым она легко справилась.) Открывая глаза, она могла бы поклясться, что Макс лежит рядом. Но он ей просто... Нет, он ей не просто приснился. Это было одно из тех ночных впечатлений, которые человек пытается удержать, потому что они логичны, рациональны и имеют целостный, законченный характер. На этот раз удерживать было нечего — Макса рядом не было.

Будильник сделал свое дело. Он не терпел переходов, не терпел отсрочек. Было семь часов. Катрин еще не обрела способности думать и, значит, еще не могла знать, почему Макса нет рядом. Ей нужно было лично спросить его о причине его отсутствия. Может, он даст ей вразумительный ответ. Она еще не могла вычистить зубы. Она еще не могла стряхнуть с себя остатки сна, потеряв глаза кулаками. Она взяла телефон и набрала его номер. (Этот номер она помнила даже в своем полубессознательном состоянии, на границе между сном и бодрствованием.) Когда он ответил, она проснулась и от ужаса бросила трубку. Это был четверг, ее последний рабочий день перед Рождеством. Она была далеко не в самой лучшей форме. Она потеряла равновесие. Ее эмоции перевешивали ощущения.

Когда зазвонил телефон, Курт лежал под своим креслом и спал. Макс в такую рань обычно не брал трубку. Но это могла быть Катрин. И хотя звонивший так и не подал голоса и разговор закончился, не успев начаться, это все же была Катрин. Развитие средств связи достигло уже таких высот, что ответ на вопрос, кто только что (не) хотел поговорить с тобой, можно было получить в виде цифр.

Макс сразу же перезвонил ей и сказал:

— Доброе утро.

Она, не раздумывая, ответила:

— Доброе утро.

После этого наступила пауза. Позиции переговаривающихся сторон были озвучены.

Умение говорить по телефону приобретается либо в детстве, либо никогда. У Макса в этом отношении было суровое детство. Его дедушка с бабушкой жили в Хельсинки, и он очень скоро усвоил, что телефонные

звонки в Финляндию или из Финляндии — дорогое удовольствие. Однако другого способа установить связь с дедушкой и бабушкой в течение одного дня не существовало.

Чтобы получить право хотя бы на секунду стать одним из участников переговоров, когда на проводе был Хельсинки, Максу надлежало находиться в трех миллиметрах от трубки. И на приветствие «Привет, дедушка! Привет, бабушка!» ему отводилось не более десятой доли секунды. В целях экономии времени (и денег) он говорил: «Привет, баба-дед!» Во время каждого третьего разговора он успевал еще услышать в трубке шуршание, которое должно было означать: «Привет, Максиляйн!», и связь прерывалась. Или у него вырывали трубку.

Других телефонных контактов, кроме бабушки с дедушкой в Хельсинки, у него не было. Отец Макса придерживался той точки зрения, что общаться по телефону с человеком, живущим в том же городе, это извращение: его ведь можно навестить. С особой строгостью Максу был запрещен другой, еще более опасный вид извращения: болтать после обеда со школьными друзьями, с которыми он пару часов назад имел возможность непосредственного, личного общения. Поскольку Максу практически никогда не разрешалось звонить, то и ему почти никто никогда не звонил. И каждый раз, когда его все-таки настигал чей-то звонок, он под действием своего благоприобретенного синдрома «Привет, баба-дед!» впадал в панику и был не в состоянии ни собраться с мыслями, ни подобрать слова.

С годами он научился удерживать нить разговора долее чем несколько секунд. С тренированными партнерами ему иногда даже удавалось обменяться несколькими словами. На то, чтобы поболтать, его никогда не хватало. А когда наступала пауза, у него внутри включался какой-то счетчик и он уже был не в состоянии выдать из себя ни одной членораздельной реплики.

С учетом всего этого его вопрос: «Ты мне только что звонила?», которым он завершил минуту молчания, был не так уж плох. К сожалению, Катрин ответила сонным голосом:

— Нет, с чего ты это взял?

— Твой номер высветился у меня на дисплее, — вырвалось у него само собой.

— А... Ну, значит, я перепутала номер. Извини.

Макс пропустил мимо ушей откровенную неубедительность ее ответа. Он был горд тем, что она спутала чей-то телефон именно с его номером.

— Я, собственно, хотел тебя спросить: ты не хочешь перед работой

заглянуть ко мне на чашку кофе? — храбро произнес он, радуясь этой храбрости.

— С удовольствием, — ответила она.

Ее ответ прозвучал одновременно с последними словами его вопроса.

— В восемь?

— В восемь!

— Ну, значит, до скорого?

— До скорого.

— Я очень рад.

— Я тоже очень рада.

— Жду с нетерпением.

— И я тоже.

— Ну, пока?

— Пока.

«Какой классный разговор получился!» — подумал Макс и еще какое-то время держал трубку в руках, как памятный подарок.

В парке Эстерхази до ее сознания вдруг дошло, что она написала ему, что хочет с ним спать. (И что это было чистой правдой.) И что он ответил: «Я тоже хочу этого». И что сейчас она направлялась к нему. В надежде на то, что он не думает, что она ждет, что их общее желание сейчас должно исполниться. И что он не станет ничего предпринимать в этом направлении. У нее было полчаса. Она хотела просто увидеть его. Просто сказать ему «здравствуй». Просто выпить кофе и удержать свое смущение на каком-то приемлемом уровне. Ей все же как-никак предстояло еще принять с дюжину пациентов, прежде чем ей позволено будет в тридцатый раз отметить свой день рождения.

В подъезде она наспех составила краткий каталог поведенческих форм для сцены в дверях: если он откроет дверь в пижаме, она закричит. Если он откроет дверь в халате, она убежит. Если он откроет дверь голым, она закричит и убежит.

Он был одет. Она бросилась ему на шею. Он прижал ее к себе. Она почувствовала его горячую щеку на своей холодной. Так, обнявшись, они простояли около получаса. Потом ей нужно было идти. Нет, они простояли так несколько секунд, которые показались ей получасом. После этого никакого кофе не было. Никто его не сварил. И к кофе тоже ничего не было. Никто даже не подумал об этом. Ничто не отвлекало их друг от друга. Это было замечательно.

Они сидели на диване, бок о бок. Он держал ее руку в своей. Они

говорили о каких-то мелочах, по-видимому, рассказывали что-то друг другу о своем детстве. Им было все равно, что они говорили друг другу. Они ни о чем не думали и не запоминали ни слова из своих рассказов. Они просто привыкали друг к другу и искали точки внутреннего соприкосновения.

Это были маленькие истории, рассказывая и слушая которые можно смотреть друг другу в глаза, кивать друг другу, улыбаться друг другу, хотя ничего смешного в этих историях нет. Влюбленные рассказывают друг другу не смешные истории, а истории, которые дают им обоим возможность ощущать свою влюбленность и при этом не молчать. Это были истории, позволяющие вслушиваться в руки друг друга, читать движения пальцев и ладоней.

«Можно было бы уже давно поцеловаться...» — подумала Катрин. Это были истории, которые не просто не помешали бы этому. Это были истории, как будто специально созданные для этого. Истории, которые легко можно было прервать в любом месте. Истории, которые потом совсем необязательно было бы продолжать.

— О чем мы только что говорили? — спросил бы один.

— Не помню... — ответил бы другой.

И можно было бы опять поцеловаться. И уже не прерывать поцелуя. Так заканчиваются подобные истории — поцелуи, оправленные в слова.

— Мне пора, — сказала Катрин и потеряла его руку.

Она, конечно, могла его сейчас поцеловать, но это показалось ей слишком рискованным. А он должен был хотя бы спросить: «Когда мы увидимся?» Он уже повернул к ней голову и придал лицу выражение опережающей события тоски, но так и не спросил. Они обнялись. У Катрин уже готово было сорваться с языка:

— Ты сегодня вечером свободен?

Но тут мимо протащился Курт. Его клонило в сон. Это был уже не тот Курт, который несколько дней назад проснулся рядом с ней в ее кровати.

— Можно, я возьму его с собой? — спросила Катрин. Просто чтобы задать интересный вопрос и из жалости к себе самой, которая охватила ее при мысли о том, что ей сейчас придется без поцелуя, без Макса и без кофе выйти на офтальмологические подмости, под софиты разнокалиберных линз целой своры жаждущих прозрения пациентов. Она вдруг остро ощутила потребность в защитнике и связующем звене.

Макс удивился, но проявил великодушие. Конечно же, она может взять Курта с собой. Она может брать его когда угодно.

— Моя собака — это твоя собака, — сказал он и вместо поцелуя сунул ей в руку поводок, на другом конце которого Курт отчаянно боролся с

бодрствованием за здоровый утренний сон.

— А когда ты его заберешь? — спросила Катрин. На самом деле ее вопрос означал: «Когда мы увидимся?»

Он должен был ответить:

— Когда хочешь. Приходи с ним вечером ко мне.

Но он ответил:

— Если ты не против, я заберу его завтра в обед.

Она была против, но сказала:

— Хорошо. Договорились.

На лестнице Курт не позволил себе ни единого проявления своеволия — ни единого писка «говорящего» сэндвича, ни единого шага в направлении, противоположном движению Катрин. Он чувствовал, что с ней сейчас шутки плохи и что он будет первым и единственным, кто почувствует ее дурное настроение на собственной шкуре.

В обед и два раза после обеда Макс звонил Катрин и справлялся, как дела у Курта. И у нее. Курт спал посередине приемной. Время от времени о него спотыкался какой-нибудь особенно близорукий пациент, но Курт, судя по всему, спал слишком глубоко, чтобы кусать его в отместку за ногу. Катрин давала краткие, вежливые, доброжелательные ответы. Так она, по-видимому, разговаривала со своими пациентами. Макс чувствовал бы себя более уютно, если бы ее ответы были менее краткими, вежливыми и доброжелательными.

Вечером опять пошел снег. Макс отправился к Пауле, чтобы выслушать новую версию старой песни о критическом пересмотре прошлого. Эта затея казалась ему смешной. Зачем он шел к Пауле? Что он там потерял? Почему он не пошел к Катрин, которую любил? Почему не сказал ей, что он уже ни минуты не может прожить без мыслей о ней и готов сделать для нее все — например, взорвать и за один день заново отстроить Рим, — лишь бы она позволила ему, целуясь с ней, испытывать тошноту?

Звоня в дверь Паулы, он поклялся себе, что сегодняшняя лабораторный опыт под названием «Жирная Сиси» будет последней попыткой изменить естественные процессы с помощью кустарной медицины.

В квартире Паулы собрались все курительные свечи арабского мира, чтобы сообща раскурить биологически усвояемый мегакосяк. С дюжину ароматических... нет — целебных свечей придавали запаху медицинско-

психоделическую ноту и заодно освещали помещение. Из горячих клубов дыма вышла Паула. Ее обнаженные плечи, живот и ноги, яркий макияж в контрастных тонах — все это складывалось в образ знойной индийской женщины, которой хотелось и, вероятно, можно было обладать немедленно; и то и другое было результатом мастерски инсценированного наркотически-галлюцинаторного хеппинга. Поскольку Паула всегда стремилась к логической завершенности своих экстравагантных клише, общую композицию довершала группа «Pink Floyd», исполнявшая «Dark Side of the Moon».^[22]

— Что это за цирк? — спросил Макс. — Ты что, решила провести свою школьную юность?

— Угадал. Только не свою, а твою, — ответила Паула.

На этот раз ее губы выглядели особенно плотоядными. Или они просто показались ему такими вблизи? Входная дверь была заперта. Правда, ключ торчал в замке, как с удовлетворением отметил про себя Макс. Его угнетало уже то, что он вынужден был думать о таких вещах.

Паула взяла его, как пациента, за руку, провела в свой окуренный и охраняемый горящими светильниками медитационно-лабораторный салон, с ласковой настойчивостью усадила на паркетный пол, устланный коврами и подушками, и сама устроилась рядом.

— Что ты собираешь со мной делать? Соблазнять? — с наигранной веселостью спросил Макс.

— Нет, всего лишь целовать. Должен же ты когда-нибудь этому научиться? — ответила Паула, разминая губы, как трубочку.

Макс хотел встать и уйти, но тут на стене вспыхнул квадрат света с закругленными углами: Паула включила диапроектор. Раздался щелчок, и на экране появилась «она» — во весь рост, мощная, неотвратимая, как судьба, классическая молодая соседка, которую мы видим сто раз в день и на сотый раз уже не узнаем. Симпатичная, но не очень. С честным взглядом типа «у меня сегодня критический день, но это меня не огорчает». И со свежей улыбкой типа «я варю лучшее абрикосовое варенье на свете». В сочетании с крепким носом типа «кому не нравится — его проблема!», напоминающим лыжный трамплин. Над которым навис узкий лоб типа «была охота думать, мозги ломать!» А на голове искусно мелированные, намертво схваченные гелем короткие светлые волосы, застывшие в художественном беспорядке, — то, что называется «я расческу потеряла и хожу теперь как есть». Одна рука, сжатая в кулак, упирается в бедро. Одна нога, осеняемая юбкой, выставлена вперед, словно с целью продемонстрировать незаслуженно обделенную признанием эротичность

мощных икр. Женский образ — как генеральная исповедь. Это была она. Это она лишила Макса сознания одним поцелуем — Лизбет Виллингер, жирная Сиси.

— Ну как, припоминаешь? — спросила Паула.

— Смутно... — пробормотал Макс, подсознательно употребив короткое слово, однокоренное с «муторно», и прижал обе руки к груди, словно пытаясь прикрыть первые тревожные всполохи назревающей в недрах желудка грозы.

— Выглядит совсем недурно, даже хорошенькая, — сказала Паула и еще раз нажала на кнопку диапроектора.

Полномасштабное изображение Сиси сдвинулось в сторону, уступив место увеличенному фрагменту — снимку головы. Паула лазерной указкой обвела рот Сиси и сказала:

— Безупречно симметричный рот, плавные очертания, губы не вздутые, здоровые белые зубы... Послушай, неужели этот рот до сих пор вызывает у тебя отрицательные эмоции?

Макс сделал глубокий вдох и решил не тратить силы на ответ. При условии полной неподвижности этих губ на стене и его самого он мог бы продержаться еще несколько секунд.

— Так... — деловито произнесла Паула. Это прозвучало угрожающе. — Сейчас мы выполним ровно пять упражнений!

«Нет, Паула, сейчас мы не выполним ровно ни одного упражнения!» — подумал Макс. Но дальше мыслей его сопротивление не пошло.

— Если тебе станет плохо, стукнешь три раза кулаком по полу и я сразу же прерываю упражнение, — пообещала Паула.

Макс с такой силой постучал по полу кулаком, что арабская дымовая завеса поколебалась. Но Паула безжалостно продолжала упражнение.

Упражнение первое: поцелуй с закрытыми глазами. Губы Паулы обрушились на его рот тяжелым тропическим дождем. Он постучал по полу. Паула сверкнула на него свирепым индейским взглядом и невозмутимо продолжила упражнение. Макс почувствовал ее язык у себя во рту, острый, грубый и, к счастью, относительно сухой. Он хотел думать о Катрин, но ему было стыдно. Ему вспомнилась стонущая Натали в своем влажно-ликующем любовном экстазе. А за ней его уже подстерегала жирная Сиси. Выскочив вперед, она стиснула его щеки пальцами-сосисками и вдохнула ему в нос свой уникальный фирменный аромат «Первый поцелуй». Макс трижды стукнул по полу.

— Пять секунд, — сообщила Паула, заплечных дел мастерица. — Нет,

это не результат!

Упражнение второе: поцелуй с открытыми глазами. Начало его было многообещающим. Огромные зрачки Паулы светились, как капли росы среди зеленого мха. Ее лицо, напряженно-просветленное, напоминало лицо помешанной на спорте южноамериканской преподавательницы физкультуры, отдающей своему любимому ученику, неумелому и неопытному европейцу. Макс почувствовал, как в нижней части его туловища просыпаются некие силы. Но тут он вспомнил про Самуэля, ее друга. Что бы он, интересно, сделал, если бы застал их за этим занятием? Что было бы, если бы он сейчас вошел в комнату? От этой мысли его желудок устремился вверх, и он в ту же секунду увидел свиной пятак жирной Сиси. Она провела языком по верхней губе и пожелала ему приятного аппетита. Макс постучал по полу.

— Одиннадцать секунд, — подытожила Паула. — Значит, с открытыми глазами тебе целоваться легче, чем с закрытыми, мой милый.

— Это с тобой! — уточнил Макс, решив, что она заслужила комплимент, и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— А сейчас переходим к самому приятному упражнению! — объявила Паула. — Теперь ты можешь помогать себе руками.

Макс улыбнулся, изображая радость предвкушения.

— Но только до сих пор, — прибавила она и жестом исполнительницы танца живота коснулась рукой пупа.

На этот раз Макс добился внушительного результата: двадцать секунд. Столько времени ему понадобилось на решение вопроса, как воспользоваться руками, чтобы не оскорбить красоту Паулы, не разрушить дружбу, не злоупотребить свободой, предоставленной ему в рамках учебно-экзаменационного мероприятия, ради своих корыстных, развратных интересов и избежать чувства, что он вместе с ней предает Самуэля. Мысли о Катрин оказались недостижимой целью. Она ждала где-то за пределами Солнечной системы. И наверное, уже даже не его, а кого-нибудь другого.

Конечно же, ему хотелось положить руки Пауле на грудь и держать их там как можно дольше. А кому на его месте не захотелось бы этого? Он, по-видимому, был единственным совершеннолетним мужчиной западного мира, который получил право трогать ее груди и не реализовал его. А между тем это было не так-то просто, найти в верхней части ее тела место, совершенно изолированное от бюста и никак не связанное с ним тематически. Макс понимал, что упускает шанс века. Но он, в конце концов, пришел сюда не для забавы.

Во время подобных рефлексий, сопровождаемых учащенным пульсом,

секунды летели со скоростью света, и Макс совершенно забыл о двух языках, в спортивно-боевом задоре сцепившихся друг с другом. Ему наконец удалось отыскать место для своих рук. На спине, вблизи лопаток, на уровне груди, имелись упруго-эластичные мышечные утолщения, которые он мог массировать с чистой совестью.

Но теперь, когда наступил относительный чувственный покой, жирная Сиси вновь проникла в его сознание и послала ему воздушный поцелуй со вкусом рыбьего жира. Макс трижды стукнул в пол. Паула была разочарована. Она ожидала полного успеха.

Теперь ему никуда было не деться от упражнения четвертого: поцелуй при одновременном визуальном контакте с изображением Лизбет Виллингер во весь рост. Ему потребовалось всего семь секунд, чтобы перенестись от миловидной Лизбет к ее жирному прототипу. После этого он вынужден был энергично постучать по полу и попросить продолжительного перерыва при открытых окнах.

Упражнение пять: поцелуй при одновременном визуальном контакте с увеличенным фрагментом Лизбет Виллингер. То есть ему надлежало во время поцелуя смотреть мимо повернутого в сторону лица Паулы прямо на губы Сиси на стене. Через сорок секунд Паула сама прервала упражнение.

— Что с тобой? Ты что, излечился? — спросила она.

Как ни странно, рот Сиси, от которого видны были практически только зубы, действовал на Макса успокаивающе. Вид этих белых здоровых зубов лишил детскую психологическую травму ее гнилого вкуса. Макс чувствовал себя целующимся марафонцем. Его взгляд описал уже с дюжину кругов вокруг губ Сиси, причем без всякого риска поскользнуться и сорваться в страшный омут. Первые круги еще стоили некоторых усилий. Но с каждой секундой Макс чувствовал себя на этой окологубной орбите все уверенней и легче. В конце концов его полет перешел в автоматический режим. При этом он ощущал приятное головокружение и, уподобившись космическому спутнику с дистанционным управлением, совершал все новые и новые витки.

В то же время он успел уже привыкнуть к языку Паулы. Тем более что он не пытался внедриться дальше заднего нёба. Ощущение его влажности постепенно утратило свою опасную остроту. Макс вдруг мысленно перенесся назад, к тому испытанию мужества, устроенному «Кровожадными пиратами». Он услышал их крики: «Браво, Макс, король поцелуев! Макс, крутой чувак! Давай-давай, Макс, лови кайф!» — и, приготовившись к мощным натискам тошноты, с ужасом подумал, что Паула, увлеченная поцелуем, может не услышать его стука. Но ничего не

происходило, желудок находился в состоянии покоя. Его глаза продолжали свой полет вокруг губ Сиси. Макс почувствовал в себе способность выдержать испытания любой степени сложности. Он готов был целоваться еще хоть час.

— Поздравляю, — сказала Паула и потрепала его по плечу.

— Спасибо... — прошептал Макс в изнеможении.

— Как говорится, получи и распишись. — Паула выпрямилась.

— Что «получи»?

— Решение твоей проблемы. Тебе нужна фотография ее губ. С этого дня ты должен постоянно носить ее с собой. И чтобы пользовался ей при каждом поцелуе, понял? — Паула опять превратилась в строгую аптекаршу.

— Может, это была случайность? Единичный успех? — с сомнением спросил Макс.

— Это тебе придется выяснить на опыте, мой милый, — сказала Паула, подошла к письменному (медитативному) столу и вернулась со стопкой фотографий — Лизбет во всех ракурсах и масштабах, в том числе три превосходных снимка губ.

— Паула...

— Знаю, знаю, — перебила она его. — Я проявила чудеса самопожертвования и великодушия.

— Даже не знаю, как тебя отблагодарить. Что я могу тебе за это предложить?

— Поцелуй... Но необязательно сегодня.

Двадцать первое декабря

В волосатой дратхааровской груди Курта жили две души: одна знакомая и одна неведомая. Одна спала. Другая только что проснулась рядом с Катрин. Что произошло? Долгое время не происходило ничего. В клинике доктора Харлиха до полудня — душа номер один. В сцене с доктором Харлихом («Что это тут такое на полу?» — «Ничего особенного, просто ковер». — «Это слишком толстый ковер, прекрасная фройляйн. Наши клиенты спотыкаются о него». — «Хорошо, я сегодня же его заменяю».) — душа номер один.

Во время вечерней прогулки в парке Эстерхази — душа номер один. (Катрин уже была близка к тому, чтобы позвонить в собачью Армию спасения и сообщить, что в парке Эстерхази под таким-то кустом лежит чья-то — а может, и бродячая — собака со смерзшимися усами, которая явно нуждается в помощи. Но потом все же заставила себя оттащить этого несносного пса к себе домой.) Дома, в рамках программы вечернего досуга (Help TV,^[23] Дорис Дёрри,^[24] миланская мода, «Курт рассказывает постельную историю», Дебюсси, Интернет и телефон), — душа номер один. «„Вильдбойшель“?» — «Спасибо, чуть позже» — душа номер один. «Как насчет ночного сна?» — «С удовольствием! Сию минуту!» — душа номер один.

Когда Катрин засыпала, он лежал рядом с ней на столетнем красном спальном мешке, созревшем для роли собачьей подстилки, покрытом романтической коркой грязи и другими следами путешествий по железной дороге и автостопом, и нежил свою душу номер один. Когда она проснулась, он стоял рядом с другого бока, терся носом о ее подбородок, пыхтел, как три ездовые собаки после дневного перехода, и рассказывал ей историю о немецком дратхааре, о котором некому было позаботиться, и поэтому он вынужден был начать переработку деревянной мебели на зубочистки. Свой рассказ он иллюстрировал то ржанием «говорящего» сэндвича, то таким разухабистым лаем, как будто хотел за две минуты выразить все, что накопилось в его голове за целую неделю. Это однозначно была душа номер два, дремавшая до поры, как вулкан, и теперь громогласно напомнившая о своем существовании.

Момент для активации души номер два Курт выбрал далеко не самый благоприятный — за считанные минуты до прибытия Шульмайстер-Хофмайстеров, визит которых был обусловлен изменением в программе

празднования Рождества и дня рождения Катрин. За совместным семейным завтраком Катрин собиралась покончить с многолетней перманентной озабоченностью родителей по поводу ее неустроенности. Она решила по случаю своего предстоящего тридцатилетнего юбилея сообщить им, что у нее все в порядке, что она счастлива, что за спиной у нее благополучное детство и не самая серая юность. Что она очень недурно чувствует себя в своей милой холостяцкой квартире с теплой, уютной кроватью, которую ей не надо ни с кем делить. Что ее лесбийские устремления исчерпываются тем, что на тонущем «Титанике» она предпочла бы погибнуть в объятиях Кейт Уинслет, а не в объятиях Леонардо ди Каприо. Что с мужчинами в ее жизни дело обстоит следующим образом: они ее вполне устраивают, но только не у нее дома и только на ограниченный срок. Если кто-то зависнет на дольше — хорошо. Если не зависнет никто — еще лучше.

Да, а еще она намерена была сообщить им, что у нее уже есть мужчина, некий Макс, который кажется ей довольно занятым типом и в которого она, нельзя не признать (тем более что мать уже в курсе), даже немного влюблена. Возможно, в ближайшие месяцы — может, уже летом — выяснится, не является ли он одним из тех, с которыми она в принципе могла бы представить себе, что при определенных условиях... и т. д. И конечно же, они вскоре обязательно познакомятся с ним, например, на следующее Рождество. А поэтому: счастливого Рождества в нынешнем году!

Кстати, о Рождестве и чтобы уж расставить все точки над «i»: этот сочельник она намерена провести с Куртом. А кто такой Курт, она им быстро и очень наглядно продемонстрирует. Она подведет их к кровати, а на ней будет лежать он — воплощение души номер один. Она приложит палец к губам и скажет: «Чччч!» Отец с полуоборота (Курта) поймет, что собаки — тоже Божьи твари, простит их и постепенно излечится от своей психологической травмы, полученной при продаже агрегатов для сушки белья. А мать, скорее всего, попросит носовой платок. У нее появится чувство, что она только что стала бабушкой. Это будет настоящее рождественское чудо, и родители вернутся домой в полном восторге.

Однако Курт упорно не желал дезактивировать душу номер два и свирепо облаивал окопавшийся под кухонным столом «говорящий» сэндвич, когда родители заявили о своем прибытии звонком в дверь. Причем они явились втроем. Они захватили с собой Аурелиуса.

Макс, как и было условлено, пришел в обед, чтобы забрать Курта. В заднем кармане джинсов у него лежало фото Лизбет Виллингер. На всякий

случай. Он собирался, обняв Катрин, вынуть его левой рукой и расположить у нее за плечом таким образом, чтобы поверх ее головы смотреть на губы Сиси и описывать глазами круги на окологубной орбите. Если Катрин случайно перехватит его устремленный вверх взгляд, она вряд ли заподозрит неладное, потому что истолкует этот взгляд как беззвучный ликующий вопль: «Боже, как хорошо! Слава Всевышнему!» А когда поцелуй будет закончен, он прижмет ее голову к груди и незаметно спрячет фото. Гораздо сложнее дело обстояло с поцелуем в положении лежа. Но об этом пока еще рано было думать.

Еще в подъезде он услышал бешеный лай, источником которого мог быть только Курт. Ему вторил немощным эхом хор возбужденных человеческих голосов. Это было похоже на экстренное собрание жильцов по поводу стихийного бедствия в виде сорвавшегося с цепи немецкого дратхаара. Макс нажал на кнопку звонка, и, когда дверь открылась, внутренний голос убедительно намекнул ему, что адрес он не перепутал, но время визита выбрал не самое удачное. Через несколько минут эта дверь еще раз открылась и закрылась, выпустив на лестничную площадку Макса уже в обществе Курта, который был обмотан шарфом, обеспечивавшим относительную звукоизоляцию и придававшим ему сходство с древними мумиями. Оба, не сговариваясь, дружно обратились в бегство, стараясь, чтобы их след простыл как можно скорее.

Макс даже не пытался втиснуть свои впечатления в русло некоего более или менее законченного сюжета. Ему вполне достаточно было отдельных «моментальных снимков» отчасти знакомых, отчасти незнакомых лиц. Например, этот уже однажды встречавшийся на его пути Хуго Босс Младший, который явно принадлежал к числу домочадцев. Его лимонно-кислый взгляд выражал признание в банкротстве. На руке его висел, как свежий труп, светло-серый пиджак, который выглядел как после земляных работ в парке Эстерхази и источал специфический запах Курта.

Рядом с ним, в позе утешителя — мамаша Босс, дама не первой свежести, олицетворение нечеловеческой скорби, в глазах которой Макс успел прочесть: «Я упрячу вас за решетку!» А на заднем плане — трагический мужской персонаж с жиденькими седыми усиками. Этот человек, вероятно, и был главной жертвой разыгравшейся драмы.

И наконец, Катрин. Она улыбалась, как человек, который только что услышал смешной анекдот, но вынужден сдерживать смех, боясь нарушить приличия. Она была красива. Слишком красива, чтобы кто-то мог заставить ее признаться в том, что с Куртом были проблемы и в результате этих проблем пострадали присутствующие или уже покинувшие сцену

персонажи. Макса она ни в чем не винила.

— Он вдруг проснулся, — шепнула она ему на ухо и, подняв плечи, изобразила руками лепестки распустившегося тюльпана. — А потом он лизнул его в шею... — Она кивнула в сторону Хуго Босса. — А тот уронил свой пиджак... — Она улыбнулась. — И Курт немного поиграл с ним. — Теперь ей уже пришлось прилагать серьезные усилия, чтобы не смеяться слишком громко. — Он изображал в нем бег в мешке!.. — Тут ей уже не помогли никакие усилия, и она громко расхохоталась. Лимонная кислота во взгляде Хуго Босса перешла в грейпфрутовую. — А это мои родители. Познакомьтесь...

Но до знакомства дело не дошло, потому что вмешался Курт, заявив о себе и о своей душе номер два оглушительным лаем. При этом он с головокружительной скоростью носился вокруг своих новых любимцев, прыгал им на грудь и на плечи, радостно лизал их стрижки и шестимесячные завивки, вновь отпрыгивал от них, бросался за своим «говорящим» сэндвичем, разбрызгивая по сторонам обильные слюни, и...

— Я думаю, нам сейчас лучше уйти, — сказал Макс, не желая показаться невежей.

Катрин улыбнулась и послала ему сквозь приоткрытую дверь беззвучный поцелуй.

Двадцать второе декабря

Они собирались вместе провести день, то вдвоем, то втроем (с Куртом). Не исключено, что они провели бы вместе и ночь. И следующий день. И может быть, еще одну ночь. Катрин было все равно, как называлось то, что между ними начиналось. Вероятно, любовное приключение. О меньшем она уже думать не могла. А думать о большем было глупо. Макс ведь через два дня должен был уехать. Курт, правда, оставался с ней (и она была этому рада, она любила Курта, он на глазах ее родителей изображал бег в мешке с помощью пиджака Аурелиуса!). Но ничего однозначно предсказуемого за этим последовать не могло.

Тем более что после Рождества все обычно выглядит уже совсем по-другому. Но как бы это «все» ни выглядело, для Катрин оно почти всегда означало изменение к лучшему. («Лучше так, чем...») Так что нужно только продержаться эти два дня, думала она. И «любовное приключение» было как раз блестящей прелюдией к построждественским переменам. А потом ей останется собака и воспоминание. Вот в таком трезвом ключе она — при желании — могла рассматривать происходящие события. А желание было. Только вот *чувствовать* в таком трезвом ключе она, к сожалению, не могла. Но хотела научиться. Может, ей удастся это за рождественские праздники?

Все вышло иначе. После обеда они расстались. Она, правда, любила его, но он оказался извращенцем. Одним из тех на первый взгляд нормальных, ласковых, чувствительных мужчин, которые потом в один прекрасный день подстерегают тебя в ванной с ножом в руке — плачут и говорят, что должны сделать это для своей матери, и в конце концов наносят тебе множественные ножевые ранения.

Она застучала его с фотографией, которую он, целуясь с ней, держал у нее за спиной. На фотографии были женские губы. По-видимому, его бывшей подружки. (Если, конечно, это не губы его матери!) Это же ненормально! Или нормально?.. Она благодарила Бога... нет, не Бога, а свое собственное физическое самообладание за то, что еще не успела раздеться догола.

Они уже лежали на оранжево-красном замшевом диване, завалившись на него во время поцелуя. Макс целовался из рук вон плохо, как гимназист, в первый раз ощутивший у себя во рту чужой язык. Но это ее ничуть не смущало. Она чувствовала его вождение, которое он выражал открыто и

уверенно. Это захватило ее. Это свалило ее с ног. Он хотел обладать ею. И она уже готова была отдаться ему. Такого желания она не испытывала уже много лет. Испытывала ли она вообще когда-нибудь такое желание? «Обладать», «отдаться» — уже одно только звучание этих слов лишало рассудка! Но до этого не дошло.

Его рука за спиной оказалась прижатой к дивану. Катрин повернула его на бок, чтобы освободить его руку. Он сопротивлялся. Он не хотел высвобождать руку. Это было странно. Это не имело никакого рационального объяснения с точки зрения секса. Ведь руки в такой ситуации были нужны. Или не нужны?

Ей показалось, что он от нее что-то скрывает. Что в руке у него что-то спрятано. И она не ошиблась. Это была фотография. Она взяла ее в руку — губы... Тьфу! Нет, она не смогла его спросить, зачем это фото, для какой цели оно ему понадобилось. Она боялась объяснений, боялась услышать какое-нибудь признание извращенца, а еще больше — какую-нибудь жалкую отговорку, боялась внезапного столкновения с какой-нибудь трусливой пошлостью.

— Это совсем не то, что ты думаешь, — прошептал он.

Но она не думала вообще. Он прятал в руке фото с какими-то губами. Так что думать тут было нечего. Это явно была какая-то патология.

Застегивая блузку, она чувствовала себя униженной. В то же время она чувствовала, что не может просто так отказаться от этого мужчины, который сидел на диване с видом нашкодившего школьника. Она поймала себя на том, что ищет чего-то, что хоть как-то облегчило бы ей неизбежный разрыв — какую-нибудь часть его, некое связующее звено, некий стыковочный модуль. Ей не пришлось долго искать. «Модуль» лежал под креслом и спал. Катрин не стала спрашивать ни того ни другого.

— Пошли, Курт! — приказала она.

Курт помедлил с выполнением приказа только потому, что еще не успел проснуться. Но сразу же после пробуждения он безоговорочно последовал за ней.

— Я думаю, так будет лучше, — сказала она Максиму на прощание.

Из ее слов не явствовало, что именно «будет лучше». Она и сама этого не знала. Но она видела много фильмов, которые заканчивались подобными горестными сценами. Она всегда восхищалась мужеством людей, которые в таких отстойно-обломных финальных сценах были в состоянии произнести: «Я думаю, так будет лучше». Она гордилась собой, гордилась тем, что покинула квартиру с чувством собственного достоинства (и с собакой). Гордость улетучилась уже у двери подъезда. А на улице перешла

в ледяную слякоть.

Макс не испытывал печали. Он просто подумал: «Жаль». Может, он даже произнес это вслух. Краткое «жаль» в сочетании с растерянным пожиманием плеч. А потом прибавил: «Не повезло». Эти две реплики доказали ему, что при желании можно невозмутимо принимать любые удары судьбы, какими бы сокрушительными они ни казались. Конечно, он сейчас мог бы вонзить себе в брюхо штопор и вытащить наружу пару метров кишок. Это было бы, во всяком случае, не менее адекватной реакцией на случившееся, чем его «жаль» и «не повезло». Потому что если бы его несколько часов назад спросили, что для него в отношениях с Катрин было бы страшнее всего, он ответил бы: «Если бы она застучала меня во время поцелуя с фотографией». Именно это и случилось. Жаль. Не повезло.

Таков был финал истории. Макс сидел на диване и ждал, когда пройдут два дня, оставшихся до его отъезда. До начала путешествия, которое его уже не радовало. Ему уже не нужно было никакого подводного плавания. Ему вообще больше ничего было не нужно. Кроме одного: Катрин. Но ее он только что потерял. Жаль. Другие женщины его не интересовали. Не повезло. Значит, ему придется состариться в одиночестве, без всякой охоты к подводному плаванию и к чему бы то ни было вообще. Жаль. Не повезло. Он был слишком несчастен, чтобы жалеть себя.

У него теперь не было даже собаки. (Он уже никогда не отважится потребовать Курта назад.) Если бы он сейчас сказал себе, что ему не хватает Курта, он не поверил бы себе. Но это была правда.

Курт был циником. Он оставил дома свой «говорящий» сэндвич, а вместо него взял с собой фото с губами. Наверное, на память о своем извращенце хозяине, подумала Катрин. Фото было измято до неузнаваемости и торчало из пасти, осеняемое густыми усами. Курт перекачивал его, как сигарету, из одного угла пасти в другой. Это придавало его морде почти портретное сходство со среднестатистическим американским игроком в бейсбол, жующим жевательную резинку, и оправдывало дебильное выражение его прищуренных глаз. К тому же это была игра, в которую можно было играть в полусне. После своих утренних приступов гиперактивности Курт вернулся в прежнее состояние, то есть активировал свою душу номер один. «У него тоже проблемы с психикой, — подумала Катрин. — Неудивительно — при таком хозяине».

Как себя чувствовала Катрин? Спасибо, плохо. Так плохо, что не смогла усидеть дома. Достаточно плохо, чтобы отправиться за последними рождественскими покупками. Курту пришлось тащиться вместе с ней. Он по-прежнему не расставался с перешедшим в его собственность фото «Женские губы». Катрин решила купить ему бейсболку, чтобы придать завершенность образу. Он примерил пять штук и остановил свой выбор на последней. Во всяком случае, он не сбросил ее. Это была черная бейсболка с ядовито-зеленой надписью «Hells Bells».^[25] Может, Курт был любитель тяжелого рока, а может, ему просто надоело примерять кепки.

Матери она купила розовую ночную сорочку. У нее, правда, уже было две розовые ночные сорочки, но одна из них была слишком старомодно-розовой, другая слишком новомодно-розовой. А эта представляла собой как раз розовую середину. Кроме того, ночных сорочек не бывает слишком много, подумала Катрин. Она уже предвкушала удовольствие услышать это из уст отца.

Отцу она решила подарить настенные часы, специальные часы с кукушкой для воинствующих зоофобов. Продавщица крупнейшего в городе специализированного магазина выставила перед ней на прилавок три модели тикающих деревянных ящиков, из которых каждый час под звуки охотничьих рогов выскакивали вооруженные дробовиками егеря и палили из своих ружей (в три часа — три выстрела, в семь часов — семь выстрелов и т. д.). Изучая предложенный товар, Катрин вдруг заметила, что ей не хватает трех вещей: во-первых, охотничьего инстинкта для выбора часов, во-вторых, собачьего поводка в руке, в-третьих, самой собаки на поводке.

Поисковая операция, в которой принимал участие и весь персонал отдела настенных часов, была прекращена через полчаса. Курт чихнул и выдал свое местонахождение. Через приоткрытую дверь он проник на склад часовых изделий, в темное, обширное помещение, и сидел там как ни в чем не бывало в молитвенно-созерцательном оцепенении перед каким-то мрачным комодом. Его широко распахнутые глаза, прикованные к некоему стоявшему на комодке предмету, светились неподдельным восторгом. Катрин включила свет и увидела, что объектом его пристального внимания были настенные часы, которые показались ей знакомыми. Даже очень знакомыми. Это были греческие часы с кукушкой, в которых кукушку заменяла целая толпа античных героев. Точно такие же часы висели на стене у Макса. Курт их явно узнал. Таких выдающихся интеллектуальных навыков общения с предметами домашней обстановки Катрин от него не ожидала.

Когда участники поисковой экспедиции собрались вернуться в торговый зал, произошло нечто необычное: Курт отказался последовать за ними. Он упорно отстаивал свое право сидеть перед комодом и смотреть на часы. Эта ситуация отличалась от стандартной — когда он спал и потому не реагировал на уговоры или приказы начать движение. В стандартной ситуации его хотя бы можно было потащить за собой на поводке, как на аркане. На этот раз положение было безвыходное. Курт сидел как примороженный к полу. Он словно сложил воедино все свои телесные и ментальные силы и многократно умножил их — его было не сдвинуть с места ни на миллиметр.

Заведующая отделом уже в пятый раз постучала пальцем по настенным часам, активно намекая, что пора закрывать магазин. В подтверждение ее правоты из всех часов повыскакивали все кукушки и охотники. Первые семь раз прокуковали, вторые устроили свой дурацкий салют из семи выстрелов. Античные герои на складе тоже не заставили себя ждать. Курт неподвижно сидел перед комодом, слегка наклонив голову влево и зафиксировав ее в этом положении. Его крупные, весело искрящиеся стекляшки кофейного цвета казались еще больше, зрачки увеличились вдвое. Курт превратился в колонну оригинальной, собачьей формы, в классический памятник собаке-попрошайке.

Античные герои запиликали какую-то греческую мелодию и забили в барабаны. Курт, казалось, ждал именно этой церемонии. Он приветствовал героев едва слышным литургическим повизгиванием и едва заметным вращением головы. Потом благоговейно задрал морду к своим собачьим небесам. Если бы не анархистская кепка на его голове, его можно было бы принять за набожную собаку.

Фигурки античных героев закончили музыкальную программу и вернулись в свои домики. Курт оказал им последнюю почесть, поклонившись, как английский мажордом. Потом оторвал взгляд от часов, отряхнулся, расслабил мышцы и потянулся. Он только теперь заметил, что Катрин стоит рядом и наблюдает за ним, и ему стало неловко. Чтобы скрыть смущение, он зевнул и сделал вид, как будто ничего не произошло. После этого он безропотно позволил выволочь себя из магазина и, вспомнив о фотоснимке губ Лизбет Виллингер, опять принялся за свою жвачку. Его рокерская бейсболка подпрыгивала в такт движениям челюстей.

Катрин усиленно пыталась расшифровать странное поведение Курта. Про часы для отца она совершенно забыла.

В парке Эстерхази ее встретила тоска по Максусу. Она развернулась и пошла обратно. Но тоска не отставала. Зато Курт остановился как вкопанный. У него был иммунитет от тоски. (Но не от унылых рождественских марш-бросков по пересеченной местности.) Катрин сделала пять кругов быстрым шагом, чтобы обогнать свои мысли и стряхнуть с себя чувства посредством центробежных сил. Это не дало нужного эффекта. Парк Эстерхази был просто пропитан тоской по Максусу. Она выползала из всех закоулков, подстерегала под каждым кустом, сыпалась с голых деревьев. Если Катрин останавливалась, она терпеливо ждала, если Катрин бросалась бежать от нее, она быстро настигала ее. В конце концов они подобрали Курта и втроем пошли к Катрин домой — Катрин, собака и тоска по Максусу.

Когда Курт уснул достаточно крепко, Катрин вытащила из его пасти фотокомок, вымыла под душем, высушила, разгладила и принялась изучать его, чтобы заглушить вызванную им боль извлеченной из него информацией. Через час она убедилась: запечатленные на фото губы не содержали никакой информации. Макс был просто болен, но она любила его. Последней порцией пищи для ее тщеславия в этот день стала попытка разорвать фото на такие крохотные клочки, чтобы от болезненной извращенности его владельца не осталось и следа. Четвертовав фото, она вдруг заметила на обратной стороне бледную надпись. Первое слово начиналось с «Л». Это, скорее всего, было имя, но реконструировать его уже не представлялось возможным. Второе слово сохранилось полностью: «Виллингер».

Листая телефонную книгу, Катрин поймала себя на том, что намерена докопаться до корней этого губного извращенчества, и порадовалась своей неустрашимости. У двух носительниц фамилии Виллингер, обнаруженных в городе, имена начинались с «Л»: Леопольдина и Лизбет. По первому номеру ответил некий господин Хуго. В ходе краткой беседы выяснилось, что Леопольдина упала и повредила ногу, а в ее возрасте (74 года) это не сулит ничего хорошего; что на Рождество приедут дети и внуки и что во всей семье никого с именем Макс нет. А кто она, собственно, такая и по какому поводу звонит?

Вторая Виллингер, Лизбет, сама взяла трубку. У нее был молодой и живой голос. Она оказалась замужней женщиной, ее муж как раз отправился с детьми в двухнедельный отпуск. Нет, ее мужа звали не Макс, а Губерт.

— Вы тоже из лотерейного бизнеса? — спросила фрау Виллингер.

— Нет... э-э-э... Я провожу опрос, — ответила Катрин.

— А на какую тему? — любопытствовала фрау Виллингер.

— Как наши женщины проводят Рождество, — сообщила Катрин.

Сама бы она, услышав такой ответ, в ту же секунду повесила трубку, даже не попрощавшись.

— У меня есть несколько подруг, которые тоже отправили своих мужей с детьми на каникулы и рады хоть немного перевести дух, так что мы все подумали... может, нам всем...

— Ясно. Значит, с подругами, — сократила Катрин ее разъяснения. — Спасибо.

Нет, она не могла быть той женщиной, чьи губы понадобились психически больному Максу для здорового совокупления с другой. Когда Катрин уже готова была положить трубку, фрау Виллингер спросила:

— И вам не нужна моя фотография?

— А зачем она могла мне понадобиться? — удивилась Катрин и вдруг почувствовала два легких удара током в виски.

Фрау Виллингер рассказала, как несколько дней назад при весьма странных обстоятельствах отправила свое фото в одну из лотерейных компаний. Теперь она ждала рекламного подарка.

— А вы, случайно, ничего об этом не знаете? — спросила она. (Может быть, ей следовало разъяснить разницу между лотерейным бизнесом и исследованием общественного мнения?)

— Нет, но мы можем это выяснить, — ответила Катрин и попросила назвать ей фамилию, адрес и телефон контактного лица.

Несмотря на поздний час, мистическая представительница лотерейного бизнеса по имени Паула Штайн все еще была на службе. Во всяком случае, она ответила на звонок.

— Это компания по продаже лотерейных билетов? — спросила Катрин.

— Нет, это Паула Штайн, — ответила дама, но тут же, спохватившись, прибавила: — Вернее, да, в некотором смысле. Вы ведь фрау Виллингер?

— Нет, я не фрау Виллингер, — сказала Катрин. — Но раз уж мы о ней заговорили — нет ли у вас, случайно, ее фотографии?

— Простите, не поняла?.. — произнесла дама странным голосом.

— Может быть, хотя бы фотографии ее губ?..

Дама на другом конце провода молчала. Нельзя не признать, вопрос был не из тех, на которые можно с уверенностью ожидать ответа. Катрин была взволнована. Возможно, она стояла на пороге сенсационного открытия, громкого разоблачения международного преступного

сообщества в виде синдиката, картеля или, на худой конец, секты, а может, кровавой мафии, нелегально торгующей фотографиями женских губ, отмывающей деньги или занимающейся контрабандой в особо крупных размерах. Крестная мать — Паула Штайн. Крестный отец — Макс. Крестная собака — Курт... (Который в этот момент спал.)

— Вы знаете Макса? — спросила Катрин гробовую тишину телефонной линии.

— Если мы имеем в виду одного и того же Макса, то я его знаю, — призналась дама и в свою очередь спросила: — Вы Катрин?

— Да... — ответила Катрин, обеими руками крепко держась за трубку.

— Я думаю, нам с вами нужно поговорить, — сказала дама.

Двадцать третье декабря

Этого воскресенья Макс не ждал. Они повстречались в постели. Воскресенье не оповестило его о своем приходе ни светом, ни звуками, ни запахами. Оно тихо, не неся в себе никакой информации, прокралось в спальню и каким-то подозрительным образом умудрилось настолько незаметно обставить свое присутствие, что Максу не оставалось ничего другого, как проснуться. Воскресенье отреагировало на его пробуждение подчеркнуто равнодушно, то есть никак. И они какое-то время провели в постели, делая вид, что не замечают друг друга.

Макс принял спонтанное решение опять уснуть. Единственное, что для этого требовалось, это не думать ни о чем, что могло бы удержать его в состоянии бодрствования. Ни о Курте, который не лежал и не спал под своим креслом. Ни о Рождестве, которому совсем необязательно было подступать так близко, чтобы вызвать у Макса чувство, что это воскресенье прекрасно обойдется и без него. Ни об отпуске, который вряд ли стоил таких хлопот (укладывание чемоданов, поездка в аэропорт, взлет, посадка, обливание потом, распаковывание чемоданов, растирание кремом от загара, обливание потом, охлаждение, обливание потом, укладывание чемоданов, взлет, посадка, холод). Ни о... нет, ради бога, только не о губах Сиси! До какого идиотизма он позволил себе дойти под влиянием этой сумасшедшей целительницы Паулы!

Ни о Катрин! О ней ему сейчас ни в коем случае нельзя было думать. Он лежал на спине. Она лежала рядом, исчезала, опять оказывалась рядом. Она, как катапульта, метала в него укоризненные взгляды и постукивала правым уголком правого мизинца по фото. Нет, не думать об этом! Она легла на него, она возбудила его. Нет! Он чувствовал каждую точку соприкосновения с ней. Она слилась с ним. Нет! Она подняла голову. Кончики ее волос касались его лба, осыпая его электрическими искрами. Ее миндалевидные глаза были широко раскрыты. (У нее ведь, кажется, миндалевидные глаза?) Из них на него вдруг обрушился звездопад. Бывают взгляды, из которых сразу же явствует, что за ними последует. Нет! Она поцеловала его. Он не сопротивлялся. Он открыл глаза, наслаждаясь этим поцелуем. Она целовала его... — нет, только не это! — губами Сиси.

Остатки сна как ветром сдуло. Это было воскресенье, последний день перед его отъездом. Он стремительно поднялся. Ему нужно было срочно все объяснить Катрин.

Курт положил язык на подбородок Катрин и провел им по всему лицу снизу вверх до самых волос. Она хотя и ответила на это истерическим воплем: «Ффффу! Курт! Пошел вон, свинья!..», но зато наконец приняла к сведению его присутствие и признала необходимость как-то с ним взаимодействовать. Он уже некоторое время стоял у ее кровати, щекотал ей щеки своими дратхааровскими проволочными усами и массировал лапами плечи. Свои действия он сопровождал какими-то евнухоидными распевами сибирских койотов. Но это ему не помогло. Очевидно, во сне люди вообще ничему не удивляются. Только с помощью мокрого языка ему удалось изменить ситуацию в свою пользу. Катрин, в состоянии крайней бодрости и свежести, вскочила и помчалась под душ.

Это было ее третье утро под одной крышей с совершенно неузнаваемым Куртом. После каждой ночи, проведенной у Катрин, он вел себя так, как будто его подменили. Он, закоренелый, отпетый соня, становился... — интересно, как образуется (и образуется ли вообще?) сравнительная или превосходная степень от «бодрствующий»? Он не давал Катрин ни секунды времени на обдумывание вопроса, почему он такой, каким вдруг становился. Он немедленно составлял программу дальнейших мероприятий на ближайшие несколько часов, и Катрин была задействована в этой программе на все сто процентов.

На этот раз они начали с игры. Пересадка комнатных растений. Ревизия содержимого кухонных столов и ящиков (Курт) и возвращение его на прежнее место (Катрин). Прыжки через диваны и кресла, коварно цепляющиеся за когти своими покрывалами и накидками (Курт). Попытки силой воспрепятствовать этим прыжкам (Катрин). Размещение кепки с надписью «Hells Bells» под ящиком с последующим забыванием ее местонахождения, поисками, обнаружением, рычанием и ожиданием, что кепка сама добровольно покинет убежище. В виду отказа кепки добровольно сдаться в руки владельца — повышение уровня громкости рычания. Ожидание, когда у Катрин сдадут нервы и она сама достанет кепку из-под ящика. Это была хорошая игра, в нее они играли подолгу. Потом переходили к следующему аттракциону: «Уважаемые соседи, не подскажите, как мне следует лаять, чтобы добиться от вас угрозы вызвать полицию?» Эту игру Катрин быстро прекращала, и они в конце концов перемещались в парк Эстерхази. Там Курт сначала сметал со своего пути несколько тормозных собак, опрокидывал несколько зазевавшихся детей, орошал и удобрял несколько скамеек и только тогда мог наконец позволить себе полноценный моцион.

После обеда фрау Штайн была у Катрин с визитом. Ближе к вечеру Катрин с ней подружилась. Вечером та откланялась. Это была самая продолжительная, самая чудесная и интенсивная встреча Катрин с Максом. Она решила продлить ее. Она позвонила ему и сказала, что они с Куртом сейчас к нему придут. Макс, судя по всему, не понял, кто такой Курт. Он был даже не в состоянии сказать «да». Ему и не надо было ничего говорить. Катрин была с ним счастлива. Теперь ничего (или почти ничего) плохого уже не могло произойти.

Они пришли незадолго до полуночи. Курта было не узнать. Он все еще находился в состоянии повышенной активности. Правда, теперь это однозначно была собака Катрин, потому что Курт терся о ее ноги, нетерпеливо перебирал задними лапами в ожидании ее реакций, пожеланий или даже приказов. Правда, он несколько раз вежливо покосился в сторону Макса; он, похоже, был рад вновь с близкого расстояния увидеть старину Макса, к тому же в более-менее сносном расположении духа, несмотря на поздний час.

Макс приготовил чай и кофе, охладил шампанское и пиво, открыл две бутылки красного вина, приготовил коньяк и ликер. Квартира была буквально затоплена минеральной водой, яблочным и апельсиновым соком. Повсюду стояли бокалы и стаканы. На всех широких и узких горизонтальных поверхностях подстерегало печенье. Все лампы в квартире были включены, все свечи зажжены. Он приспустил жалюзи и задернул каждую вторую занавеску. Он включил фортепьянный концерт Моцарта, известный, но не слишком знаменитый, — сама ненавязчивость. Музыка звучала с такой громкостью, при которой могла бы звучать неделю и никто бы этого не заметил, а стоило ее выключить, как ее отсутствие сразу бросилось бы в глаза.

Квартиру отличала та идеальная мера гостеприимства, когда сделаны все приготовления к прибытию кого-либо или наступлению чего-либо, которые можно сделать, не зная, кто именно прибудет и насколько или что именно наступит и сколько продлится — (на) минуту, (на) ночь, (на) всю жизнь.

Визит Катрин длился уже больше минуты. Она поцеловала Макса в шею, сунула голову ему под подбородок, повернув ее набок, и зафиксировала ее в таком положении. Он сказал:

— Катрин, я хочу тебе кое-что объяснить.

Она, не глядя, ощупью нашла рукой его губы и приложила к ним два

или три пальца. Так они стояли до тех пор, пока Курту не стало скучно и он не начал принимать меры, направленные на борьбу с этой скукой. Им пришлось разьяснять ему, что день кончился. Они задули все свечи, погасили все лампы, выключили Моцарта и отправились спать. До полуночи больше не было сказано ни слова. И все произошло без единого поцелуя в губы.

Двадцать четвертое декабря

Это была одна из тех ночей, когда человек не испытывает никакой потребности знать, который час. Но, судя по всему, около четырех утра Макс уснул. Голова Катрин у него на груди мерно поднималась и опускалась. Легкие, едва ощутимые раскаты далекого грома под головой приятно щекотали слух. Поверх этих звуков реял чистый бриз, похожий на размеренный шум прибоя. Хорошо, что Макс не храпел. Но даже если бы он храпел, это тоже не могло бы стать поводом для разрыва. Поводов для разрыва больше вообще не существовало.

Катрин, кстати, только что исполнилось тридцать лет, если это кого-то интересовало. Это был, кажется, первый ее день рождения, когда она радовалась тому, что он наступил, а не ждала вечера, чтобы порадоваться тому, что он наконец закончился. «Радовалась» — было, собственно говоря, бессовестной клеветой, жалкой пародией на ЧП вселенского масштаба, произошедшее в ее душе. Она испытывала такой душевный подъем, что могла бы двигать горы. Да что там горы! Она могла бы даже купить елку, принести ее домой и украсить пряниками в форме ангелочков. Почему бы и нет? Счастливые клише не наблюдают.

Ее живая подушка, жесткая и волосатая, пахла Максом. Хорошо бы из этого запаха сделать духи, подумала она. «Макс» — замечательное название для духов. «Макс» — вообще замечательное имя. Она любила его. Макса. Нет, не надо делать из него никаких духов. Этот запах теперь принадлежит ей одной. Она лежала, обхватив его грудь руками и сцепив пальцы у него под спиной. Идеальная поза для заявления своих прав на кого- или что-либо, но далеко не идеальная для сна. Впрочем, Катрин вообще не нужна была поза для сна. Она вообще больше не хотела спать. Эта ночь была слишком дорога для нее, чтобы тратить ее на сон, ей было жаль расставаться с состоянием бодрствования, с сознанием счастья.

Настенные часы в гостиной пробили четыре. Это вызвало в ее мозгу короткую серию отдаленных мыслей: она совершенно забыла про часы для охотников-зоофобов, которые собиралась подарить отцу. Она вообще забыла про родителей, причем сделала это, скорее всего, в здравом уме и твердой памяти. Интересно, они все еще злятся на нее? Они уже усыновили Аурелиуса или еще только собираются? Приглашать их в гости или нет? Если приглашать, то почему бы не сегодня и не сюда? О'кей, сюда не стоит. Ради Макса! И тем более ради Курта! Кстати, где Курт? Почему он до сих

пор не напомнил о себе? Он что, переехал? Или спит у соседей?

Катрин понадобилось минут десять, чтобы высвободить руки. У нее вдруг родилось подозрение века (по степени ее проницательности и остроты комбинаторного мышления), и она на цыпочках пошла за его подтверждением или опровержением. Она ощупью, вдоль стены добралась до самого отдаленного угла гостиной, где тиканье часов, усиливавшееся по мере приближения к ним, плавно перешло в греческие куранты. Там она оглянулась, и ее взгляд упал на... Вот это сюрприз!.. Нет, *это* Макс должен увидеть сам. Катрин была довольна собой. В течение нескольких часов для нее сами по себе решились две экзистенциальные загадки: загадка поцелуя и загадка сна.

— Катрин, я должен тебе объяснить эту историю с фотографией, — прошептал Макс на каком-то отрезке утреннего времени.

Это было одно из тех утр, когда человек не испытывает никакой потребности знать, который час.

— Когда у тебя вылет? — спросила Катрин.

Это для нее было гораздо важнее.

— Сколько у тебя еще есть времени? Когда тебе нужно уходить? — спросил Макс.

Это для него было гораздо важнее.

— У меня сегодня день рождения, — ответила Катрин.

— Серьезно? — удивился Макс.

— Тридцать, — коротко ответила Катрин.

— Ну и дела! Это надо отпраздновать! — заявил Макс. — Чего ты желаешь?

— Тебя.

— Но может, лучше что-нибудь такое, чего у тебя еще нет?

Они лежали друг в друге, как два кружка лука. Он был внешним кружком, она внутренним.

— У меня большие проблемы с поцелуями... — сказал Макс.

— Ничего страшного, — ответила Катрин. — Поцелуи — это такая скука! Всегда одно и то же.

— Я вылетаю только после того, как ты уйдешь.

— А когда я уйду?

— Когда хочешь.

— Значит, никогда.

— Значит, я никуда не вылетаю.

— Ты хочешь сказать...

— Отпуск — это такая скука! Всегда одно и то же.

Внутренний кружок лука выпростался из внешнего, перевернулся и вновь приник к нему. Теперь они лежали изнанка к изнанке и не замечали, как проходят часы.

Когда люди влюбляются, они совершают самые немыслимые глупости. Например, пропускают свой авиарейс на Мальдивы и вместо этого покупают рождественскую елку.

Это было их первое совместное приобретение, и они радовались ему, как желанному первенцу, рожденному по ускоренной программе. Выбирал елку Курт — те, которые он помечал, отпадали сами по себе. Осталась одна, датская ель. Курт, впрочем, вернулся в свое привычное состояние — состояние стабильного полусна. И Катрин даже знала почему.

Это двадцать четвертое декабря опять, как и всегда, было странным днем. Люди, которые целый год почти не раскрывали рта, вдруг начинали смеяться. Те, кто молчал, вдруг желали кому-то «веселого Рождества». Те, у кого, казалось, вообще нет рук, пожимали чьи-то ладони. Те, у кого не было глаз, подмигивали другим. Те, у кого не было ушей, жадно впитывали «Last Christmas»,^[26] льющееся из репродукторов первого попавшегося универсама. Те, кто никогда не выходил из дома, боясь уличной толкотни и вони, стояли с просветленными лицами посреди праздничной сутолоки супермаркетов и универсамов, выуживали из огромных витрин со специфическим запахом филе трески и любили своих близких, которые отвечали им тем же.

Дома Макс установил елку и набросал на нее мишуры. Катрин тем временем звонила по телефону. Это были очень важные, срочные, секретные звонки. Похоже, она что-то затевала. Потом они сели на оранжево-красный кожаный диван. Потом сползли с дивана на паркетный пол. Потом переместились в спальню. Никто никого не целовал. Никто даже не заикался про поцелуй. Макса это обстоятельство немного смущало. Такого беспоцелуйно-бессловесного конца у этой истории, к сожалению, быть просто не могло.

На после обеда были приглашены Шульмайстер-Хофмайстеры. Это стало сюрпризом для всех участников рождественской ассамблеи (кроме Курта). Катрин спонтанно решила раз и навсегда осчастливить своих родителей. Макс импонировала идея хотя бы теоретически побывать в роли зятя. Для пущей достоверности и убедительности он испек именинно-рождественский грушевый пирог и украсил его тридцатью свечами. Курт лежал под своим креслом и спал. Они взяли его за четыре ноги и отнесли

под елку, где он и продолжил свой сон, усилив декоративный эффект праздничного убранства гостиной.

Родители Катрин прибыли ровно в три. Хуго Босса Младшего с ними на этот раз не было. По-видимому, у него не нашлось подходящего пиджака. В ноздрях Эрнестины Шульмайстер застряла кисло-сладкая улыбка, когда она милостиво приняла протянутую ей руку Макса.

— Это мой новый друг, — перевела Катрин.

Кислые тона мгновенно покинули ноздри фрау Шульмайстер, мешки под ее глазами затряслись, а дрогнувшие голосовые связки одобрительно пропели:

— Золотце!..

Фрау Шульмайстер, вероятно, подумала о предстоящей новогодней свадьбе и о пяти внуках, которых «новый друг» уже, можно считать, подписал в производство.

Рудольф Хофмайстер активировал свой самый приветливый взгляд типа «Так, а теперь мы, мужчины, можем спокойно поговорить о спортивных автомобилях», двинулся на Макса и принялся отбивать у него на плече незримую котлету.

— Я должен извиниться перед вами за поведение моей собаки... — произнес Макс на почти безупречном оксфордском английском с немецкими субтитрами. — Видите ли, обычно он спит. — В подтверждение своих слов он указал рукой на неподвижный моток проволоки под елкой.

Господин Хофмайстер на всякий случай прикрыл глаза рукой.

Пирог всем понравился.

— У груш очень... освежающий вкус, — сказала мать Катрин.

— По-моему, груши вообще не имеют никакого вкуса, — заметила Катрин.

— Грушевый пирог и не должен иметь вкус груш, у него должен быть вкус пирога. Кто хочет есть фрукты, пусть ест фрукты, для этого не нужно печь или покупать пирог, — поделился Макс своим взглядом на проблему.

Все присутствующие согласились с ним.

— Этот молодой человек знает, что говорит, — похвалил господин Хофмайстер.

Потом состоялось вручение подарков. Отцу пока пришлось довольствоваться ваучером на часы для охотников-зоофобов, материализация которого была назначена на первые числа января. Макс еще пока не был включен в программу. Мать получила ночную сорочку средней розовости.

— Золотце, у меня ведь уже целых две розовые ночные сорочки! —

сказала фрау Шульмайстер в качестве сноски к своей профессионально инсценированной радости.

— Ночных сорочек не бывает слишком много, — заявил господин Хофмайстер.

Катрин получила в подарок от родителей полное театральное снаряжение, состоящее из театральной сумочки (обменять), театральных перчаток (оставить), театральной блузки (передарить), театрального платья (отнести в службу социальной помощи малоимущим гражданам), театральных туфель (обменять) и абонемент в театр «Йозефштадт» — самые дорогие места на десять лучших спектаклей в новом году.

— Что же мне туда ходить одной? — спросила Катрин.

— Нет, Золотце, у Аурелиуса места рядом с твоими.

Возникла неприятная пауза.

— Может, господину Максу выкупить у него билеты? — предложил отец.

Макс кивнул.

— Не хотелось бы быть невежливой... — сказала Катрин, — но...

Но родителям пришлось откланяться, причем немедленно. Она шепотом назвала им причину. Макс тем временем написал матери рецепт грушевого пирога. И вероятно, заслужил себе этим право отныне называть фрау Шульмайстер мамой. Господин Хофмайстер, тоже уже созревший для роли папы, взял Макса за плечи и хорошенько потряс, глядя на него своим заключительным взглядом типа «Но в следующий раз мы уж точно поговорим о спортивных машинах!»

Оставалось еще два сюрприза. Катрин попросила Макса на десять минут покинуть квартиру. Без объяснения причин. Правда, ему было сказано, что ничего особенного не будет. Курт составил ему компанию. Не потому, что ему было скучно дома, а потому, что ему было пора. Одним словом, они решили совместить приятное с полезным и отправились на прогулку.

Когда они вернулись, Курту было позволено заняться своими делами. Он мог опять лечь под свое кресло. Это было хорошее кресло. В отличие от колючей датской ели оно не мучило его акупунктурным массажем спины.

Максу еще в прихожей было велено закрыть глаза. Мало того, ему завязали глаза платком. У него была одна веская причина, по которой он безропотно подчинился, даже не спрашивая, в чем смысл этой затеи: Катрин. Если бы она пожелала, он бы на четвереньках прошел через весь парк Эстерхази, не спрашивая ни о каком смысле. Катрин сама по себе

была смыслом всего, что происходило с ним по ее инициативе.

Она взяла его за руку и провела в гостиную, где Моцарт повторял свой вчерашний концерт, только на этот раз громче. Посредине комнаты они остановились.

— И что дальше? — спросил Макс.

— Макс, поцелуй меня, — сказала Катрин.

— Это обязательно? — спросил он.

Он предпочел бы на четвереньках пройти через весь парк Эстерхази.

— Я знаю, тебе это нелегко, но мне так хочется, чтобы ты меня поцеловал! Попробуй, может, получится.

— А зачем повязка на глазах?

— Пожалуйста, поцелуй меня!

Это прозвучало как последние слова человека, умирающего от жажды.

У него не оставалось выбора. Он почувствовал ее руки на своих бедрах. Снизу на него повеяло ее теплом. Он наклонился к ней, взял ее лицо в ладони, почувствовал губами ее губы, ощутил во рту ее язык. Он был нежным и подвижным и имел вкус грушевого пирога. А грушевый пирог, как известно, не имеет вкуса, и это был отрадный факт. К тому же женщину красивее Катрин он еще никогда не целовал. И уже вряд ли поцелует. Это было дополнительным утешением. Он был влюблен в нее до умопомрачения, и это окончательно сломило его сопротивление.

Поцелуй получился долгим, хотя и несколько раз резко прерывался. Сначала приступы тошноты носили довольно безобидный характер. Образ жирной Сиси периодически вспыхивал в его сознании, но, к счастью, был расплывчатым и держался на почтительном расстоянии. Он почти не выделялся на фоне более резкого изображения взрослой Сиси. К тому же Макс мысленно обводил взглядом очертания ее фотогуб. В какой-то момент он вдруг вспомнил свой позор — когда Катрин застукала его на месте преступления с фотогубами в руке. Почему она до сих пор так и не спросила про это фото? Откуда она вообще знала, что ему тяжело целоваться? Почему так долго ждала поцелуя? Все эти мысли помогли ему выиграть несколько драгоценных секунд.

Вначале были моменты, когда поцелуй ему даже доставлял удовольствие. Он чувствовал тело Катрин, ее запах, вспоминал прошедшую ночь, радовался предстоящей, мечтал о последующих. На каком-то этапе Катрин убрала его руки со своей шеи. Ее тело тоже как-то незаметно отстранилось от него. Теперь они были связаны только через поцелуй, но ее язык тоже постепенно сокращал зону своего присутствия.

Потом Катрин, судя по всему, вдруг полностью отстранилась от него.

Он уже не чувствовал ни ее тела, ни ее запаха и даже не слышал ее — Моцарт слишком властно забарабанил по клавишам пальцами пианиста. Поцелуй оставил послевкусие пустоты и задним числом сдавил ему горло тошнотой. Макс никак не удавалось стереть в сознании контуры ехидно ухмылявшейся жирной Сиси.

— Катрин! — позвал он и начал искать ее на ощупь.

— Я здесь... — прошептала она ему на ухо. Она, по-видимому, стояла рядом с ним.

Губы, которые он через секунду вновь ощутил своими губами, избавили его от очередного рецидива детской психологической травмы. Теперь губы Катрин показались ему более полными, язык более широким, а движения его более размашистыми. Запах тоже был другим, более сладковатым, а вкус каким-то странно чужим и в то же время знакомым. Пальцы Катрин, более толстые и прохладные, поднялись по его щекам до висков, поднырнули под повязку и медленно сдвинули ее на лоб.

Макса охватило какое-то зловещее чувство. Это была не физическая тошнота, так хорошо ему знакомая, но это чувство имело те же истоки. Оно вернуло его в прошлое, в его самые жуткие кошмары, напомнило ему постоянно повторяющееся, леденящее душу событие. Так близко, как теперь, оно еще никогда не подступало. Позывов к рвоте не последовало — его мозг блокировали более сильные впечатления.

Повязки на глазах у него уже не было, но, томимый страшным предчувствием, он не спешил открывать их. Потом наконец сквозь узенькую щелку увидел... Нет, это были не миндалевидные глаза. У Катрин ведь, кажется, были миндалевидные глаза? К тому же у нее не было мелированных светлых волос, широкого лица, крепкого носа...

Эта женщина была не Катрин. Это была другая, незнакомая женщина. Она вдруг крепко прижала его к груди и впилась в его губы страстным поцелуем. Макс был слишком ошарашен, чтобы оттолкнуть ее от себя. Катрин стояла рядом с ним, положив ему руку на плечо. А за ней — шаманка Паула с горящими глазами. Макс мгновенно понял, что весь этот спектакль ее рук дело. Что же это за странная игра? Они что, решили посмеяться над ним? Нет, для этого у них были слишком серьезные лица.

Поцелуй завершился звонким чмоком, который издали губы незнакомки. Макс все еще был настолько ошеломлен, что даже не чувствовал отвращения. Но эту незнакомку он где-то уже видел. У нее были... Да, это те самые губы! Фотогубы, которые он уже однажды целовал...

— Лизбет Виллингер. Рада познакомиться, — сказала она и вытерла

губы тыльной стороной ладони, словно закончила прием пищи.

— Браво, Макс! — произнесла Паула холодно, как хирург после удачной операции, и три раза хлопнула в ладоши.

Катрин обняла его. Потом взяла его голову в ладони, как мать, утешающая ребенка, который набил себе огромную шишку.

— Вот видите, он даже ничего не заметил! — ликующе воскликнула Лизбет Виллингер. — И за это мне действительно полагается билет на самолет? Вот здорово! Такого со мной еще не бывало. А мне даже понравилось, честное слово! Вот будет смеху-то, когда я расскажу мужу! А где эти Мальдивы? А сколько у меня еще времени до вылета? Если вам еще когда-нибудь понадобится кого-нибудь разыграть...

Паула проводила ее до двери.

Курт лежал под своим креслом и делал вид, что спит. Время было уже позднее, так что пора было сосредоточиться на бодрствовании. Он ждал, когда погасят свет. Он ждал, когда Макс ляжет в постель. Он ждал — и это было новым в его жизни, — когда Макс и Катрин лягут в постель. Ему пришлось ждать дольше, чем обычно, и это тоже было новым в его жизни. Тишина в кровати воцарилась не сразу, и это тоже было новым в его жизни. Но эти звуки ему не мешали. Они не мешали ему заниматься своими делами. Рано или поздно они стихнут. И тогда остаток ночи будет принадлежать ему безраздельно, на все оставшееся время.

Он занимался этим, вероятно, с тех пор, как появился в доме Макса. Он не считал ночи, проведенные за этим занятием. Скучно? Никогда! Усыпляюще? Ничуть! Это было напряжение, которое никогда не ослабевало. Ожидание, которое всегда вознаграждалось, регулярно, с точностью до минуты. Курту не надо было рассказывать, сколько длится час. Никто на свете не мог лучше его определить тот момент, когда они готовятся начать бой.

Он выполз из-под кресла, сел на задние лапы и стал ждать. Это была самая красивая поза, которую он мог принять. Собаководы дали бы за эту позу любой приз. Ни один немецкий дратхаар не способен так элегантно выгнуть спину — даже за двойную порцию бефстроганова. А у Курта был стимул благороднее, чем бефстроганов. Он сидел и выпрашивал следующий час. И делал это ежечасно, вновь и вновь, ночь за ночью.

Вдруг, ни с того ни с сего, в стене раздавался скрип, отворялась дверь, и появлялись они, его критские друзья, его земляки. Он каждый раз испуганно вздрагивал. Это происходило, когда покой точно в назначенный срок материализовался в некую определенность: что сейчас наступит то,

что должно наступить, потому что Курт уже ждет, уже готов участвовать в спектакле, готов легитимировать церемонию и в очередной раз принять время от настенных часов.

Герои каждый раз радовались присутствию Курта. Они приветствовали его своими пиликалками. Он подбадривал их символическим лаем-шепотом. Вот и сейчас они описали три круга, трижды пробили в барабаны, попрощались и зашагали обратно в свой домик. А он послал им вслед что-то вроде воздушного поцелуя в виде придушенного повизгивания.

Около получаса он стоял с широко раскрытыми стекляшками кофейного цвета под впечатлением увиденного и услышанного, пытаясь разложить все это по полочкам в своем сознании. Потом пора было готовиться к следующему акту. Он знал: эти симпатичные греки вернутся, опишут уже четыре круга и четыре раза грянут в свои барабаны.

И только когда за окнами рассветет, когда в спальне зазвенит будильник, когда послышатся первые звуки, издаваемые Максом, когда — и это тоже было новым в его жизни — послышатся первые звуки, издаваемые Максом и Катрин, Курт сложит с себя полномочия ночного сторожа и главного координатора ночных часов, ляжет под свое кресло и уснет.

notes

Примечания

Гоночная трасса в Германии, рядом с поселком Нюрбург в федеральной земле Рейнланд-Пфальц. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Вторая жена Дитера Болен, немецкого певца, музыканта, продюсера и композитора, ведущая развлекательного шоу «Реер» на немецком телевидении.

Австрийский мясной корм для собак.

4

Знакомство на один раз (*англ.*).

5

Знакомство на два раза (*англ.*).

Одна из наиболее популярных позиций при половом акте. В классическом варианте мужчина находится сверху, между раздвинутых ног лежащей на спине женщины.

Здесь: полный рабочий день (*англ.*).

Десерт австрийской кухни.

Гарри Лиллис «Бинг» Кросби (1903–1977) — известный американский певец и актер.

«Белое Рождество» — известная рождественская песня, впервые исполненная Бингом Кросби в одноименном фильме.

Дорис Мэй Лессинг (р. 22 октября 1919) — английская писательница-фантаст, лауреат Нобелевской премии по литературе 2007 года.

Херберт Джеффри Хэнкок (р. 12 апреля 1940) — американский джазовый пианист и композитор, один из наиболее влиятельных джазовых музыкантов XX века.

Аппарат для замедленной покадровой киносъемки.

Ганглиозные клетки — клетки в сетчатке, аксоны которых простираются от зрительного диска к зрительному нерву.

«Полный благости, полный радости / Благодатный день Рождества!..»
(перевод Алексея Жижина) — одна из самых популярных немецких рождественских песен.

Британский кинофильм 1994 года в жанре мелодрамы с комедийными элементами. Режиссер Майкл Ньюэлл.

Хуго Фердинанд Босс (1885–1948) — основатель германской компании-производителя модной одежды, разбогатевший на разработке и производстве униформы СА, СС и гитлерюгенда, а затем и солдат вермахта.

От древнего итальянского замка в Каноссе, прославившегося знаменитым паломничеством императора Генриха IV, который вступил в конфликт с Папой Григорием VII за право назначать епископов. Папа отлучил короля от церкви и этим поставил его вне закона. Генрих был вынужден признать свое поражение и в рубище, босой и голодный, три дня ждал встречи с понтификом у ворот Каноссы. С тех пор «хождение в Каноссу» означает позорную капитуляцию.

К абсурду, к нелепости (*лат.*).

Брюс Фредерик Спрингстин (р. 1949) — американский рок- и фолк-музыкант и автор песен.

Фантастический фильм (1982 г.) режиссера Стивена Спилберга.

«Обратная сторона Луны» (англ.).

Телевизионная передача, во время которой зрители могут по телефону получить консультации специалистов в различных областях жизни, науки и техники.

Дорис Дёрри (р. 1955) — немецкий кинорежиссер, сценарист, писатель.

«Колокола преисподней» (*англ.*) — песня австралийской хард-рок-группы «AC/DC».

«На прошлое Рождество» (*англ.*) — песня британского поп-дуэта «Wham!».